

В ШКОЛУ С ШЕСТИ ЛЕТ.

Какой быть
дискотеке.

ПЕРЕПИСКА
Н. В. ГОГОЛЯ
С СЕСТРАМИ.

№ 23 (1381) ДЕКАБРЬ 1984

СМЕНА

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ

РАЦИОНАЛИЗАТОРА

Из 500
молодых рабочих
и инженеров завода
только 18
занимаются
техническим
творчеством.
В чем же причина?

Пришел в Госбанк изобретатель. Протянул кассирше пачку кредиток:

— Оформите, пожалуйста.

Получив от взволнованной кассирши исчерпывающую информацию, управляющий Госбанком тут же поднял телефонную трубку: он знал, куда надо звонить в подобных случаях. Небольшая заметка в местной газете произвела на горожан сильное впечатление. Одни — и их оказалось немало — по примеру земляка тоже перечислили в Фонд мира свои трудовые рубли. А кое-кого заняла жгучая проблема: сколь увесиста у изобретателя сберегательная книжка, ежели он вот так, запросто, оторвал от себя тысячу?

Альберт Баркан смеялся от души. Такая натура у человека. Не умеет сдерживать эмоций, особенно жизнерадостных.

Тайна вкладов охраняется законом. Но изобретатель сам раскрыл ее, а заодно и причину своего веселого смеха:

— Можете глянуть — это не государственная тайна.

Каюсь, глянул: одолело любопытство. В сберкнижке стояло небольшое трехзначное число. Баркан увидел легкое разочарование на моем лице и опять рассмеялся:

— Вот именно. Те, кто торгует пивом, живут шикарнее изобретателей. «Жигули» — я, правда, купил. Едим и спим, слава богу, не на полу. А вот чего нет, того нет. Слухи о баснословных гонорах несколько, я бы сказал, преувеличены...

Альберт говорил чистейшую правду, хотя и не всю. Оказалось, что он все-таки самый что ни на есть миллионер. Плоды его технического творчества помогли сберечь для государства свыше десяти миллионов рублей.

Первое «изобретение» Баркана связано с малопривлекательной ситуацией. Послал его как-то в командировку в Казахстан. Был Альберт тогда молодым водителем старого самосвала, возил целинную пшеницу из поселка Жолымбет на железнодорожную станцию Шортанды. Расстояние — семьдесят километров. Однажды в дороге прохудился радиатор, вытекла вода. Баркан отстал от автокаравана. А дело к вечеру, а вокруг ни души.

Забрался Баркан в кабину самосвала, долго высматривал надежду на спасение по окружности горизонта. Надежда явилась в виде озера с зелеными берегами и даже с рыбаком на лодочке. Далекое, правда, да ноги-то молодые, а дырки в радиаторе можно пока что заткнуть ветошью. Кубарем скатился с кабины, схватил ведро — и вперед.

Но что за чертовщина? Летит молодой водитель к спасительному озеру, а оно... вместе с зелеными берегами и лодочкой

так же резово отодвигается. Потом и вовсе пропало. Тут-то Баркан и вспомнил школьные уроки географии, рассказы бывалых людей о миражах... Грохнул ведром о землю и поворотил обратно.

В Латвии сперва бывают сумерки, вечерняя заря, потом уже луна и звезды. А тут ночь хватанула как оухом по голове. Только что было светло — и вот ни зги. Да это бы ладно. Вместе с темнотой навалился адский холод — обычное дело в здешних местах, особенно в осеннюю пору. Одетый в коротенькую безрукавку без пуговиц, завязанную узелком на животе, Баркан волчком крутился вокруг машины, разбойным голосом пел, для поднятия духа, различные бодрые песни и даже пытался засунуть себя в пшеницу, которая была в кузове. — желанное тепло прихледило, но ненадолго.

Хорошая мысль пришла в полночь, когда в голову полезли нехорошие соображения вроде того, какой над ним поставят памятник: деревянный или из серого гранита? Мысль сверкнула подобно молнии: без воды в радиаторе ехать по жаре — прощай двигатель. А ежели сейчас, при такой вот холодреге?.. И он нажал на стартер. Верст через десять температурная стрелка стала упираться в красную черту. Отдохнем, покурим, остынем, дальше двинем... Еще десяток километров... Снова отдохнем... В кабине тепло, жить можно... Еще разок... К рассвету он был на своей базе и, пиная колеса, говорил слегка равнодушно:

— Тут с радиатором что-то не то — надо паять...

— Я это к чему вспомнил? — спросил изобретатель в одном из цехов своего завода, где выступал с лекцией «Творчество мышления». — А вот к чему. Порой мы жалуемся на самочувствие и бежим к врачу, а оказывается — надо к саложнику, потому что жмут салюги и от этого ухудшается циркуляция крови в организме, появляется головная боль... Что самое главное в нашем деле? Перво-наперво увидеть проблему. Увидел — четко и ясно ставь перед собой задачу, мобилизуй мозг, собирай в кулак волю и нервы и, не оглядываясь по сторонам, двигайся к цели. Я ведь тогда и за миражом ударился и предавался пессимизму вовсе даже зря. Стоило только пошевелить извилинами, поставить перед собой главную конкретную задачу — на неисправном самосвале добраться до базы, как отыскался и способ ее выполнения.

Ну, а если говорить о первом серьезном рациональном предложении, то его Баркан подал через год после того, как поступил учеником слесаря на завод доильных установок в городе Резекне. Это было приспособление для полуавтоматического фрезерования крышки доильного ведра. Производительность труда

на сложной и утомительной операции подскочила в десять раз! Автора поощрили премией и отметили благодарностью, хотя немало поудивлялись: «Надо же, какой шустряк; и на заводе без году неделя и новшество придумал совсем не по своей специальности. Далеко может пойти, если не остановится...»

А в «шустряка» вселился азарт. Баркану понравилось разгрызать технические и технологические «орешки», находить что-то необычное в привычном. Сперва ему помогали интуиция и врожденное любопытство. Для решения простеньких задач этого было достаточно. Но, когда стали попадаться «орешки» покрупнее и неподатливее, понял: без специальных знаний и соответствующей подготовки тут зубы сломаешь, а толку не добьешься. Тогда он подписался на целую кучу журналов, зачастил в заводскую библиотеку и в книжный магазин. Сейчас у него дома здоровенный книжный шкаф битком набит всевозможной технической и справочной литературой, а то, чего нельзя найти у себя в городе, Баркан получает по межбиблиотечному абонементу.

Но от любых теоретических познаний прок есть лишь в том случае, если человек умеет состыковать их с конкретными практическими потребностями. Баркан брался за книги не ради того, чтобы скоротать время или показать себя эрудитом в каком-нибудь случайном разговоре. Знания ему требовались для дела. И хотя он до сих пор в свободную минуту любит перечитывать Льва Толстого, Марка Твена, Дюма, Ефремова и прозу Пушкина, на главном месте у него техническая литература.

У изобретателя нет «громоотвода» от идей, и дерзкая мысль может шваркнуть его в любой момент и где угодно. Баркана она пригвоздила к полу посреди совхозного коровника. Попал он туда не по служебным надобностям, а любопытства ради: делаем неплохие доильные установки, но как на них реагируют буренки? Вроде бы неплохо. А вот доярки иногда досаждают: время от времени «заедают» задвижку молочно-вакуумного крана, через который вакуум отсасывает молоко из вымени.

Не его в том вина, что задвижка «заедают», а все же Баркан аж покраснел от стыда. Так у него совесть устроена: чужая вроде недоработка, а воспринимается словно своя. Надо, значит, устранять. Глянул, что там не в порядке? «Заедаешь» в обойме, задвижка рвет резиновые уплотнители. Кран становится дырявым. Правда, заменить прокладки — раз плюнуть. Если они имеются в запасе. А если их нет?..

Технические подробности могут показаться скучноватыми и малопонятными, поэтому скажу сразу о результате: Баркан начисто переделал конструкцию и придумал другой способ изготовления

вакуумного крана. Причем такой простой, что на заводе чесали затылки: «Мать честная, почему такая идея не пришла в голову мне? Ведь это же как дважды два...» Скажете, кран — пустяк? Но, во-первых, доярки с ним хлопот не знают. Во-вторых, экономический эффект — 400 тысяч рублей в год! Новинка заинтересовала фирму «Импульс» из ГДР — просят поставлять им больше сорока тысяч штук ежегодно.

Однажды Альберт Баркан и его друг и соавтор по многим изобретениям Янис Ваверс сделали простой и надежный счетчик молока. Понадобилось, однако, девять лет, чтобы новшество, признанное изобретением, получило «прописку» на родном предприятии. Завоздка оказалась, как ни странно, в том, что новый счетчик был в четыре раза дешевле прежнего. А это свыше двух миллионов рублей годовой экономики! Для государства. Но заводу-то и Минживмашу как быть? Сокращать стоимость доильных установок и на два миллиона снижать план выпуска продукции? Вот во что уперлась проблема. И стояла до появления фельетона в одной из газет, после которого виновников наказали, дело сдвинулось... Не забудем, однако, что за девять тягучих лет государство могло получить, но — увы! — не получило дополнительно 18 миллионов рублей экономики. Сколько же это квартир или, к примеру, детских садов? Из тринадцати баркановских изобретений его родной завод доильных установок использует пока только четыре, а из 224 рацпредложений — чуть больше пятидесяти. А у него между тем накопилось немало новых интересных предложений.

Кто хочет, тот делает, кто не хочет — ищет причины. Их на заводе пруд пруди, искать не надо: сами валяются под ногами. Придумал, скажем, смело мыслящий человек какое-то солидное новшество. Чертежи чертежами, но надо бы сделать и образец. А где и как? Нет на предприятии даже закуточка для изготовления образцов и проведения экспериментов. Тогда, быть может, поклониться службам вспомогательного производства? Поклониться-то можно, спиной не переломится. Но нет у этих служб никаких лимитов на проведение экспериментальной работы.

Людей незакаленных, особенно молодых, все эти трудности отпугивают, редеют ряды новаторов. Сейчас в более чем двухтысячном заводском коллективе их осталось восемьдесят человек. Четыре года назад было сто сорок. Особенно грустным с точки зрения перспектив представляется то, что рабочая молодежь не рвется в изобретатели и рационализаторы. Пятьсот молодых производственников трудятся на предприятии — техническим творчеством занимаются... восемнадцать.

Альберт Баркан от трудностей в сторону не бежит. Не тот характер. Если уж он оседлал какую-то крылатую мысль, то будет пробиваться с ней через все грозные тучи, препятствия и рогатки. Но то — Баркан. А другим надо помогать.

За плечами Баркана всего лишь вечерняя средняя школа. Техническое творчество настолько его засосало, что не удалось выкроить времени на институт. Между прочим, даже не заметил, как бросил курить. Обнаружил как-то в ящике рабочего стола распечатанную пачку сигарет и удивился: откуда она тут, я же вроде некурящий...

Человек, стало быть, сам себя делает человеком. Прежде всего. Если он не захочет и не будет развивать свои способности, то, приставь к нему хоть целую армию докторов и кандидатов наук, результат предсказать нетрудно. Разве мало мы встречали дипломированных специалистов, от которых толку на грош?

Баркана перетянули на завод друзья по вечерней школе. Начинать учеником слесаря, а через несколько лет был назначен начальником конструкторского бюро технологической оснастки.

Бюро на заводе иногда называют интеллектуальной кузницей кадров. Сотрудников здесь десять человек. Время от времени кто-то куда-то отсюда уходит. Но Баркан всегда имеет «резерв на выдвижение». Он заранее очень внимательно присматривается к студентам-заочникам, особенно к слесарям-инструментальщикам, ищет в цехах наиболее «головастых», а потом зовет их в КБ попробовать силы. Работает вместе с молодыми, подсказывает темы для самостоятельной творческой инициативы. Дерзай, выдумывай, пробуй!

Это Баркан внушает каждому, кто становится к кулюману. А его энергия на молодых действует, как полупный ветер в паруса. Вот, например, в инструментальном цехе он приметил слесаря по ремонту пресс-форм Роберта Скределья. Походил вокруг него какое-то время, пригляделся. Есть разные категории работников. Одни относятся к делу формально, не особенно вникая в его содержание. Ему сказали — он пошел и сразу делает. Про таких здесь говорят: «В кубики играют». «Настрогают» впопыхах этих «кубиков», начинают «складывать» — не получается. Шум — чуть не на всю Вселенную. Кто виноват? Конечно, тот, кто дал им «неправильные» чертежи или «неправильные» заготовки. Причин сотни. Другие же, получив задание, сперва начинают думать, как его выполнить наилучшим образом. Придут и в конструкторское бюро, если им что-то неясно.

Слесарь Роберт Скредель оказался из числа думающих. К тому же учился в политехническом институте.

Для начала Баркан дал ему задание усовершенствовать пресс-формы.

Первая попытка у Роберта была несмелая и половинчатая. Баркан ее забраковал, но так, чтобы у парня не опустились руки:

— Мысль верная, однако копни поглубже. Чувствую, что там тебя ожидает сундук с сокровищами...

Немало Скредель заточил карандашей и потратил времени, пока докопался до «сундука с сокровищами». Но зато и успех получился немалый: созданная им принципиально новая конструкция литьевых форм для переработки пластмасс получила статус изобретения.

Путь к вершинам — большим или малым — никому не заказан. Надо только найти себя в деле, которому служишь, и в поисках своей высоты поднять голову, а не держать ее все время «клювом» вниз, как та курица-наседка, которая учила своих цыплят: «Мир делится на то, что едят, и на то, что не едят». Такая позиция не побуждает к дерзанию и отваге, не требует пространственного воображения и могучего интеллекта, позволяет жить спокойно, не вникая ни

в чьи заботы, радости и огорчения, кроме своих собственных. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» — сей «гимн» для собственного утешения могли придумать только слабаки и ленивцы. А вот «лучше гор могут быть только горы» — это ведь не только об альпинистах. Альберт и его молодые соратники предпочитают «горы»...

Однажды Баркан совершенно случайно познакомился и разговорился с грустным парнем. Тот ему чем-то приглянулся.

— С ним происходило примерно то же самое, что и со мной когда-то, — вспоминает об этом Альберт. — До того, как попасть на завод, я ведь обскакал целый десяток предприятий: был грузчиком, лесорубом, плотником, водителем, краснодеревщиком — и нигде не мог душой зацепиться. Этот парень к моменту нашего знакомства в очередной раз тоже стоял, как витязь на распутье. Я привел его на завод, поводит по цехам и посоветовал закрепиться в механическом. Поговорил тут с одним толковым токарем, попросил взять шефство. Ну и сам, конечно, наведывался к «крестнику».

Оказалось, это именно то, что и было нужно Янису Цауне. Сейчас он считается на заводе токарем экстра-класса, одним из активнейших рационализаторов. Баркан был бы не Барканом, если бы не добился этого. Вместе с производственным авторитетом пришло к парню и общественное признание: он избран депутатом горсовета и в этом качестве известен как достойный представитель заводского коллектива. А началось-то ведь со случайной встречи...

Философы, впрочем, утверждают, что случайности — это пересечение необходимостей. Хорошо, когда в центре таких пересечений находятся люди, подобные Альберту Баркану.

... Не знаю, каким образом сотрудники Псковского областного Дома техники разглядели в небольшом латвийском городке Альберта Баркана. В многоэтажном доме люди, бывает, годами живут на одной лестничной клетке и ничего друг о друге не ведают. А тут в один прекрасный день из Пскова в Резекне пришла официальная бумага с просьбой именно его командировать «для встреч с новаторами промышленных предприятий областного центра». Просьбу уважили. Но через полгода явилось новое письмо. Оказывается, вояж Баркана в областной центр не ускользнул от внимания новаторов города Великие Луки — они тоже захотели встретиться с интересным человеком. Баркан снова отправился в командировку.

В том, что Баркана сердечно принимали в Пскове и Великих Луках, нет ничего удивительного: интересным людям всегда и везде рады, общение с ними — это как заряд энергии.

Удивительно другое. Я знаю многих рижан, киевлян, москвичей и ленинградцев, которые живут себе там, где полно различных музеев и театров, и мыслят: да ладно, еще успеем в них побывать. Порою это «успеем» растягивается на долгие-долгие годы, а то и на всю жизнь. Зато приятно: живешь по соседству с культурой, стоит лишь дорогу перейти...

О Баркане в его родном городе мало кто не читал и не слышал. Однако редкостные способности Баркана популярно рассказывать о методологии технического творчества, современных методах поиска новых технических идей и решений в городе почти не используют. Он же рядом — куда денется? Еще успеем... Был, правда, случай: городской Дом пионеров и школьников пригласил его выступить перед старшеклассниками с лекцией о принципах творческого мышления. Изобретатель тщательно подготовился, в назначенный день и час явился, однако там что-то такое «не состыковалось», и аудиторию для него просто-напросто никто не организовал. Перед Барканом вежливо извинились, но больше и не

звали. Труд, конечно, напрочь не пропал: по собственной инициативе Альберт выступил с этой лекцией в цехах и заводоуправлении своего предприятия. Однако досадно: старшеклассникам тоже было бы чрезвычайно полезно послушать, что от них потребуется, когда они после школы придут на производство.

А ведь придут обязательно, потому что вузы не в состоянии принять каждого из выпускников средних школ. Туда поступает лишь около двадцати процентов, остальные идут в ПТУ. Резекненские школьники не исключение из этой статистики. Значит, их заранее надо готовить к активному участию в техническом творчестве. Баркан готов внести в это свою лепту. Например, в одной-двух школах или в том же Доме пионеров читать для старшеклассников цикл лекций о принципах интеллектуальной «кухни» творческого мышления, сопроводив их увлекательными практическими занятиями. Я слушал его выступления в различных аудиториях и могу засвидетельствовать: Баркан умеет говорить зажигательно, интересно и убедительно. Грех упускать такую возможность для воспитания будущей рабочей молодежи.

Кстати, не только будущей. На одном из пленумов горсовета ВОИР он как-то высказал, по-моему, очень дельную мысль о том, что в городе пора открыть университет научно-технического творчества. Пусть рабочая молодежь всех резекненских предприятий (их тут немало) обучается современным методам поиска новых технических идей и решений. Надобность в этом большая. Ведь не только на заводе доильных установок мало молодых новаторов. Такое же положение и на других предприятиях...

Дома у Баркана я видел серебряную и бронзовую медали ВДНХ СССР, знак Центрального Совета ВОИР «Отличник изобретательства и рационализации», удостоверение лучшего рационализатора Минживмаша СССР, множество дипломов и грамот за техническое творчество и активное участие в общественной работе. Но самой дорогой для себя наградой он считает памятный жетон советского Фонда мира, полученный в 1978 году. Удостоверение к жетону имеет номер 6409 и подписано Борисом Полевым.

— Я знаю, что такое война... — сказал мне Альберт Баркан. — И не хочу, чтобы у моих детей было такое детство, как у меня.

Его родной город Резекне 27 июля 1984 года отмечал сорокалетие освобождения от фашистских оккупантов. А накануне Альберт Баркан как раз получил авторский гонорар за тот самый счетчик молока, который дает сейчас двухмиллионную годовую экономию. Наутро Баркан отправился в Госбанк и перечислил в Фонд мира еще одну тысячу рублей — третью часть вознаграждения.

ОТ РЕДАКЦИИ. Живет в городе незаурядный талант, щедрой души человек. Все свои знания, опыт стремится передать молодежи. И многое делает по собственной инициативе. Но его энергии хватило бы на большее. Ряды молодых новаторов редкостно не только на заводе доильных установок. Не лучше положение и на других предприятиях города Резекне. Нам кажется странным, что заводской и городской комитеты комсомола плохо используют опыт талантливых людей, которые могли бы внести свой вклад в развитие НТТМ.

После выступлений «Смены»

«НАПИСАНО ПЕРОМ...»

В статье под таким заголовком, опубликованной в шестнадцатом номере «Смены», говорилось о недостатках в стиле работы Псковского горкома ВЛКСМ. Конкретнее же, речь шла о пассивности, инертности горкома в деле выполнения принятых постановлений. Так, в январе этого года пленум горкома принял важное решение: добиться создания новых комсомольско-молодежных коллективов. Прошло несколько месяцев, однако на предприятиях города, в частности в объединении «Псковхимлегмаш», комсомольская организация которого критиковалась на пленуме, не появилось ни одной новой комсомольско-молодежной бригады.

В редакцию пришел ответ Псковского обкома ВЛКСМ. «Сообщаем, — говорится в нем, — что статья «Написано пером...» обсуждена на совещании секретарей комсомольских организаций города Пскова, а также на заседании постоянной комиссии по делам молодежи Псковского городского Совета народных депутатов. Критика признана правильной».

Бюро горкома комсомола наметило ряд мер по устранению отмеченных недостатков. На объединении «Псковхимлегмаш» проведено выездное заседание бюро ГК ВЛКСМ, на котором обсуждены вопросы, затронутые в публикации «Смены». В настоящее время здесь созданы два комсомольско-молодежных коллектива, совместно с партийной организацией, администрацией решается вопрос об увеличении количества комсомольско-молодежных бригад.

В Пскове на базе завода «Автоэлектроарматура» прошел семинар секретарей комсомольских организаций промышленных предприятий, где рассматривался конкретный опыт создания и работы комсомольско-молодежных коллективов.

Принимаются меры по совершенствованию стиля, форм и методов работы Псковского горкома ВЛКСМ. Например, увеличено время пребывания работников аппарата на местах — с целью оказания практической помощи первичным комсомольским организациям.

Критическое выступление журнала обсуждено также на областном совещании секретарей горкомов и райкомов комсомола.

В. МЕЛЬНИКОВ,
секретарь Псковского
обкома ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1381) ДЕКАБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
каменщица
Алла Казимьярайте
приехала
по комсомольской
путевке
из Вильнюса в Москву
на строительство
Дворца молодежи.

Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ.

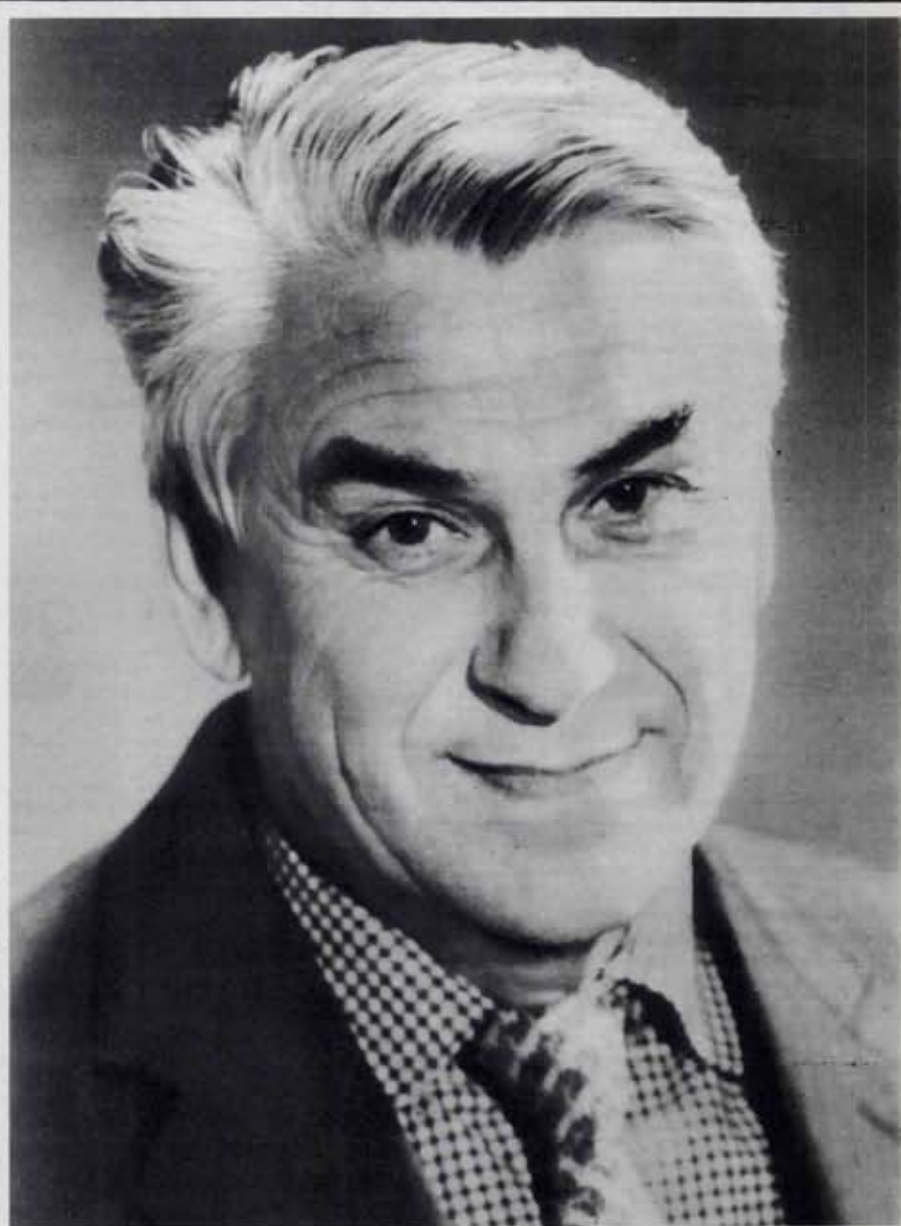
- 1** Михаил ПЕЧЕРСКИЙ.
«ТРУДНЫЙ ХЛЕБ РАЦИОНАЛИЗАТОРА».
- 2** ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Анатолий СОБОЛЕВ: «ПИШУ БИОГРАФИЮ ПОКОЛЕНИЯ».
- 7** КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ:
«ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
- 8** Рассказ Валерия МЕДВЕДЕВА «КИРА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ».
- 11** Стихи Сергея БАРУЗДИНА.
- 12** «УЧЕНЬЯ С ВЕТ С ШЕСТИ ЛЕТ...». Фоторепортаж
Алексея ВОРОБЬЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14** ДЕТСКИЙ ДОМ—ТЕПЛЫЙ ДОМ.
Владимир ЕВДОКИМОВ. «НЕ БЕДА—ВИНА».
- 15** ЧИТАТЕЛЬ—«СМЕНА»—ЧИТАТЕЛЬ. «СИЛА ДОБРОТЫ».
- 16** Евгений МАЛИНИН. «КУРАНТЫ НАД ВОЛГОЙ».
- 17** Леонид ПЛЕШАКОВ. «ВОЗДУШНЫЙ КОРИДОР».
- 19** ТВОЙ СОБЕСЕДНИК—ЧЕМПИОН.
- 20** «НА ДНЕ ПРОПАСТИ». Фоторепортаж
Алексея КОРЕНЕВСКОГО и Александра МОРОЗОВА.
- 21** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24** «НЕ РОНЯЯ ДОСТОИНСТВА».
Из писем Н. В. Гоголя сестрам.
- 27** Константин СКВОРЦОВ. «ИМЕНА». Венок сонетов.
- 28** Петр НОВИКОВ.
«ПУШКИНСКИЙ СЮЖЕТ В СВЕРДЛОВСКЕ».
- 29** Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1984 г.

Анатолий
СОБОЛЕВ:

«ПИШУ Б

Книги Анатолия Соболева

«Грозовая степь». Повесть («Детская литература», 1964).
«Безумству храбрых...». Повесть и рассказы («Молодая гвардия», 1965).
«Тополиный снег». Повести и рассказы (Калининградское книжное издательство, 1970).
«Кешка и Василек». Повести (Калининградское книжное издательство, 1971).
«Бушлат на вырост». Повести («Современник», 1972).
«Берег студеных туманов». Повести («Молодая гвардия», 1972).
«А потом был мир». Повести и рассказы (Калининградское книжное издательство, 1975).
«Зимней ясной ночью». Повесть и рассказы («Детская литература», 1976).
«Тихий пост». Повести (Калининградское книжное издательство, 1976).
«Какая-то станция». Повести («Современник», 1978).
«Штормовой пеленг». Повести («Молодая гвардия», 1979).
«Награде не подлежит». Повести («Современник», 1981).
«Курсом норд-вест». Повесть и рассказы (Калининградское книжное издательство, 1981).
«Ночная радуга». Повести (Военное издательство, 1982).
«Звенит в ночи луна». Повести («Детская литература», 1982).

Для тех, кто прошел по огненным дорогам Великой Отечественной, война стала величайшим потрясением, звездным часом испытания духа. Она навсегда осталась в их сердце, в их памяти, жизни, творчестве. Это писатели легендарного фронтового поколения. К этому поколению принадлежит и прозаик Анатолий Соболев, как и многие, со школьной скамьи шагнувший в испепеляющий огонь войны. «Юность моя, — пишет Анатолий Соболев в одном из лирических отступлений повести «Пятьсот — веселый», — прекрасна не только свежестью и здоровьем, но — главное! — тем, что я разделил все, что выпало на долю моего народа. Там, на войне, были главные годы мои — годы самоутверждения и бескорыстия, годы, самые важные для моего существования на земле, самые определяющие в моей судьбе».

Василь Быков в предисловии к одному из сборников прозы Анатолия Соболева так определил основную ее направленность: «В ряде книг о войне он с завидным постоянством воссоздает ее суровые, чуждые псевдогероику и напускного бахвальства будни, в которых выстоять и победить было столь же невероятно трудно, как и необходимо. Победа над немецким фашизмом давалась ценой обильного солдатского пота и большой солдатской крови».

На вопрос, что заставляет его постоянно возвращаться к теме войны, Анатолий Пантелеевич отвечает:

— Тридцать девять лет минуло, как смолкли орудия, послевоенное поколение вступило в пору зрелости, а сердце с неизменной печалью помнит фронтовых друзей, не доживших до Победы. Не былинные витязи, не легендарные герои, не супермены, говоря нынешним модным нерусским словом, а светлоглазые да застенчивые парни из деревень и городов России, еще безусые, нецелованные, в свой смертный час не дрогнувшие, все идут и идут ко мне из туманной дали грозных лет.

На Алтае, в моем селе, стоит обелиск, поставленный в память о тех, кто не вернулся с войны и лежит в безымянных да братских могилах за тысячи верст от родимых мест. Когда писал свои книги, в зрительной памяти держал тот простой обелиск с именами моих односельчан. А имен тех много, очень много. И погибшие незримо стояли рядом, требовали писать одну жесткую правду, не позволяя сбиться на фальшь и красоту. Правду, одну только правду, и ничего, кроме правды, должно писать о войне.

Анатолий Соболев — уроженец Алтая, этого удивительного по красоте и масштабам края, жемчужины

скую власть, был приговорен к расстрелу, за час до казни бежал вместе с часовым. И снова — Красная Армия, он — конный разведчик у Буденного. Закончил гражданскую командиром роты, большевиком. После демобилизации налаживал Советскую власть в своих краях.

Его памяти и посвящена повесть «Грозная степь», за которую Анатолий Соболев в 1963 году получил премию Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу. Потому представляется важным так подробно рассказать биографию отца, что близость этого закаленного большевика оказала непосредственное влияние на формирование личности будущего писателя.

— Эта повесть дорога мне не только как воспоминание о детстве, — говорит Анатолий Пантелеевич, — а еще и тем, что в те грозные годы формировалось мое классовое и человеческое мировоззрение. И я благодарен судьбе, что рядом со мной был отец — настоящий большевик, чистый, честный, бескомпромиссный.

И потому вполне естественным представляется тот факт, что когда над Родиной нависла смертельная опасность, семнадцатилетний юноша из 9-го класса добровольцем уходит на фронт.

Его направили в водолазную школу, и потом до конца войны он служил матросом-водолазом на Северном и Балтийском флотах. Три тысячи часов провел А. Соболев на дне моря, поднимая торпедированные корабли, орудия, баржи с минами и снарядами.

— У меня всегда вызывает чувство досады, — рассказывает писатель, — когда профессию водолаза представляют как нечто романтическое, как этакую легкую прогулку по дну моря среди экзотических рыб и подводных красивых зарослей. В действительности же эта профессия ничего общего с экзотикой не имеет. Подводная работа прозаична и опасна. Главное в жизни водолаза — держать нервы в кулаке, не теряться, быстро ориентироваться в сложной, порой смертельной ситуации, которая может возникнуть при любом спуске на грунт. За долгие годы водолазной службы повидать и пережить довелось с лихвой, и не рассказать о безвестных парнях, о чернорабочих моря было нельзя.

Писать о войне чем дальше, тем труднее. У нас существует целая плеяда прекрасных писателей военной темы, и не так-то легко после многих и многих книг о Великой Отечественной сказать свое слово, найти свой аспект. Анатолию Соболеву удалось обрести свой индивидуальный, только ему присущий подход к теме, сказать свое слово о человеке на войне, обусловленное и подкрепленное его человеческой судьбой.

Анатолий Соболев в своих военных повестях соз-

ным побратимом автора, носителем его авторского кредо. Это является отличительной чертой его художественной манеры, характеризующейся также мягкостью письма, поэтическим восприятием окружающего мира, вниманием к точной детали, выражающей то или иное психологическое состояние человека или помогающей нарисовать впечатляющий пейзаж.

Язык повестей Анатолия Соболева точный, богатый, выразительный. Он свободно владеет стихией поэтической речи.

В подтверждение всего сказанного хочется подробнее остановиться на повести «Награде не подлежит», признанной критикой одной из лучших вещей Соболева. Здесь использован композиционный прием закольцованности сюжета, когда пожилой уже человек из настоящего времени памятью возвращается в свою далекую военную юность. Прием, может, и не новый, но он оправдан художественной задачей, поставленной автором, так же, как и то, что в этой повести, как ни в какой другой, очень подробно и основательно воспроизведены трудность и опасность водолазного дела.

Константин Федорович Реутов, ветеран войны, получает повестку из военкомата, где ему потом скажут, что он недостаточное время прослужил на Северном флоте, чтобы получить награду «За оборону Советского Заполярья». В том и состоит художественная задача автора, чтобы доказать неосновательность подобного формального подхода. Повестка дает толчок для воспоминаний, для возвращения в юность, и читатель увидит сам, достоин ли Реутов награды. Подробно, точно, скрупулезно следуя правде, Анатолий Соболев рассказывает о трудной и суровой работе водолазов. Каждое погружение — риск, уход в неизвестность. Здесь особенно важны взаимовыручка, чувство локтя. И тем не менее водолаз не застрахован от неожиданностей. Такая неожиданность случилась и с Костей. Воспоминания героя и начинаются с этого эпизода.

Водолазный катер срочно направили на то место в заливе, где затонула случайно выпущенная с миноносца торпеда. Она могла взорваться в любую минуту, а бухта была полна военных кораблей. Миноносцы снялись и отошли подальше от опасного места, а водолазы должны были эту торпеду найти, застропить, отбуксировать в безопасное место и взорвать. И на это погружение должен был пойти Костя Реутов. Команда водолазного бота снаряжает водолаза. И здесь проявляется мастерство Анатолия Соболева в создании портрета, когда несколькими штрихами рисуется запоминающийся образ, и персонаж предстает перед глазами читателя, как живой. Вот командир бота мичман Кинякин: «Сухой, юркий, небольшого

ШОГРАФИЮ ПОКОЛЕНИЯ»

Сибири, края цветущих садов и гор, воспеты кистью Рериха, степей, где необъятны просторы и бескрайне небо, лугов, наполненных медвяным ароматом трав, таежных лесов, где бродят медведь, кабарга и марал... Среди этой дивной и многоликой природы, в таежном алтайском селе Кытманове, а затем в степном Смоленском, на границе гор и степей, в семье командира гражданской войны, а впоследствии первого секретаря сельского райкома партии Пантелея Соболева прошло детство будущего писателя. Недаром говорят, что в детстве закладываются основы характера и мировоззрения, что детство — это основа основ. По признанию писателя, детство до сих пор питает живительными соками его литературное воображение. Тем более что детство его совпало со временем сложным в истории нашей страны. События тех далеких лет проходят чередой перед мысленным взором писателя: как горел сибирской зимней ночью подожженный кулаками райком партии, как отец, отравленный подсыпанным в муку мышьяком, с пеной на губах катался по полу в невыносимых мучениях... Отец Анатолия Соболева — человек с удивительной биографией. Безграмотный парень с Алтая, был он взят в 1915 году в царские рекруты. В феврале семнадцатого участвовал в солдатском бунте, вспыхнувшем в русском корпусе во Франции, за что был приговорен к каторжным работам со ссылкой в Алжир. Из Африки бежал на греческом судне, прошел пешком Грецию, Македонию, Сербию, Бессарабию, в 18-м добрался до России. Стал красным конником. В 19-м после тифа вернулся домой, на Алтай. Насильственно был мобилизован в колчаковскую армию, агитировал солдат за Совет-

дал характер советского молодого человека сороковых годов, со школьной скамьи ушедшего на фронт, — чистого сердцем, во многом еще наивного, жаждущего проявить себя в немедленном практическом действии. Таков его герой обычно в начале действия. Но постепенно, проводя героя через нелегкие военные и жизненные испытания, всем образным строем своих произведений А. Соболев наглядно, правдиво, точно, психологически мотивированно показывает превращение недавнего школьника в мужественного, убежденного защитника Родины, защитника не только ее земли и людей, но и ее духовных идеалов.

— Мне хочется хоть немного рассказать о моем ровеснике, — говорит писатель, — взвалившем на свои неокрепшие плечи войну и дошагавшем до Берлина. О чем бы ни писал, пишу биографию своего поколения, а значит, и свою. Все мои главные герои — братья по духу, по взгляду на жизнь, по убежденности. В каждом из них есть что-то и мое личное.

Вот эти герои писателя: Ленка Берестов («Грозная степь»), Федор Черданцев («Безумству храбрых...»), Ким Скудин («Бушлат на вырост»), Виктор Курбатов («Тихий пост» — повесть, которая в 1967 году на Всесоюзном конкурсе на лучшее военно-патристическое произведение получила первую премию), Вася Чариков («Какая-то станция»), Ваня Седельцев («Ночная радуга»), Костя Реутов («Награде не подлежит») и многие другие.

Писатель откровенно сочувствует и сопереживает своим героям. Во всех его повестях отчетливо чувствуется, какому герою он симпатизирует больше всего, кто является его любимым персонажем, духов-

росточку, от спешки всегда ходивший с птичьим прыжком, мичман не мог сидеть без дела, и руки его постоянно были чем-то заняты». Вот друг Кости, Димка Дергушин, травит байки, чтобы отвлечь Костю от предстоящего опасного дела: «Бледное, худое, с большими оттопыренными ушами лицо Димки светилось. Он сам собой восторгался». Третий водолаз — «добродушный, круглолицый, рыжий увальень Игорь Хохлов». Всех мы видим четко и ясно. Каждый со своей особенностью, точно подмеченной зорким художническим глазом автора. В отличие от главных героев других повестей Костя хотя и молодой человек, но уже опытный водолаз — вот как автор характеризует Костю: он «умел владеть воздухом и мог болтаться, как поплавки, на любой глубине. Главная наука для водолаза — владеть воздухом в скафандре. Но, прежде чем Костя постиг эту науку, прежде чем почувствовал себя как рыба в воде, с него сошло семь потов, потом еще семь раз по семь... Теперь он был уже опытным водолазом, знал такие тонкости и хитрости своего дела, которые можно познать только под водой». И, несмотря на всю его опытность, с ним случается та самая неожиданность, от которой не застрахован и самый опытный и умелый. Не успели его еще «выдержать» на разных глубинах после того, как он благополучно нашел и застропил торпеду, налетел неизвестно откуда вынырнувший «юнкерс». Костю срочно подняли. Без «выдержки» не успевший выйти из крови азот «закипел» и рвал Косте кровеносные сосуды: началась самая страшная профессиональная болезнь водолазов — кессонка. С парализованной нижней частью туловища, с синяками и кровоподтеками на теле от лопнувших сосудов как после

жестокого избиения, его доставили в госпиталь. Как выстоять, где найти силы в душе, чтобы победить болезнь и вернуться в строй? Рядом с ним оказываются люди, которые помогают ему справиться с болезнью, поселяют в его измученной и потерявшей надежду душе уверенность в свои силы, помогают ему вернуться в строй и почувствовать себя не обездоленным калекой, а нормальным, полноценным человеком.

Летом 1982 года, когда на Алтае проходили Дни советской литературы, посвященные 60-летию образования СССР, Анатолий Пантелеевич отдыхал в Белокурихе и присоединился к одному из семи маршрутов: он проходил через его село Смоленское. Все маршруты сошлись в Сростках, на родине Василия Макаровича Шукшина. И вот мы стоим на горе Пикет, что возвышается над Сростками. Отсюда открывается вид на широкие алтайские просторы, туда, где катит свои быстрые воды чистая, изумрудная Катунь. Анатолий Соболев самый близкий (территориально, если можно так выразиться) земляк Шукшина. Село Смоленское, где он провел все детство и непременно теперь бывает каждое лето, хотя давно уже живет в Калининграде, на берегу моря, находится в 30 километрах от Сросток. Но не свела судьба.

— Стою вот на горе Пикет, где любил бывать Шукшин, смотрю на Катунь, — с грустью рассказывает Анатолий Пантелеевич. — Такой парадокс судьбы: одни и те же степи, одни и те же горы на околке, одно и то же небо было над головой; детство прошло в одних и тех же местах; Бийск и для меня был первым городом, который потряс сельского паренька Васю Шукшина; был я знаком с его матерью, знаю сестру, племянников, его друзей... Однажды была безмолвная встреча с Шукшиным в коридоре студии имени Горького. Мы остановились на миг и даже оглянулись вслед друг другу... Конечно, каждый кулик свое болото хвалит, но такой землей, как Алтай, можно гордиться. И все мои герои литературные родом из моего детства, даже географически они привязаны к алтайским степям... Происходит это незаметно, независимо от сознания: я просто не могу представить любого своего героя родом из другой местности. И Шукшин мог родиться только на Алтае. Можно повторить вслед за ним: «Как услышу слово Алтай — сердце вздрогнет».

Естественным продолжением разговора о Шукшине явилась беседа о творческих вопросах, о том, как рождаются книги и вообще с чего начинается писатель.

— Когда спрашивают, почему пишу, отвечаю: не знаю. До сих пор и себе не могу объяснить, почему свернул на эту неасфальтированную тропинку, никогда и в мыслях не держал быть писателем. Деревенский мальчишкой носил за пазухой мечту повидать свет, «выучиться на художника» — неизгладимое впечатление произвела на меня картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Раздобыв краски, что в деревне в ту пору было не так-то просто, рисовал я все, что видел: баню, лошадей, петуха с отрубленной головой, базар, драку мальчишек, степные дали. Война сломала эту мечту. Сожаление, что не пришлось стать художником, сохранилось до сих пор. И свет посмотрел — во многих странах был, — и по морям-океанам поплавал, даже на сказочных Канарских островах довелось быть, и институт окончил, и с войной на «ты» — неглядок и достаточно петлист был мой путь, но все равно, когда попадаю в галерею или на художественную выставку, щемит сердце по несбывшейся мечте.

Но вместе с мечтой стать художником жил во мне и «микроб сочинительства», который нет-нет да и прорывался наружу, «заболел» я тогда желанием что-то написать. Так, еще в школе, прочитав «Подласок» Петра Замойского, дописал повесть по своему вкусу: в то же время выпускал я домашнюю стенгазету, в которой в основном рассказывал биографии великих полководцев, порою кое-что исправляя и дополняя по своему усмотрению, и обязательно рисовал их портреты, то карандашом, то акварелью. Было мне тогда двенадцать.

Потом этот «микроб сочинительства» вдруг надолго впал в спячку и пробудился в самый неподходящий момент, в конце сорок пятого, когда мы, водолазы, ремонтировали подводную часть разбомбленного в войну слипа на Мурманском судоремонтном заводе.

Стужа давила землю. Жили мы в разрушенном корпусе цеха, спали на нарах, спали в свитерах, в шапках, укрывались тонкими одеялами, натягивая на себя все, что можно. Вот тогда-то и появилось у меня желание написать рассказ, но о чем писать, я не знал. А начало помню до сих пор. Вот оно: «Откуда-то издали донесло нежный, трепетный звук, будто кто трогал пальцами рояль». Я тогда не знал, как называются клавиши, и написал «рояль». Дальше этой фразы дело не пошло, но зато испытал я какое-то томительно-сладкое волнение (испытываю это каж-

дый раз и сейчас, когда начинаю новую работу) и все возвращался и возвращался к написанной фразе, потому и запомнил. Возможно, к ее где-то вычитал (уж больно красивая, не мог я такую сочинить!) или просто влетела в ухо, но мне казалось, что за ней, за этой фразой, последует что-то теплое, голубое и прекрасное. Самое главное — теплое. Уж очень холодно было.

Видимо, что-то томило мою девятнадцатилетнюю душу. Тогда меня интересовала не та тяжелая и опасная работа водолаза, которой мы занимались, не стужа и тяготы, а влекло куда-то в «романтическую» даль, в неизведанное будущее, и ключом к прекрасному будущему была красивая фраза о рояле.

И понине перед началом работы над новой книгой охватывает чувство ожидания чего-то неизвестного и необычного-счастливого, как при чтении строк из «Слова о полку Игореве»:

**Что мне шумит, что мне звенит,
Далеке, рано пред зорями?..**

— Но ведь и это еще не начало. Ведь после демобилизации из флота вы в 1951 году поступили в Сибирский металлургический институт, окончили его, работали на заводах Урала и Сибири, в мартеновских цехах инженером-механиком, преподавали в том же институте и о том, чтобы посвятить себя литературе, не думали?

— Мало того, даже читал лекции, далекие от художественной литературы: «Расчет и конструирование подъемно-транспортных машин». И тут неожиданно для себя вместо диссертации написал повесть «Безумству храбрых...», которая вышла в свет в 1963 году в Кемеровском издательстве. Видимо, подспудно внутренняя работа шла не прерываясь и вылилась в книгу, когда уже невозможно было не писать.

— Интересно все же, как рождаются книги, с чего все начинается, что дает толчок творческому воображению?

— Порою замысел вынашивается годами, даже десятилетиями, а иногда рождается внезапно и быстро пишется. По-разному. Никогда не могу сказать, что вот закончу эту вещь и примусь за другую, наперед зная, какую именно. Чаще всего бывает наоборот — внезапно для самого себя начинаю писать повесть, о которой еще несколько дней назад и не думал. Иногда сразу знаю конец, а потом уж приходит начало книги. Так, к примеру, писалась повесть о водолазах «Безумству храбрых...». Сначала — финал, а уж потом к нему приставил начало, потому как передо мною возник вопрос: кто они, те парни, что пошли на таран немецкой подводной лодки?

Небольшая повесть «А потом был мир» возникла из фразы «Похоронная команда подбирала убитых». Долго преследовала меня эта фраза, и что с ней делать, я не знал. Но однажды на берегу Верхнего озера в центре Калининграда увидел немецкую еще скульптуру, изображающую обнаженную женщину с младенцем на руках. Это был символ: женщина — Германия, младенец — будущее Германии. У каменного ребенка были отбиты ноги, тело женщины тоже иссечено пулями и осколками — это были следы боев за город. Младенец без ног — будущее фашистской Германии — и послужил окончательным толчком для написания повести. Стало ясно, о чем писать, выстроился сюжет, повесть обросла деталями, в нее вошла и скульптура — женщина с младенцем, у которого отбиты ноги не то осколком снаряда, не то бомбы. Так возникло повествование о штурме и падении Кёнигсберга.

А «Тополиный снег» родился от запаха полей. В то лето я жил в белорусской деревне и работал над повестью «Какая-то станция». Однажды на закате солнца вышел за околицу, и тревожно-сладко забило сердце: знакомый с детства запах охватил меня. Растирая пальцы в ладонях, впитывая ее терпко-горький дух, вспомнил я Сибирь и скорбное лицо моей первой учительницы в тот приезд, когда через много лет удалось мне вырваться из суесть повседневной жизни к себе на родину; услышал ее глуховатый голос, перечислявший погибших моих одноклассников. Прервав работу над повестью, в несколько дней, с какой-то необъяснимой тревогой, с неотступной болью и горьким счастьем, боясь что-то утратить, расплескать, написал рассказ. Знать, давно назрел он в душе. Нужен был только толчок. Пальцы разбудила уснувшие воспоминания.

Да, причудливо возникновение того или иного замысла, желания написать ту или иную книгу.

Так внезапно начал работу над повестью «Пятьсот-веселый».

Но сначала — давние события. В сорок третьем году вез я тяжелораненого матроса в госпиталь. Ехали в «пятьсот-веселом» (так назывались тогда поезда, выбывшие из графика и не имеющие важного значения, в отличие от воинских и санитарных эшелонов). Матрос истекал кровью, я же ничем не мог ему помочь. Давил лютый мороз, теплушка продувалась насквозь, двое суток у нас и

маковой росинки не было во рту. Намааялся я тогда, но все же довез и сдал раненого в госпиталь. И тут же военная судьба развела нас, я даже не знал, жив ли он остался.

И вот в шестидесятом году, через семнадцать лет, случайно встретил его на перроне челябинского вокзала. Узнал по шраму на щеке да по скуластому смуглому лицу с косым, монгольским разрезом глаз. Торопливо поговорили: поезд мой уходил, — не успели даже обменяться адресами. И снова ушел из моей жизни человек, но я был рад, что он жив и что тогда, в войну, я все же довез его до госпиталя.

Промелькнуло еще семнадцать лет. Шел я по зимнему пустынному пляжу в Дубултах, под Ригой, где писал книгу «Якорей не бросать», было холодно, дул резкий северный ветер, жег лицо. Я сильно озяб и вдруг вспомнил все, что было со мной и тем раненым матросом, когда мы коченели с ним в нетопленной теплушке. Я прямо-таки физически ощутил ту давнюю стужу, каждая клетка моего тела отозвалась болью. Тело мое, кожа моя хранили память той стужы, того невероятного напряжения, что пришлось перенести. Где-то в тайниках моей памяти, оказывается, хранилось все это до поры до времени, и я вдруг все увидел и ощутил настолько четко и зримо, будто и не было тридцатичетырехлетней давности, будто произошло это со мной вчера. И нахлынули воспоминания. Я бросил книгу о рыбаках и начал писать повесть «Пятьсот-веселый». Писал быстро, вздохнул, но... доделывал потом еще три года.

Иногда вымышленные герои «оживают». Однажды ко мне в больницу палату вошел пожилой человек крепкого телосложения, с крупными чертами лица и с поврежденным ухом. Он сказал, что прочитал моих «Трех Иванов», и в одном из героев узнал себя, и хочет спросить, где его товарищи. Суть повести такова: трое военнопленных бегут из колонны, прячутся в овраге, но их находят немецкие мальчишки и расстреливают. Зарывают трупы наши девочки, угнанные еще раньше в Германию в рабство. Одна из них, тогда девчонка, теперь уже бабушка, и рассказала мне тот случай, что произошел в конце войны в Восточной Пруссии. Я написал повесть, придумав каждому из военнопленных биографию. И вот пришел ко мне человек: и одноухий он, и четыре года терпел муки в концлагерях, и тоже бежал с двумя товарищами, был пойман, но, к счастью, не казнен. В повести же, как бывало и в действительности, немецкие мальчишки, одурманенные нацистским духом, расстреляли пленных.

Позднее я узнал и о других таких же случаях и понял, что в войну их было немало. Так в повести сфокусировались события, происходившие в разных местах. Но как совпала выдуманная мною биография безымянного и расстрелянного военнопленного с биографией живущего (надеюсь!) и понине человека!

Так порою события, вроде бы сочиненные, герои, вроде бы придуманные, приобретают плоть и имя. Я сочиняю, но вдруг оказывается, что все это было в жизни с кем-то, где-то, когда-то. Видимо, как ни фантазируй, но жизнь не перефантазировать. И меня всегда это поражает и в то же время придает и силы и уверенность в работе.

Принципиально новой в творчестве Анатолия Соболева представляется книга «Якорей не бросать», над которой писатель работает сейчас. Она посвящена современности, задумывалась как книга о рыбаках. В соответствии со своим писательским кредо — писать только о том, что хорошо знаешь, что сам испытал и переживал, Соболев на полгода ушел в рейс на рыболовецком траулере. И не корреспондентом — созерцателем морской жизни, а матросом, занятым вахтами, подвахтами, шкеркой рыбы, погрузкой, разгрузкой, уборкой помещений, то есть той работой, которой занят матрос на траулере. По возвращении из рейса начал он писать художественно-публицистическую книгу.

На июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС было замечено, что «есть немало крупных проблем, которые касаются всех стран мира, значение которых все возрастает. Например, сохранение природы на нашей планете, овладение новыми источниками энергии, освоение космоса, ресурсов Мирового океана». Ученые уже давно бьют тревогу по поводу загрязнения океана, но надо и художественными средствами воздействовать на сознание людей, чтобы привлечь внимание к проблеме Мирового океана, которая состоит в том, что из-за неосмотрительности человека, загрязняющего океан ядерными отходами, разлитой нефтью, химикатами, жизнь в океане может погибнуть, а это пагубно отразится на суше. Вот эту-то драму океана Соболев и показывает в своем новом романе. Оставаясь верным морской теме, Анатолий Соболев находится сейчас на новом этапе своего творчества — в поиске новых форм изображения современных проблем нашей жизни.

Любовь ЛЕХТИНА

НЕФТЯНАЯ ЧУМКА

Анатолий СОБОЛЕВ

Общее количество нефти, попадающее ежегодно в Мировой океан, определяется от пяти до десяти миллионов тонн. Достаточно двадцати пяти миллионов тонн нефти, чтобы вся поверхность Мирового океана могла оказаться покрытой пленкой...

В загрязненной воде гибнут не только мелкие морские организмы и рыбы — уходят из таких районов или гибнут крупные морские животные и птицы. Подсчитано, что только в Англии ежегодно гибнет 50—250 тысяч голов водоплавающей птицы.

(Из документов)

В тот день было прекрасное утро. «Катунь» бежала на юг, в новый квадрат. Мы надеялись найти богатые косяки рыб и восполнить потери пролова. Все были в приподнятом настроении, уже говорили, что с Носачем не пропадешь, что уж кто-кто, а он капитан настоящий и раз решил бежать на юг, значит, пришло время и для луфаря. И я опять услышал о легендарной рыбе, которая возместит все наши неудачи — будет и план, будет и заработок. Мы бежали на юг уже несколько дней, не забывая по пути забрасывать трал, и Носач по-прежнему не отходил от фишлупы, вглядывался в показания самописца, и мы действительно кое-что прилавливали, но это было не главное. Главное — впереди.

Хорошо выпавшийся, я вышел на вахту бодрым и полным сил. Двери и окна рубки были распахнуты настежь. После мокрой приборки в рулевой стояла приятная прохлада. За окном растлился зеленый шелк океана, над ним высоко вознесся купол голубого неба с утренним, еще не жарким солнцем. Чистой прозрачности, пропитанный йодистым бодрящим настоем воздух давал глазу возможность свободно проникнуть до самого горизонта.

Быстрый бег «Катуни», чистота и свежесть океанских тропических красок — великоколепное утро! Разве можно, например, увидеть такое утро на земле? В рубке было тихо.

Наказав мне неусыпно следить за горизонтом, ушел к себе штурман Гена. Радист сидел в своей камерке за закрытой дверью. Проверив курс судна и поставив руль «на автомат», я прихватил бинокль и вышел на палубу перед рубкой.

От носа «Катуни» с легким шипением отходила мелкая волна, и на светлом атласе океана появлялась морщина, она отбегала от борта, разглаживалась и исчезала, и снова отполированно-гладкая, блестящая под солнцем вода простиралась далеко-далеко — докуда хватало глаз.

В бинокль я оглядел горизонт. Чисто. Ни одного судна. Мы одни посреди этой первозданной яркости красок и простора.

И вдруг впереди я заметил темную

полосу. Такие возникают на воде от набегавших туч. Но небо было чистым. Может быть, мы подходим к другой глубине? Обычно окраска воды над разными глубинами меняется. А может, шторм надвигается и вода нахмурилась? Но нет, океан был на редкость спокойным.

Грязно-черный мазок между небом и водой бил по глазам, разрушая гармонию красок изумительного утра.

По левому борту контркурсом шли дельфины. Не впервые видел я этих красивых и таинственных животных. (И чем больше человек изучает их, тем таинственнее они становятся.) Довольно часто дельфины, заметив судно, начинают свои танцы, будто приветствуя людей. Они то высоко взлетают в воздух и делают «свечки», то с размаху хлопаются светлым брюхом об воду, поднимая фонтаны брызг, радостно фыркают, свистят и легко, играючи, оставляют судно позади, с какой бы скоростью оно ни шло.

На этот раз дельфины, будто и не заметив наш траулер, в четком строю промчались мимо. Создавалось впечатление, что они бегут от кого-то или чего-то. Уж не от этой ли черной полосы на горизонте?

Я вернулся в рубку и спросил у штурмана Гены, что это там такое. Почему вода черная?

Он долго глядел в бинокль, наконец сказал:

— Нефть.

И только тогда я понял, какой запах примешивался к свежему воздуху открытого океана.

— Нефть? — переспросил я, а сам подумал: вот отчего бежали дельфины.

— Да, — кивнул штурман Гена. — Какой-то гад продул топливные танки. Или с танкером что случилось? Что-то много нефти. Надо у Фомича спросить, не было ли тут кораблекрушения.

Я уже знал: в целях борьбы с загрязнением окружающей среды продувать топливные танки судов в море категорически запрещено, и все же по ночам, воровски или в пустынных районах океана многие суда продолжают загрязнять воду. Слышал об этом и от Носача, и от «деда», да и сам не раз видел нефтяные разводы на воде. Но то были просто радужные разводы — топливо уже успело расплыться по океану, и лишь фиолетово-оранжевые блики свидетельствовали: очередной капитан преступил международный запрет. Встречались и широкие полосы черных комков, плывущих по волнам. Это тоже нефть, но уже свернувшаяся в рыхлые мазутные сгустки под воздействием волн и нефтеокислительных бактерий в воде. Придет время, и эти мазутные шарики опустятся на дно, и поверхность воды снова станет чистой. Срабатывает защитная система океана. Пока еще она срабатывает. Но вот-вот станет не под силу и океану эта работа. Все больше нефти обрушивается в него в результате продувки топливных танков (а флот все растет), утечки нефти из скважин при добыче на шельфах (число их увеличивается с невиданной быстротой), гибели танкеров (танкеры тоже становятся все больше, и сами они все огромнее).

Да, уже не раз встречались нам неф-

тяные разводы посреди океана, но такое я увидел впервые. С горизонта на нас шел черный зловещий прибой.

Штурман Гена завернул в радиорубку и вышел оттуда с Фомичом.

— Тут неделю назад английский супертанкер столкнулся с греческим контейнеровозом, — удрученно произнес Фомич. — В тумане налетели друг на друга. По Навипу передавали.

— Погибли? — спросил штурман Гена.

— Супер погиб, а грек удрал.

— Надо капитану сказать.

Капитан, будто услышав их разговор, уже поднимался в рубку. Хмуро окинул нас взглядом невыспавшихся глаз — всю ночь простоял над показателями самописца, искал косяк, — подошел к фишлупе и включил ее.

— Арсентий Иванович, пятно! — доложил штурман Гена.

— Какое пятно? Где? — Носач поднял голову от фишлупы.

— Прямо по курсу. Нефтяное. — Штурман Гена подал капитану бинокль.

Носач долго не отрывался от бинокля, потом коротко взглянул на радиста.

— Здесь неделю назад грек пропорол англичанину борт, — доложил тот.

— Почему молчали? — В голосе капитана послышалось раздражение.

Фомич пожал плечами:

— Далеко мы были от этого квадрата.

— Далеко!

— По Навипу много чего передают, — оправдывался Фомич, — обо всем не расскажешь.

Навип — навигационное предупреждение. Оно передается для советских судов на всех морях и океанах.

— Докладывать надо! — В голосе Носача послышался звон металла. — Знал, что на юг бежим.

Капитан хмуро смотрел на черную полосу, что надвигалась по горизонту.

От вида ее становилось не по себе. Как перед солнечным затмением, когда напряженно-ожидающе замирает вся природа.

Океан затаил, будто вслушиваясь, как расплзается по нему прокаженное пятно. В воздухе уже крепко пахло нефтью.

— Может, изменим курс? — подал голос штурман Гена.

Капитан, сжав губы, смотрел на нефтяное поле.

— Скажи, чтоб не готовили трал к отдаче.

Штурман Гена кинулся к спикеру, и над палубой раздался его приказ:

— Отставить трал! Отдачи не будет! Матросы-добытчики на корме удивленно уставились на нашу «голубятню».

Капитан передвинул рукоятку управления машиной на «Самый полный вперед». Больше нам ничего не оставалось делать — нефтяное поле уже заходило во фланги. И кто знает, на сколько миль эта нефть по бокам! Побежишь в обход — пол-океана обогнешь.

На воде уже появились первые разводы: фиолетовые, оранжевые, синие — всех цветов радуги. Черного еще не было, он маячил впереди. Вместе с веселыми разводами появилось множество серебристых пятен. Сначала я принял их за солнечную зыбу, потом разглядел — рыба. Дожлая рыба! Ее было так много, что она широким белым прибоем

резко выделялась перед черным полем, не имеющим границ. Куда ни кинь взгляд — всюду траурный полог, страшный не только своею чернотой, но и мертвым, зловещим покоем. Будто кто-то всеильный и беспощадный медленно и неотвратимо затягивал губительным саваном океан, чтобы задушить его в смраде и грязи.

Резко пахло нефтью.

Мы шли по толстому слою еще не рассосавшейся и не разбитой волнами нефти и молча смотрели на это жуткое поле. Тяжелое, темно-коричневое, маслянисто-густое, оно придавило океан — не колышет, не всплеснет нигде. Солнечные блики то сверкали на неподвижной тяжелой поверхности, как на металле, то пропадали, и тогда чернота становилась еще глубже, еще чернее, еще зловещее. Казалось, «Катунь» с трудом пробивает себе путь, и мы идем не «самым полным», а еле-еле тащимся, будто бы затянуло нас в мертвую тряси-ну и нам уже не выбраться на чистую воду.

А над нами сияло безмятежное солнце, и родниковая синева неба напоминала, что есть чистота, есть жизнь. Внизу же была густая нефть, как олицетворение смерти, угрожающей всему живому. Посмотришь вверх — жизнь, вниз — смерть.

И вдруг мы увидели, что посреди мертвого поля бьется крупная птица. Сначала показалось, будто бы небольшой фонтанчик бил снизу, из-под грязи. Когда «Катунь» подошла ближе, разглядели — альбатрос. Уже не белый, а грязно-серый, перемазанный нефтью, он изнемогал в борьбе с вязким застывающим омутом, хлопал огруженными мокрыми крыльями и не мог поднять свое отяжелевшее тело. Видимо, соблазнился всплывшей дохлой рыбой, присел, чтобы схватить добычу, а нефть склеила перья, затянула в свою губительную тряси-ну.

Увидев нас, альбатрос на какой-то миг приподнялся, зловонно поверив в свободу, рванул из последних сил. Но за ним жадно потянулись вязкие нефтяные нити.

«Ну, давай, давай!..» — мысленно помогал я ему. Казалось, еще мгновение, одно последнее усилие — и птица вырвется на свободу.

На помощь к нему бросился с неба другой альбатрос, что все время кружил над ним, схватил клювом за спину, приподнял.

Отчаянно хлопая склеенными нефтью крыльями, альбатрос тяжело, из последних сил, побегал по густой мазутной пленке и снова упал в черную зловонную тряси-ну.

И обреченно закричал.

У нас на глазах погибал гордый властелин океанского неба, вечный спутник моряков в дальних плаваниях.

Я обвел глазами всех, кто был в рубке. Капитан, каменно сжав челюсти, хмуро смотрел на погибающую птицу. У штурмана Гены поблудило лицо. Фомич отвернулся.

— Может, выудим? — подал голос штурман Гена.

Капитан не сразу ответил:

— Все равно погибнет.

Альбатроса уже было не спасти — губительная нефть разъедала его тело. Даже если бы мы и вытащили его на палубу, все равно бы он не выжил.

А над ним кружил его верный товарищ, пытаясь помочь ему, издавал призывно-тоскливый клич, звал в небо.

Предсмертный крик погибающего альбатроса и тоскливо-беспомощный призыв летающей над ним птицы резал слух, и тревога сжимала сердце.

Мы прошли мимо альбатроса. Ни у кого не хватило духу оглянуться на обреченную птицу.

Долго потом этот крик преследовал меня, гремел внутри, неожиданно врываясь в тишину рубки среди ночи ли, среди дня... И много еще было птиц, превратившихся в комки грязи, впаив-

ных в матовую поверхность нефти. Это это за птицы — уже нельзя было разобрать. «Катунь» шла как по полю битвы после кровавого побоища.

По бортам в густой, вязкой жидкости тянулась и дохлая рыба, уже не серебристо-сверкающая, но безобразно грязная.

Мы слышали крик альбатроса, но мы не слышали и никогда не услышим предсмертный крик рыбы. Что кричит она, кому шлет проклятие в свой последний час, кто услышит ее?

Можно подсчитать, сколько миллионов тонн нефти выливается в океан, какую площадь она загрязняет, но как подсчитать, сколько гибнет рыбы, икры, мальков, всего живого в воде!

А ведь мы не видим главного, того, что происходит втайне от человеческого глаза, в глубинах океанских вод. Догадываемся ли мы обо всех последствиях нефтяной чумы?!

Потом, на берегу, я прочитаю научные труды, просмотрю колонки цифр, диаграммы и таблицы и, осознав, ужаснусь тому, чем грозит такой вот нефтяной разлив.

Данные национального комитета США по изучению океана и атмосферы свидетельствуют о том, что больше половины планктона загрязнено нефтью. Это не может не сказаться на биологических ресурсах океана.

(«Природа Мирового океана»)

В результате нефтяного загрязнения изменяются в море пищевые связи, нарушаются пути миграции, угнетается морская растительность, гибнет планктон.

(«Морской горный промысел»)

А планктоном, как известно, питается рыба, мелкой рыбой питается более крупная, ею — еще крупнее, и так далее. Рыбой питается человек. Такова пищевая цепь на земле. И уничтожение одного из ее звеньев может привести к исчезновению последующих звеньев. Морские организмы, начиная с водорослей и кончая рыбами, погибают даже при незначительном загрязнении — от 5 до 50 частей нефти на 1 000 000 (миллион!) частей воды!

При опытах, что проводились в лабораториях, ученые доказали: достаточно нескольких минут пребывания планктонных организмов в воде с примесью нефти, как они теряют способность к размножению и гибнут даже при немедленном перемещении их в чистую воду. Так же гибнет и икра. Но если даже она каким-то чудом не погибла в нефтяной воде, все равно возникают аномалии развития организма. На опытах уже доказано, что у некоторых эмбрионов тресковой икры бывает не развита голова, хотя туловище нормальное. В других случаях развитие происходило вроде бы нормально, но выклюнувшиеся из икры личинки трески имели искривленное тело, напоминающее штопор. Они были неестественно слабыми и не могли нормально плавать. И все они (все!) погибли вскоре после появления на свет. Значит, если нефть, попавшая в воду, и не уничтожит икру сразу (а это — просто чудо!), то все равно из этой икры выведутся уроды, которые не смогут жить. Во всяком случае, одна треть молодых морских организмов гибнет.

Доктор Блюмер (из книги Джона Куллини «Леса моря») проследил распространение нефти по морскому дну на пространстве более двадцати квадратных километров после утечки у побережья штата Массачусетс, которая характеризовалась в промышленных сообщениях как «небольшая». Ученый уста-

новил, что ядовитая волна, продвигаясь над грунтом, не оставила после себя почти ничего живого — гибель червей, моллюсков, донных креветок, звезд, актиний и других организмов, не умеющих быстро уходить от опасности, достигла огромных размеров.

А ведь каждое живое существо, каким бы бесполезным оно ни казалось на первый взгляд, каждый организм природы создала не от нечего делать. Все находится в своих экологических нишах, все взаимосвязано наипрочнейшими, невидимыми и не всегда доступными нашему пониманию нитями.

Человек, увидев нефть на воде, не всегда догадывается, что она несет смерть не только обитателям океана, но — через пищу — и ему самому.

Морские организмы-фильтраторы, такие, как устрицы, гребешки, и некоторые виды рыб, быстро накапливают в себе токсические продукты распада нефти, образуя самый вероятный путь для прямого воздействия разлитой в море нефти на здоровье человека.

...Экологические данные показывают, что длительные воздействия небольших количеств этих веществ вызывают рак.

(Джон Куллини. «Леса моря»)

И еще:

Нефтяная пленка затрудняет газообмен между водой и атмосферой, а в Мировом океане производится более половины всего земного кислорода.

(«Проблемы Мирового океана»)

...Но это я узнаю потом. А пока стою на палубе «Катуни» и мне трудно дышать...

Сплошное нефтяное поле, куда ни направь бинокль, окружало нас. Резкий запах заполнил все вокруг. Кажется, что нефть сожрала весь кислород.

Штурман Гена не выдержал: — Хоть противогаз надевай. Задохнуться можно.

Ему, здоровому и молодому, и то приходилось туго.

Прошла неделя, как нефть вылилась из супертанкера, но все еще толстым слоем покрывала она воду. Нефть по воде движется со скоростью около четырех процентов скорости ветра. А ветра в то утро вообще не было, был полный штиль. Достаточно случайной искры, чтобы вспыхнул чудовищный пожар в океане.

Только теперь я осознал всю опасность и уже со страхом смотрел на окружавшую нас нефть, выискивая глазами поляны чистой воды и думая о том, когда же мы, наконец, выберемся из этого проклятого места.

Сюда могли прийти нефтесборщики или можно было бы поджечь эту нефть, сбросив зажигательные бомбы с самолета, — так борются с ней в портах, у берегов. Но здесь далекий, глухой уголок океана, и никому нет дела до этой нефти.

Произошла авария, несчастный случай, и никто, конечно, не хотел этого. Но все-таки как много бывает таких аварий! По данным Консультативного центра по танкерам, в 1974 году зарегистрировано 1168 аварий.

И это только в одном году! Разделите 1168 аварий на 365 дней... И число их не уменьшается, потому что судовладельцы капиталистических стран в погоне за

наживой, рассчитывая на страховую премию, пренебрегают элементарными нормами безопасности, используют для перевозки нефти технически непригодные суда, набирают на них неквалифицированные экипажи.

А есть еще и сознательно планируемое загрязнение океана.

Подсчитано, что при очистке танкеров теряется около одного процента нефти от общего тоннажа перевоза. Так, если общий ежегодный объем перевозок морским транспортом составит миллиард тонн, то при очистке танков будет потеряно десять миллионов тонн нефти и нефтепродуктов. Вместе с тем двенадцати миллионов тонн слитой в море нефти достаточно, чтобы покрыть пленкой площадь, равную Атлантическому и Северному Ледовитому океанам, вместе взятым.

(«Морской горный промысел»)

Ученые предсказывают, что это произойдет к концу двадцатого века. Скорее всего так оно и будет. Человек выкачает нефть из недр земли, а потом выльет в океан. Не специально, конечно, просто потеряет один процент при перевозке морем. И это только при перевозке! А есть еще морские скважины, и у каждой утечка нефти, и немалая! Есть еще и речной сток.

Степень растянутого на годы риска увеличивается с каждым днем. Загрязнение океана может вызвать необратимый процесс и привести к гибели морской флоры и фауны. Нефть уничтожит все — от кита до последней инфузории. Вместо океана образуется зловонная мертвая лужа, занимающая две трети поверхности планеты.

И совсем не надо ядерной катастрофы, чтобы погубить цивилизацию. Надо просто залить Мировой океан нефтью, выпустить в него те самые двадцать пять миллионов тонн, что уже вычислили ученые и специалисты. И все. Жизнь на планете прекратится. Без жизни в океане жизнь на суше существовать не может.

Но, может, человек опомнится? Не допустит этого? Или положится на «авось»?

Голос разума тверд, но среди криков, отстаивающих сиюминутные экономические выгоды, он звучит тихо и его трудно услышать...

(Джон Куллини. «Леса моря»)

Много эпидемий чумы было на земле, великие жертвы понес человек, но все же справился, уничтожил смертельную болезнь. Теперь, в двадцатом веке, появилась новая чума — нефтяная. Справится ли человек с ней? Сил-то у него хватит, а вот разума?

...Мы все еще идем проклятым местом. Уже кончилась моя вахта. Сменивший меня на руле Андрей Ивонтьев ошарашенно присвистнул:

— А я думаю, что так мазутом пахнет! Сплю и вижу: на своем «Запорожце» еду, и протекает у меня мотор. Проснулся — мазутом пахнет. Думаю: ну, эти мотористы совсем обнаглели, всю посудину промазали. А в иллюминатор глянуть невдомек.

Он опять окинул глазом нефтяное поле, покачал головой:

— Вот это пейзажик! Сюрреализм! Ночью приснится — зайкой станешь.

Да, до таких ужасов даже Босх не додумался. Впрочем, в его время о

нефти и не догадывались. Никто тогда, в век парусов и лошадей, не мог и предположить, что настанет время, когда вонючая густая жидкость будет продаваться за золото и из-за нее будут развязываться войны.

Я не ужою из рубки, хочу дожидаться, когда все же кончится этот апокалиптический пейзаж.

— А что это вон там? — тихо спросил меня Андрей Ивонтьев.

— Где? — не понял я, вглядываясь в траурный покров океана.

— Да нет, не там. Вон, на лючине трюма. Птицы какие-то.

Там, куда он показал рукой, смиренненько сидела парочка маленьких черных пичужек.

— Скворцы, что ли? — вслух размышлял Андрей. — Или дрозды? Черные.

— В нефти перемазались, — поддал голос штурман Гена. Он тоже в рубке, хотя наша с ним вахта кончилась.

— Арсентий Иванович, разрешите, я сбегаю посмотреть? — обратился Андрей к капитану.

Носач, все время не отрывающий глаз от бинокля, кивнул.

— Пойдите за меня, — шепнул мне Андрей и уступил место у штурвала.

Из рубки хорошо было видно, как он осторожно подходил к лючине, на которой рядком сидели пичуги. Андрей стоял над ними и спокойно взял их в руки.

— Нет, они чистые! — обрадованно сообщил он, когда поднялся в рубку. — Только какие-то обалделые.

Он раскрыл ладони и показал нам птичек. Они были не больше скворца, совершенно черные, но действительно без единого пятнышка нефти. Уцепившись коготками в ладони Андрея, они вроде бы дремали, безучастные ко всему, затянув глаза серой пленкой.

— Больные или устали до смерти, — предположил штурман Гена.

— Нефтяных паров надышались, — ответил Фомич. Он тоже не ушел вниз.

Фомич, пожалуй, был прав.

Пичужек пошатывало на раскрытых ладонях Андрея, они открывали на миг черные дробинки глаз, покорностоскливо, с бесконечной усталостью взглядывали на нас, и снова серая пленка медленно затягивала зрачок.

— Откуда они тут, посреди океана? — допытывался Андрей.

— С Африки, наверное, — предположил штурман Гена.

— Неужто сами долетели? — удивлялся Андрей. — Такие маленьки! Куда они собрались? В Америку?

— В Америку не в Америку, а на Канары — точно. Туристический сезон сейчас в самом разгаре, — сказал штурман Гена.

— Ну, влипли туристы в историю! — покачал головой Андрей. — Если бы не «Катунь», куда бы они сели? В нефть?

— Вон их сколько сидит! — ткнул в окно пальцем Михаил Дерюгин, матрос-прачка, показывая на птички тушки, медленно проплывающие мимо нас по бортам вперемешку с погибшей рыбой.

— Выживут, нет? — спросил Михаил и погладил птичек на ладони у Андрея.

Ивонтьев пожал плечами.

— Пока живы.

— Дай-ка я их боцману отнесу, — предложил Михаил. — Он же у нас орнитолог. У него там говорящий попугай есть. Компанию ему составят. Поговорят.

— Неси. Он их покормит, знает, как. Помереть не даст.

Михаил понес летучих странников боцману.

За все это время капитан не сказал ни слова, хотя обычно посторонние разговоры на руле пресекал.

...Через два часа мы вышли на чистую воду, и она показалась нам чудом из чудес. Простая чистая вода, как она, оказывается, прекрасна!

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Под таким девизом проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

Конкурс продолжается. Ждем ваших писем!

Вера БЕЗВОДСКАЯ,
ветеран
Великой Отечественной
войны,
Рязань

Сапоги

Я сберегла те сапоги —
кирзовые в пыли и гари.
Как только выдержать смогли?
Ведь пол-Европы прошагали.
В них по болотам ночью шли,
Хрустела тишь под сапогами...
Мы в кровь потертými ногами
Прошли почти что пол-Земли.
Враг выбит. Среди черной зги
Вдруг домом станет пепелище.
И молча снимешь сапоги
И выльешь кровь из голенища.
Не оттого ль, придя домой,
Мы этих дней не забывали?
И сапоги, что шли войной,
Еще мы долго не снимали.

Александр КАЗАРИНОВ,
инженер,
Москва

Я люблю весной
над ранью синей,
В сонный час, дыханье затая,
До рассвета слушать соловья.
Словно это музыка Россини.

Эта песнь во мне,
как компас точный,
Я по ней сверяю жизнь свою.
Потому и в городском краю
Соловьи мне снятся
в час полночный.

Владимир СПЕКТОР,
конструктор,
Ворошиловград

Живу. Мне тридцать третий год.
Я сыт, одет, обут.
И не испробовал,
Как дед,
Военной соли пуд.
Зато отец узнал сполна
Вкус соли на войне.
Профессор учит: «Соль вредна».
Военная — вдвойне.
И хоть изведена и мной
Котлов солдатских соль,
Мой возраст самый призывной.
И в этом тоже соль.
И если крикнут: «Становись!» —
Найдем себя в строю.
За хлеб и соль.
За нашу жизнь.
За Родину свою.

Борис ВАЛЬЦ,
преподаватель,
Харьков

Крейсер «Аврора»

Не для боев, не для дозора
В часы высокой синевы
Тебе мирами плыть, «Аврора»,
Не уплывая от Невы.

Всему свои у жизни сроки:
Уйдет звезда, уснет заря,
Стальная плоть захочет в доки...
Душе
не стать на якоря!

Ей ничем ветра и мили,
Ее причал — моя страна.
Ее судьба — врезаться килем
В умы, сердца и времена.

А где для мысли есть швартовы!
А где у вечности причал!
Во всей вселенной места вдоволь
В рассветы верящим ночам...

Анатолий ТУЧИН,
наладчик СМНУ
Московской железной дороги

Высоко надо мной,
над сумятицей уличной:
«Вира! Майна! Немного вперед!» —
Коренастый монтажник,
возвышенно-будничным,
крановщице рукою команды дает.

Каждый шаг, каждый взмах
им до истины вымерен,
телогрейка распахнута,
словно душа,
дом плывет,
и тяжелое облако
дождь холодный роняет,
по стенам шурша.

Кто-то снизу кричит:
«Капитану строительства!»
Он и впрямь, как на мостике,
стал широко.
Жизнь насущная —
Ваше Величество! —
вознесла человека вот так высоко.
Там, я понял давно,
наших дел средоточие:
«Вира! Майна! Вперед и вперед!»
Над землею рука
рукавицей рабочею
направление веку сегодня дает.

Юрий КРАВЦОВ,
журналист,
г. Середина-Буде

Старый дом

В этом доме когда-то жили.
Были праздники, будни были.
В русской печке хозяйка искусно
Хлеб пекла на листочке капустном.
И на теплых, хрустящих коврижках
Незаметно росли ребятишки.
А отец, пока виделись росы,
Бил на зорьке звенящую косу.
Только время иное настало:
Никого в этом доме не стало.
Дверь и окна крест-накрест забиты,
Стены хмелем зеленым увиты.
Все притихло, внутри замолчало,
Лишь котенок кричал одичало.
Но однажды осенней порою
Появился дымок над трубою.
У калитки соседи столпились
И дымку, словно чуду, дивились.
Вскоре дверь отворилась, и вышел
Русый парень. «Так это же Гриша!..
Самый меньший, —
сказал кто-то басом.
— В дом родной
прилетел из Донбасса».
Вот и снова прозрели оконца,
Старый дом засветился от солнца.
Сын вернулся, чтоб в доме отцовом
Жизнь во внуках
продолжилась снова.

Лариса ГРИШИНА,
экономист,
Куба, Гавана

Ярмарка

Ярмарка русская:
Ленточки-кokoшники,
Калачи и пряники,
Ложки и платки...
Эх, товары пестрые
Разложила ярмарка —
Чудеса горою
Сыплются в лотки...

Я купила тройку на колесах
В том ряду, где кустари стоят.
Разрисованы лошадки просто:
Грива черная, и бойкий взгляд.

В хомуты из лыка с бубенцами,
В щелочки-оглобли впряжены,
Крепко упираются ногами
Кони деревянные мои...

И вот-вот они сейчас помчатся,
И повозка следом заскрипит!
Ну, пошли, давай кататься!
Тройка деревянная молчит...

Ирина КУЗНЕЦОВА,
студентка, Москва

Солнца нить

Тепло снегов
и сушь капли
Тебе удастся ощутить
Когда-нибудь
в февральские метели,
Почувствовал влетенную
в сосульки солнца нить.
Потом, весь день кляня
что было силы
Мороз,
и темь, и неба пустоту,
Заметишь ты,
что теплый ток светила
Пронзает все:
февраль, метель
и неба высоту.

Сергей ЗОЛОТОВ,
капитан водолазного судна,
Баку

Почему я не пишу о море?
Потому,
что близко с ним знаком.
Мы дружили,
ссорились и спорили, —
разве всем
расскажешь о таком?!
Я к нему
пришел еще мальчишкой,
шумным,
бесшабашным, как прибой.
Сколько ссадин,
синяков
и шишек,
море,
залечили мы с тобой!
Я выросл,
в твоих штормах мужая,
силы черпал я в твоей волне.
Может,
потому предпочитаю
гордый ветер
затхлой тишине.
Ты всегда
во всем
мое подспорье,
если начинаю уставать!
...Почему я не пишу о море?
Не умею
о друзьях писать.

Иван ПЕТРОВЦИЙ,
г. Берегово, Закарпатье

Домашний хлеб

Повитый лентами дорог,
Как партизан
войны гражданской, —
Высокий, крепкий,
наш крестьянский
Переступил я вновь порог.

И за порогом обомлел —
На скатерти, цветами шитой,
Румяный ждал и духовитый,
Сегодня испеченный хлеб.

И вся семья без суеты
Вокруг сидела. Тихо было.
И мама руки мне умыла
И молвила:
— Садись и ты!

А батько тут же на столе
Отрезал каждому по доле,
И ели мы рожденный в поле,
Наш сладкий, наш крестьянский хлеб.

Стелило солнце за селом
Свое спокойное сиянье.
И в этом утреннем молчанье
На сердце так было тепло!

И понял я в тот самый миг,
Что мы живем на белом свете,
Чтобы сидеть, как в утро это,
Меж братьев и сестер своих.

За этот радостный покой
Готов я целый век трудиться,
Готов с врагами
на смерть биться —
Ваш верный сын и брат родной!..

...Чтоб знать,
кто есть ты на земле,
Задам тебе вопрос пристрастный:
— Скажи,
когда последний раз ты
Держал домашний теплый хлеб?!

Перевела с украинского
Валентина ШЕЛЕСТ.

«...Мир должен быть населен...»

В. Шекспир.

Кира отгуляла студенческий отпуск. Собиралась первый раз на работу. Ночь она спала плохо, все ей чудилось, что она делает какие-то ошибки, неправильно лечит зубы, больные ругаются, идут писать жалобы. Но утром встала все-таки, ободренная мыслью, что вот и настал ее первый трудовой день врача. Шла на работу и волновалась. Ей казалось, что все вокруг на нее как-то странно поглядывают и, наверное, догадываются, что она первый раз идет на работу. Пришла, как и всегда ходила в институт, рано. Надела белоснежный халат, шапочку и, пока еще никого не было, встала перед зеркалом и несколько раз громко сказала: «Кира Сергеевна, к вам больной!» Или как делает медсестра, вызывая больного: «К доктору Болотовой пройдите!» Звучит! Она улыбнулась и стала готовить журнал, просматривать истории болезни записанных больных.

Вскоре начали собираться врачи. Они поздравляли Киру с первым рабочим днем, говорили, чтобы не волновалась, они всегда рядом и помогут. Часы показывали без чего-то восемь. И вот уже сестра вызывает больных и наряду с фамилиями умудренных опытом врачей звучит и ее фамилия. К ней в кресло садится молодой человек... приятной наружности и сразу же предупреждает Киру, что очень боится всех зубных врачей на свете, кроме...

— Как вас зовут? — тихо спросил он Киру.

— Кира, — ответила она. И спохватилась: — Кира Сергеевна.

— Я боюсь, — повторил первый пациент, — всех зубных врачей на свете, кроме Киры Сергеевны...

И Кире очень понравились эти слова. Они прозвучали как предзнаменование в ее новой жизни. Пусть они будут как эпиграф на первой странице ее врачебного дебюта, подумала она и сказала:

— Попробуем оправдать ваше доверие. — А в горле ее при этом пересохло; стакан с водой в руке задрожал.

Затем Кира стала его спрашивать, на что он жалуется. А он ей сразу говорит:

— У меня пульпит, положите мышьяк и больше ничего сегодня не делайте. А в следующее посещение удалите нерв, запломбируйте каналы и поставьте пломбу, пожалуйста, из пластмассы.

Кира обомлела: наверное, к ней попал стоматолог. Ведь он все правильно говорит. У нее затряслись руки еще сильнее, и она спрятала их в карманах халата.

Он заметил это и тихо сказал:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, все будет хорошо. Я, наверное, у вас первый пациент?

Но какое тут не волнуйтесь: в кресле стоматолог и, как назло, первый пациент. Вот дела! Но Кира все-таки объяснила ему, что полость нужно обработать бормашиной, а потом положить лекарство. И говорила она ему, как будто отвечала преподавателю на экзамене, очень подробно. Она взяла в руки наконечник, но руки у нее дрожали, да еще сзади подошла врач и стала бесцеремонно смотреть, что Кира делает. Она еще больше разволновалась, у нее даже по спине пробежала капля пота.

Сделала все Кира хорошо, отпустила больного, а потом села на стул и попросила сестру пока не вызывать другого больного. Она должна немного успокоиться и проанализировать, правильно ли все сделала. А вечером, дома, ее все время в мыслях преследовал этот первый больной, пациент с таким знанием стоматологии.

Между прочим, Кира так и не знает, ни кто он, ни что он. Женат или холост, она тоже не знает. Он вдруг исчезал и вдруг появлялся. Приглашал, но не в ресторан и, слава богу, не к себе в гости, а погулять, послушать музыку или на выставку. И вел он себя при этом всегда как-то чисто и недвусмысленно. Хотя Кира чувствовала, что он не свободен, он никогда не заводил разговора о том, что его кто-то где-то там... не понимает. Он был чистый... и какой еще?.. И... каким и должен быть настоящий мужчина — чуть-чуть усталый. Точно такой, как в ее любимой песне:

*Любите усталых мужчин,
Усталых мужчин любите.
На плечи усталые их
Рукой своей снизойдите...*

Усталый и чистый, как соболю...

— Ты знаешь, как охотники охотятся на соболя? — спросила она как-то свою единственную подругу Наташу, с которой продолжала дружить и после института.

И Кира рассказала ей красивую легенду: оказывается, охотники стараются загнать соболя в болото, а соболю, оказывается, грязи боится больше всего на свете... Ему легче умереть, чем испачкаться...

Наташа выслушала Киру, тут же взяла гитару и сочинила слова и музыку об этом. Наташа любую историю могла положить на стихи и на музыку, такие уж были у нее удивительные способности, но сама Наташа не считала их способностями, тем более удивительными...

Когда Кира приходила в гости, они обязательно пели про соболя на два голоса под гитару:

*Охотники соболя гонят к болоту,
Охотники гонят его, распался.
Предсмертная соболя гложет забота:
А что впереди: или смерть, или грязь?
И он у вонючей болотистой жижи
На самом краю обрывает свой бег,
Он чует звериным чутьем: можно выжить,
Испачкав в грязи драгоценный свой мех.
Но пятится соболю от топи болотной
И, мехом святее святого светясь,
Летит осиянно навстречу охоте,
Зверино урча: лучше пуля, чем грязь!..*

Вспоминая своего первого пациента, она часто напевала «охотники соболя гонят к болоту...», или, наоборот, повторяя про себя слова «охотники соболя гонят к болоту...», она вспоминала его и те веселые слова, что сказал он ей при их первой встрече: «Я боюсь на свете всех зубных врачей, кроме... Киры Сергеевны...»

— А в общем-то все это глупости, — сказала Кира сама себе, думая о нем в который раз, — снижай требования, старуха. Он тебе не жених. И ты ему не невеста... И что же нам с вами делать, Кира Сергеевна? А делать нам с вами надо вот что: нам с вами надо выходить замуж без любви. Без ненависти и без любви. Есть такие браки, в какой-то стране, я не помню уж в какой, у них там поговорка существует: жениться надо с холодными ушами. А на практике это выглядит так: молодые живут вместе два года и потом, если подошли друг другу, то вступают в законный брак, если не понравились друг другу...

Отправляясь теперь на работу, Кира частенько подумывала: «М-да, что-то жизнь не так прекрасна, тем более без мужчины... но без какого мужчины?..» Тот не в счет, тот не в счет, а кто же в счет? Уж не Зеленый же Крокодил?.. Хотя, если без любви, то почему нет?.. Вот Лариса-массажистка на днях рассказывала, как она встречалась с одним, и чего он только ей не обещал, и каких только сказок не рассказывал, а потом выяснилось: женат! Двое детей! С женой разводиться не собирается... «Зачем же вы мне голову морочили и сказки всякие рассказывали?..» Он сказал: «Потому, что я ученик Шахерезады... Хочешь жить — рассказывай сказки...»

Однажды Кира мысленно разделила свою жизнь на два периода (или, как теперь делают драматурги свои пьесы, на два действия): первое действие — она, собственно говоря, не хотела выйти сама замуж, хотя у нее было много женихов, и вот они-то хотели на ней жениться, а ей как-то было все равно. Нет, они ухаживали, звонили, назначали свидания, но она говорила: «Сегодня у меня «мышцы», а завтра у меня «кости»...» Женихи... Мужья... Ерунда все это. Она вспомнила, как однажды к ней привели одного молодого мужчину и попросили, чтобы ему побыстрее привели рот в порядок, так как он надолго уезжает за границу. Работы было много, поэтому он стал ходить каждый день в зубной кабинет, как на вторую службу. Был сначала немногословен, даже когда Кира спрашивала: «На что жалуетесь?», еле-еле добивалась ответа, а потом разговорился, и выяснилось, что Кира вроде бы была ему небезразлична, что он сейчас бы развелся, если бы не уезжал за границу, а ему уж больно хочется привезти машину. Но заверял, что, когда приедет, обязательно разведется. Кира всерьез этого не принимала, так как строить свое счастье на чужом несчастье она не желала.

И еще был один знакомый, тот самый, кого Кира называла Зеленым Крокодилом. Судя по всему, он считал себя женихом по собственному желанию. Так как у всех сотрудников болела душа из-за того, что Кира не замужем, одна из врачей решила познакомиться с ней и с этим молодым человеком. И опять же под предлогом полечить ему зубы. Кира никогда не отказывала и поэтому согласилась его принять. Когда он пришел к ней весь в зеленом, ей сразу бросились в глаза рыжая шевелюра, к тому же тщательно прилизанная, и розовая кожица лица с конопушками. И Кире он сразу чем-то не понравился.

Сватался к Кире еще один жених, которого она звала Марчелло Мастрояни. Он был очень красив и очень походил на знаменитого итальянского артиста. Он так

Валерий МЕДВЕДЕВ

КИРА

РАССКАЗ

красиво за ней ухаживал и так некрасиво на ее глазах разводился со своей женой, что она не выдержала и, протянув ему вечное перо, сказала:

— Вычеркните этой ручкой мой телефон из вашей записной книжки!..

Господи, сколько их было, женихов, а ведь Кира и замуж-то не собиралась!.. С одним из очередных ухажеров она пошла в Большой театр. Причем билеты достала Кира сама и пойти в театр была ее инициатива. Билеты достать было очень трудно, им достались два боковых места во втором и третьем рядах. Это было весной. Кира, желая понаблюдать, какое впечатление произведет спектакль на «жениха», посадила его перед собой. К концу первого действия «жених» (Афонин Николай Николаевич) наклонился зачем-то и долго не распрямлялся. А когда сел нормально, она поняла, что он снял ботинки. Кира ужаснулась... В перерыве в буфете она стала ему выговаривать, что так нельзя делать, особенно в театре, тем более в Большом... А он, когда расплачивался, долго рылся в боковом кармане. Пересчитывая деньги, не вынимая их. Потом расплатился, долго проверял сдачу и только после этого с достоинством, спокойно заявил, что ему, видите ли, стало жарко и поэтому он снял ботинки... «Что, я не могу себе позволить, тем более что жмут?» Он сказал не «жмут», а «жмуть». Кира сказала ему: «Не прожайте меня!..»

Боже мой, как давно это было, а теперь все! Все! Хватит валять дурака! С завтрашнего дня она по-настоящему выходит замуж! Начинается второе действие. А то что же это получается? Жизнь проходит, а она?.. А она, как та ее пациентка из Донбасса. Уборщица в поликлинике попросила принять свою приезжую сестру. Кира ее приняла. Разговорились. Спрашивает, где работаете. В шахте. Что делаете?.. «А сидю на моторе и ничего не делаю!» — ответила она. Вот и Кира: «Сидю на своем зубо-врачебном моторе и... ничего не делаю...»

На днях в поликлинике была лекция «Есть ли жизнь на Марсе». Кира стояла в коридоре и читала объявление, когда к ней подошел молодой терапевт Александр Алексеевич Булкин. Он встал за спиной Киры и громко прочитал объявление: «Сегодня в поликлинике в 14 часов лекция «Есть ли жизнь на Марсе» — и еще громче добавил: «Пошлите нас с Киры Сергеевны на Марс, и через девять месяцев там будет жизнь!.. Шекспир сказал: «Мир должен быть заселен!..»

Кира обернулась к Булкину и отчеканила:

— Шекспир сказал, между прочим, что мир должен быть населен!.. А не заселен!.. И не все равно кем и не все равно от кого... Вот так-то, Булкин!..

Еще есть загадочная личность — Кира зовет его мистер Икс. Молодой, но непонятный. Ходит, лечится и приглашает частенько в кино или в театры. Чисто платонически. Кире в нем нравится, что он ни разу не заводил никакого разговора серьезно и не лез несерьезно целоваться. Только это ей в нем и нравится.

А еще? А еще... В компании за ней обычно начинали ухаживать женатые мужчины, некоторые мужья ее подруг. А холостые? Ну, во-первых, холостые нынче предпочитают ухаживать за замужними женщинами... А во-вторых, в компании, в которых ей сейчас приходится бывать, холостых она почти не встречает...

По дороге домой в такси она перебирала, словно струны гитары, слова Наташиной песни: «Охотники соболя гонят к болоту... но пятится соболю от топи болотной... летит осиянно навстречу охоте...» И от себя присочинила, уже открывая входную дверь: «Скажите мне, люди, ответьте мне, люди, когда же и мы все, как соболю, будем?!» Она не успела открыть дверь в свою комнату, как раздался в коридоре телефонный звонок. В трубке голос, его неповторимый голос:

— Как хорошо, что вы дома! Я рядом. Поедемте, я вам покажу один интересный дом старой Москвы.

И она в первый раз разозлилась на него, что он ни разу не пригласил ее в ресторан и не сказал: «Зайдемте ко мне в гости». Она бы, конечно, согласилась, но не сразу, не сразу. И пусть бы он даже сказал ей, колеблющейся, зоновскую пошлую фразу. Был у нее такой пациент, Зонов, любил повторять: «От счастья своего отказывайтесь?..» Пусть так бы и сказал, и она бы простила ему все, все, все...

ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

История, которую Он рассказал ей по дороге от Ново-Васманной улицы до Патриарших прудов, была такова.

Жил в старой Москве задолго до революции человек, не то чтобы богатый и не то чтобы бедный. Вероятно, дворянин, помещик, и, вероятно, разорившийся. Однажды на балу он познакомился с красавицей, тоже, вероятно, дворянкой и дочерью, вероятно, разорившихся помещиков. Вскоре он сделал ей предложение. Она согласилась, но поставила условие: жить будем в Москве. А в Москве он останавливался в гостиницах. «Продайте поместье,— приказала она,— и постройте дом». Он так и сделал: продал свое полуразвалившееся поместье и заказал архитектору дом, не то чтобы богатый на вид, но и не бедный. Архитектор составил смету, и оказалось, что денег, вырученных от продажи имения, хватит на постройку дома и его обстановку, но только и всего. Дом был готов ко дню свадьбы, и молодые прямо из церкви, что у Никитских ворот, где венчался Пушкин, поехали в свое гнездышко. Каков же был ужас невесты, когда, выйдя из кареты, она увидела, что дом, ну, как есть, но совершенно не такой, каким она его себе представляла: дом был без колонн. Невеста тут же на улице при родных и посторонних закатила жениху истерику. Она сжимала свои прелестные маленькие ручки в кулачки и шептала, всхлиывая:

«Почему без колонн?! Хочу колонны!» И, спрятавшись в карету, укатила домой к родителям.

Совершенно убитый жених помчался к архитектору. Архитектор сказал: «Давайте деньги — будут колонны».

Жених побегал занимать деньги. Сколько-то... чего-то... где-то... у кого-то наскреб... и в результате на стене дома появились колонны и даже с барельефом...

— А теперь можете полюбоваться этим домом и этими колоннами,— сказал Он, останавливая машину возле Патриарших прудов и открывая дверцу.— И если все было не совсем так — да простит меня бог...

Кира вышла из машины, посмотрела на дом и рассмеялась: так все в этом доме походило на то, что рассказал ей Он. Действительно: «Хочу колонны...» Потом они сели в машину и молча вернулись к Кириному дому. По дороге Кира в который раз думала: «Кто он?» И на этот раз она спросила себя: «Кто он?» Спросила и не ответила.

В тот первый памятный день ей показалось, что он зубной врач, потом, когда он читал в машине стихи, неизвестные ей, вернее, даже не стихи, а отдельные строчки, какие-то хорошие заготовки к хорошим стихам, она подумала, что он поэт. Когда они смотрели с ним хоккей, она подумала, что он тренер. В Большом театре на спектакле «Лебединое озеро» он разъяснил ей столько балетных тонкостей, что она решила: он балетмейстер. А после этого рассказа о доме с колоннами она определила, что он писатель...

Проводив ее до входных дверей, Он пожал ей руку и сказал:

— Все будет хорошо,— потом, помолчав, добавил: — Сухие листья жгут в саду...

Сказал и ушел. А Кира, не заходя домой, помчалась к Наташе и крикнула шепотом с порога:

— Он сказал: **сухие листья жгут в саду!** Как ты думаешь: что это значит?!

— **Сухие листья жгут в саду?**— повторила Наташа его слова, сказанные Киру.— Сейчас с помощью гитары расшифруем...

Наташа взяла магнитофон с микрофоном и ушла в другую комнату.

Через некоторое время Наташа и Кира уже сидели, забравшись с ногами на тахту. Наташа надавила на клавишу магнитофона, и ее голос под аккомпанемент гитары полился из динамика:

*Сухие листья жгут в саду,
Сгребая их в костры умело,
Сгорают в огненном аду
Они душой своей и телом.
Ах, плавка золота аллея!
Сгорают листья тополей,*

*Сгорают листья лип и кленов,
Сгорает тень аллея зеленых!
И все, что радовало глаз,
И все, что тень давать хотело,
Все, синим дымом обратясь...
В небо летело. В небо летело.
Слова сухие жгут в душе,
Сгребая их в костры умело,
И вот они горят уже,
Горят, горят оцепенело.
Горят слова—я вас люблю!
Горят слова—я скоро буду!
Горят слова—я вас молю!
Горят слова—я не забуду!
И все, что было вечным в вас,
Все, что не старилось, не тлело,
Все, синим дымом обратясь,
В небо летело!..
В небо летело!..
В небо летело!..*

— Понимаешь,— прошептала Наташа после паузы,— какие-то слова сжигаются в душе... Ты знаешь, это все так непросто...

— Я знала одного человека, у которого было столько сухих слов,— отозвалась Кира,— что он так их и не смог сжечь за всю свою жизнь...

Кира шла на работу пешком. Она всегда ходила пешком на работу, только в ненастные дни садилась в троллейбус или автобус. Начинался новый трудовой день.

Первой пришла массажистка Тоня. Просто так пришла. Не лечиться, чего она очень боится. А пришла поговорить обо всем и обо всех, рассказать поликлинические новости. Каждая ее фраза начиналась словом «слушай».

— Слушай, а ты знаешь, к нам пришел новый заместитель главного?!

— Да что ты!— удивляется Кира.— Ну и как?

— Пока ничего, время покажет. Слушай, пока нет больных, анекдот...

Одинокой Кира в общем-то жить было легко, потому что она никогда не теряла времени в очередях. Конечно, хотелось иногда поесть повкуснее и, как говорила дворничиха с ее двора, «покарасивше» одеться, но для этого надо постоять в очереди, а у нее была такая философия: нет такой тряпки и нет такого птичьего молока, из-за которых стоило бы томиться в очереди. Теперь, когда Кира стала по собственному желанию невестой, конечно, на свой внешний вид она стала смотреть уже по-другому, но терять в очередях время все равно не хотела, а решила прибегнуть к помощи нечистой силы. Как сказал ее любимый пациент, клоун из московского цирка, знаменитый Бон-Иван:

— Бога в смысле чистой силы нет, но черт в смысле нечистой силы есть, и называется он: «Я—тебе, ты—мне, мы—вам, вы—нам...»

Раньше Киру не интересовало, где работают ее пациенты, а теперь:

— Пошире ротик... А где вы работаете?.. В ГУМе?.. В обувном отделе?.. И вам нравится ваша работа?.. Ах, вы мечтали поступить в вуз?.. А вот мне нравится, что вы работаете в ГУМе... Ну, кто-то же должен работать в ГУМе и именно в обувном отделе. Кстати, у меня скоро свадьба, у вас там нет импортной обуви?..

Как-то вечером Кира должна была идти в Большой театр на «Кармен». Стала собираться, когда раздался телефонный звонок. Звонила старшая медсестра из зубопротезного отделения Надя Корнилова. Кира звала ее медсестрой — с такими медовыми интонациями она разговаривала, словно перед тем, как произнести слово, она его в вазу с медом опускала.

— Ну, роднучечка, ну, Кирулечка,— начала она медоточить, как всегда.— Ну, заботи на минуточку... ну, не пожалейешь... Он из загранки приехал, говорит, ужасно

хочет видеть тебя... тот, с которым я тебя знакомила. Он говорит, что если он тебя сейчас не увидит, то умрет...

Еще Корнилову в поликлинике звали на французский лад — Надин. Это из-за того, что она говорила несколько в нос, но не из-за французского прононса, а скорее всего по причине вазомоторного насморка. Надежда давно еще познакомилась Киру с одним из «женишков», с тем самым, что уехал три года назад за границу за машиной.

— Как — удивилась искренне Кира, — разве уже прошло три года? —
— Прошло, родненькая, прошло, и если сейчас не зайдешь, может быть, и вся жизнь, как эти три года, сразу пройдет.

— Я иду в театр, — сказала Кира нерешительно.
— Ну, я тебя очень прошу, ну, Кириуся, заботи меня минуточку, мне надо тебе кое-что сказать. По телефону не могу, — просила Надежда.
— Ну, ладно, — согласилась Кира. Любопытство заставило ее побыстрее одеться и поехать к ней.

Подходя к дому Нади Корниловой, Кира заметила шикарную белую машину какой-то иностранной марки. А когда вошла в комнату, то сразу поняла, чья эта машина. В комнате сидел ее бывший женатый «жених». Поздоровались, как старые знакомые.

Надин стала накрывать на стол, извиняясь, что ее застали врасплох, что она не успела купить вина...

— А вы-то что, — сказала Надя «жениху», — идете в гости после долгого отсутствия, не грех и бутылочку импортного захватить да и к бутылочке еще чего-нибудь заморского.

— Да, понимаешь, все на машину угрохал, а сейчас коплю на квартиру, — признался простоудушно женатый «жених».

— Да, никак не поверишь, что владелец такого «кадиллака» пришел в гости с пустыми руками, — продолжала хозяйка раскошелиться гостю. — Может, багажник у машинки откром? Что-то мне кажется, ваш бензинчик французским коньячком «Наполеончик» полагивает.

Гость и эти слова пропустил мимо. Он все переводил разговор на то, на се, на другое, на третье, при этом он, сидя на стуле, как-то странно покачивался, подносил то одну, то другую руку к подбородку и говорил неразборчиво, невразумительно, словно его пчела в язык укусила.

Кира сначала подумала, что он пьяный, потом видит — нет, не пьяный, это у него, как сказал один пациент, «с ротом» не в порядке.

— У вас, — сказала Кира, — по-моему, зубы болят?
— Болят, — признался он. — Как уехал, так и болят. — И вдруг исторг с болью из самой души: — Братцы, как там дорого зубы лечить!

— Ну да, — сказала Кира, — от капитализма лучше без зубов приехать, но с машиной.

Он сказал:
— А можно к вам, по старой памяти?..

Кира ответила:
— Можно к нам и по старой памяти! — И добавила: — Представляю, как вы ждали со мной встречи!

На следующий день в поликлинике он спросил боязливо:
— А что будет?
— Что будет?.. Вскрытие будет...

Между этими набегам на Киру к ней на прием приходил еще два раза Он. Приезжал усталый и озабоченный. Водил ее на выставку «Молодость России».

Рассказывал о живописи так хорошо, что она подумала: нет, он художник. На прощание он протянул ей листок и сказал: «Вам это пригодится!»

Дома Кира рассмотрела. Это была «Инструкция для женщин» из чешского журнала. Она гласила: 1) встав с постели, старайтесь даже за утренним чаем выглядеть кокетливо, так как непричесанная женщина вызывает отвращение; 2) не выступайте в разговор с мужем, пока он не побрился. Бритье для мужа — час размышлений о том, что ему предстоит сделать за день. Даже самый разговорчивый мужчина не разговаривает по утрам; 3) не ходите целый день без каблуков, это портит походку и фигуру. Будьте во второй половине дня одетой; 4) ждите с нетерпением мужа с работы. Будьте готовы во всем. Муж не должен ждать обеда или ужина. Все должно быть готово; 5) умная жена должна быть на 25 процентов веселее, чем для этого имеется оснований.

«Вот тебе раз, — подумала Кира. — Кажется, меня он готовит кому-то в жены... Уж не собирается ли он меня посватать кому-нибудь из своих приятелей?.. Значит, это не в его саду жгут сухие листья, а в саду его приятеля... Этого только не хватало!.. Тогда скорее замуж назло не им, а Емму!» Ей вдруг показалось, что и вообще никакого Его на самом деле нет, есть его образ, созданный воображением и желанием встретить именно такого. А иногда Кире Он казался человеком-заповедником. Вот как в заповеднике сохраняется и оберегается лучшее, что есть в природе, так и ей казалось, что в нем, именно в нем, собралось и сберегается все лучшее, все самое человеческое и мужественное, что есть в мужчине! Такие мужчины, кажется Кире, должны охраняться государством!

Поздно ночью, перед тем как заснуть, она взяла «Инструкцию для женщин» и погрузилась в чтение... Интересно же, какой ей нужно быть, чтобы стать женой одного из его приятелей.

А на следующее утро Кира вышла на улицу, говоря всем своим видом, походкой, улыбкой: да, я — Кира Болотова, конечно, внешне я, может быть, и не так красива и не бросаюсь в глаза всем, и вы, конечно, не оборачиваетесь мне вслед, но ведь есть внешне красивые и есть внутренне. Красивым внешне уделяют внимание, а красивым внутренне отдают жизнь.

И она повторяла и повторяла про себя, как молитву, заповедь чешской рекомендации.

— Нет, нет, не беспокойтесь, я сама знаю, что вы, может быть, не полюбите меня с первого взгляда. Вы полюбите меня после того, как женитесь на мне. Вы приходите с работы, а я стираю, готовлю... Знаем мы эти любви до свадьбы! До свадьбы любите, а потом... Вон какая статистика разводов! А характер?! Да, какой у меня характер?.. Может, для совместной жизни совсем не годится?

Ей вдруг почудилось, как Он говорит:
— Слушай, а тебе не приходило в голову, что из тебя бы вышла прекрасная жена декабриста?!

— Почему декабриста?
— Потому что ты без всякой ссылки превратила бы жизнь своего мужа в каторгу!
— А мне кажется, что есть мужья, которые заслуживают такой каторги.

Не успела Кира прийти на работу, а около кабинета уже сидело несколько человек. И хотя она пришла задолго до начала работы, все-таки открыла прием. Отпустив больных, она записала истории болезни, поставила на плитку чайник и пошла в соседний кабинет поболтать.

Кира обсудила кое-что с врачихой (у врачихи была дочь, ровесница Киры, и врачиха очень хотела бы выдать ее замуж). Поэтому все разговоры сводились к

тому, когда же, мол, вы (имелась в виду и Кира) выйдете замуж, уж больно закопались.

«Может, и вправду, — подумала Кира, — взять лопату и закопаться...»

Потом Кира вернулась в кабинет, приняла еще одного больного и успела выпить чайку. Потом к ней зашла массажистка Лариса. Она к ней заходила, давая возможность одному больному одеться после массажа, а другому — раздеться. С ней поговорили о том, как ухаживать за комнатными цветами, которые Лариса очень любила. В ее кабинете прямо оранжерея, так много цветов! И больные некоторые приносят. А в кабинете у Киры цветы долго не живут. Очевидно, запахи медикаментов (пластмассы, эфира) плохо влияют на растения. Потом к Кире зашла медсестра процедурного кабинета пожаловаться, что никак ей не хотят дать путевку в сердечно-сосудистый санаторий. Путевка уже есть, но председатель комиссии все тянет время: то нет председателя месткома, то нет справки от терапевта, что ей не противопоказано в этот санаторий. И Кира ей посоветовала действовать более решительно и напористо.

Медсестра ушла с твердым решением добиться путевки. А потом опять пошли больные. Зашла врач-окулист, у нее разболелась десна. Кира посмотрела и помогла. Зашла медсестра онкологического кабинета подписать рецепт, потом врач-невропатолог попросила подписать длительный больничный лист. К концу рабочего дня Киру вызвала к себе главный врач, попросила дать цифры по кабинету за полугодие. Потом зашла врач подросткового кабинета и попросила отпечатать две заметки в стенгазету.

Постепенно собственная Кирина жизнь пришла в какое-то несоответствие и противоречие с жизнью вообще. Они как бы перестали пересекаться. То есть всем казалось и самой Кире, что ничего не изменилось, но все это было, как на станции, когда да смотришь на рельсы — кажется, что они где-то там впереди сходятся, но это только кажется.

После работы Кира приходила домой, включала магнитофон и слушала Наташину песню:

*...главное в жизни имеет значение
Пересечение! Пересечение!
Пересекаются всюду зачем-то
Кто-то и где-то,
Когда-то
И с кем-то...*

При этом она смотрела в зеркало и уговаривала себя:
— Как вам не стыдно, вы уже старая, вам уже почти тридцать... Ой, какой ужас! Даже выговорить невозможно, сколько вам лет. Вы старая дева! Синий чулок со штопкой. При Пушкине вас бы уже и на балы не вывозили. Морщины свои показывать. А!.. Седой волос... Раз!.. С левой стороны! А справа? И справа... Раз! И два!

Спрашивала себя вслух:
— А почему надо обязательно выйти замуж... В конце концов все любят... для себя, а выходят многие замуж... для знакомых...

Она вспомнила, как однажды зашла в свой районный загс, просто так, посмотреть, как это все происходит. Как это все происходило, ей, Кире, не понравилось: самая главная все время казенным голосом обращалась то к молодым, то к гостям. Молодым она говорила: «Не сходите с коврика!..», а гостям говорила: «Не заходите на коврик!..» Отчего молодые и гости все время прыгали, как кролики, взад-вперед, на самое кощунственное, по мнению Киры, случилось потом, когда в самый торжественный момент обряда женщина-церемониймейстерша громко щелкнула выключателем и включила «Свадебный марш»... Кире казалось, что в такую священную минуту музыка должна была зазвучать сама собой, а не потому, что кто-то прозаически щелкнул под крышкой стола рычажком выключателя...

Как раз во время этих размышлений о загсе зазвонил телефон, и Надин, как всегда, стала сватать Кире своего очередного жениха. На этот раз жених был с нагрузкой. Кира сначала не поняла, что такое с нагрузкой.

— Ну, что тут непонятного, — надрылась в трубку Надин, — покупаешь билет в Большой театр, а в нагрузку к нему дают еще один билет в очень маленький. Так и с женихом. Он интеллигент! Он доцент! Но пьян!.. Понятно?

И тут Кира взвилась до потолка.

— Все! — крикнула она Надин. — Никакого жениха! Я старуха! Я старуха! Поздно! Все поздно! — И бросила трубку.

Но в это время снова раздался звонок. Звонил Он, который заповедный, тот самый, что должен охраняться государством, и сказал, что должен увидеть Киру сегодня же! Сейчас же! Сию же минуту!

— Ах, у вас зуб болит? — закричала Кира. — Ах, я вам срочно нужна! Моя помощь?! Ах, я всем нужна с острой болью, а какая боль у меня, это вам всем неважно?!

Ох, что Кира ему кричала в трубку! Что она ему кричала!..

— Или вы будете меня учить одеваться! Ах, вы были в Крыму и встретили там на пляже очень миленькую женщину! Ах, она шла по берегу в простом платье, босиком, на голове косынка! Ах, она была такая простая и такая очаровательная в этой своей простоте, что она понравилась вам! И вы вечером назначили ей свидание в парке. И когда она пришла, вы обомлели. От ее красивой естественности и простоты не осталось и следа. На голове у нее была какая-то несусветная шляпа с лентами, руки в перчатках, волосы были завиты какими-то спиральями, платье было с какими-то рюшами, оборками, а на ногах туфли, напоминающие козлиные копыта... Одеваться надо не для других, а для себя, скажете вы мне...

Выпавив это, Кира бросила трубку! Она опоздала! Ее поезд ушел!.. Тот, которого она любила, то есть любила, но не знала, что любила... он женат... у него дети!..

У него уже две доченьки, это ее доченьки у него, но не от нее, а от другой, от нелюбимой, а могли быть от нее! Могли быть. Недавно он приходил к ней с девочками на прием! И смотрел на нее, как тогда, как в институте... У него по-прежнему глаза, зовущие вдаль! Все дым! Все тлен! И разрыдалась.

Но в это время раздался настойчивый звонок в прихожей. Кира взяла в руки утюг и сказала:

— Если это Крокодил, я его убью!.. Если это Афонин, я его тоже убью!.. Если это какие-то вообще мужчины и их много, я их все равно всех убью! Всех до одного, всех по одному... в порядке живой очереди... превращая ее в мертвую...

С утюгом в руке Кира открыла дверь... В дверях стоял Он!.. Который не охраняется, но должен был охраняться государством! Он никогда не заходил к ней и не мог зайти никогда и ни за что!

Кира с утюгом в руках стала отступать от него. Она видела, что Он не видел ничего, ни утюга в ее руках, ни ее растерзанного вида... Ничего.

Он первый раз, она видела, видел только ее!.. Но она не видела, что в руках у него цветы и что вид у него, как всегда, чистый, усталый и свободный! Да, да! Свободный! У него был вид чистый, усталый и свободный! Именно свободный! Но это Кира

разглядела потом, гораздо позднее. А когда Он вошел, она не видела Его и не слышала, что Он ей говорит, не слышала, а если слышала, то не понимала.

А Он ей сказал:

— Кира, я хочу, чтобы вы стали моей женой!..

— Что, что? — переспросила Кира.

— Я хочу, чтобы вы стали моей женой!.. Я делаю вам предложение...

— Ну и что, — ответила она, — я желаю вам с ней счастья!

Он сказал:

— С кем с ней?..

Она ответила:

— С той, что вы хотите, чтобы она стала вашей женой!..

После этих слов Он взял Киру за плечи и потрянул так, как трясут спелую яблоню.

— Я хочу, чтобы вы! Вы! Вы стали моей женой!

И здесь она наконец-то поняла, что мужчина, о котором она и не смела мечтать... Капитан! Ее Капитан! Капитан самого Дальнего плавания ее жизни хочет, чтобы она стала его женой!

Но и когда она поняла, что происходит, она ответила ему так, что он не понял, что же это такое происходит!

— Это совершенно невозможно, — сказала Кира.

— Невозможно?

— Невозможно, — подтвердила она. А внутри ее все пело:

*Будем ходить мы
От гавани к гавани.
Мы без анкет, без билетов, без виз.
Мы с Капитаном моего
Дальнего плавания
На корабле под названием
«Жизнь»!
И ни морщинки всю жизнь,
И ни жалобы.
Только в конце пусть смертельной
волной
Пусть не его, не меня
смоет с палубы,
Пусть его смоет, но
вместе со мной!
Пусть и на это иметь буду
право я,
Пусть прах мой первый воспримет
земля,
А Капитан моего Дальнего
плавания,
Пусть он последним сойдет с корабля...*

Кира отстранилась от него и сказала:

— У меня есть убеждение, что замуж можно выходить, если ты очень ненавидишь того мужчину, за которого собираешься выйти замуж!..

— Ненавидишь? — переспросил Он изумленно. — Но почему надо ненавидеть?

— Тогда есть надежда, что со временем ненависть перейдет в любовь!

— Неожиданная для меня теория! — сказал Он.

— Для меня тоже, — сказала Кира.

— А если выходишь по любви, тогда что?

— Тогда любовь перейдет со временем в ненависть!

— Господи, а я-то все время думал, как мне добиться вашей любви! А добиваться надо ненавистью! — сказал Он.

«Что это я делаю, — подумала Кира, — отказываюсь идти за него замуж, а сама объясняюсь ему в любви».

Но Он и здесь сделал вид, что не понял ее объяснения.

— Ну ничего, — сказал Он, — я надеюсь, что сегодня же вечером я сумею заслужить вашу ненависть... А сейчас в ресторан! В «Софию»!..

— Неужели опять смотрины? — сказала растерянно Кира, без сил опускаясь на тахту. Приходилось ей бывать и на смотринах в роли «рассматриваемой».

— Конечно, смотрины, — сказал Капитан ее Дальнего плавания, — а как же без смотрины?.. Я буду весь вечер смотреть на вас, а вы на меня!..

— Ах, в этом смысле! — обрадовалась Кира. — Сейчас, сейчас! Я только переоденусь!..

Уже много раз в жизни Кире было неловко за других. Один раз за не бог весть какую актрису, художественную чтицу — не бог весть какую художественную. Это было на юге, в Кисловодске, где она отдыхала в санатории. Однажды вечером она купила билет на концерт. Ее привлекла на афише фамилия Чехова и название его прелестной повести «Дом с мезонином» в исполнении, неважно кого. Народу в театре было мало, актриса была простужена, говорила в нос, но делала вид, что она совершенно здорова — то и дело подносила элегантно пальчики к носу, как бы говоря, что это удачно найденный жест и к насморку не имеет никакого отношения. Но это было еще полбеды. Беда была в белом магнитофоне, стоявшем на столе посередине сцены. Из магнитофона актриса извлекала музыкальное оформление повести. В наиболее лирических местах чтица подходила к агрегату и, делая вид, что она подошла просто так, незаметно нажимала громко щелкавшую клавишу. На третьем щелчке Кира ушла из зрительного зала!..

Но здесь, у себя в комнате, она, убегая переодеться за ширму, не удержалась и тоже ударила по клавишам магнитофона... «Сухие листья жгут в саду...» И когда, переодевшись, вышла из-за ширмы, то спросила Его:

— Скажите... у вас... нет... — и замолчала в нерешительности.

— Нет?.. — переспросил Он. — Нет чего?..

— У вас нет детей?..

— Нет, — сказал Он, — но будут! Обязательно будут! Человек — это же два человека, влюбленных друг в друга и в своего ребенка!

Ну вот и все! Весь рассказ! Все повествование!.. Правда, было еще одно маленькое происшествие в загсе, так, заминка церемониала, но в этой заминке тоже была часть Киры, и о ней стоит рассказать. Когда главная женщина с чувством произнесла следующие торжественные слова: «Сегодня в вашей жизни торжественный и незабываемый день. Вы вступаете в семейный союз и по большому жизненному пути пойдете вместе. Помните, что, создавая семью, вы берете ответственность друг перед другом, перед обществом, перед будущими детьми. Помните, что чем крепче семья, тем крепче наше государство...» — и собралась уже включить музыку, Кира громко сказала:

— Только не щелкайте выключателем. Музыка вся здесь! — и показала на сердце...

Сергей БАРУЗДИН

Из стихов, написанных в Канаде

О природе

*Край великих озер,
Край Святого Лаврентия,
Как печально и хрупко
Твое бытие.*

*Погибает природа,
Как падшая женщина,
И не может никто
Постоять за нее.*

*Из соседней Америки
Ветры тревожные
На канадскую землю
Приносят беду.*

*Пухнет рыба от рака,
Леса уничтожены,
Исчезает живое
У всех на виду.*

*А концерны растут,
Их владельцы куражатся.
Что природа и мир?
Только чистый доход!*

*И пускай убеждения
Эти и твердые, но
Канада — Канадою,
Так было и есть.*

*И канадцы — канадцами,
Простые и твердые,
Отстоят свою честь,
Защитят свою честь.*

Торонто

*Город чуть-чуть
Английский,
Американский тоже.
История Сан-Франциско,
Пожалуй, с Торонто схожа.*

*Но тут и иные нравы,
И темп, пожалуй, отличный.
Канадцы имеют право
Торонто считать своим личным.*

*Мало ль кому
Чего хочется —
Силы, бизнеса, странствий?
Но флаг канадский полощется
Над флагом американским.*

«У Саши»

*Ресторан с названием
«У Саши»
Держит бывший белый офицер.
Вроде каши и пельмени наши,
Только лишь
на западный манер.*

*Сам хозяин ни богат, ни беден,
Сам хозяин бодр,
Хотя и стар.
Встретит вас
У чучела медведя,
Как заправский
Аглицкий швейцар.*

*Что он может
Помнить о России?
Что он знает?
Вовсе ничего.*

*Вынесла октябрьская стихия
За пороги родины его.*

*Он горюет и ночами плачет,
Верит лишь, что горе не беда.*

*Да, могло сложиться все иначе,
Но судьба, судьба,
судьба, судьба...*

*Каждый месяц
в храме православном
Ставит свечку за Россию он.*

*Ходит в храм
Он чинно и исправно,
Ходит, как к России на поклон.*

*Все, что было,
То давно уплыло,
В сердце не осталось ничего.*

*С новой Россией смирилось
Буйство беспокойное его.*

*И «У Саши» — вовсе не причуда,
Хоть и бизнес,
Надо как-то жить...*

*А Россия — это
Просто чудо!
И нельзя о Родине
Забывать!*

Богослов

*Хоть неказист,
Вальяжен и речист,
Цитирует Шевченко и Толстого,
Сейчас, увы, на пенсии
Славист
И стал
Вполне
Приличным богословом.
Благие и красивые слова,
О Рейгане
Не лучшие цитаты.
Молчит о том,
Что сам служил в РОА,
Что сдался в плен
В далеком сорок пятом.*

*Но что нам, право,
Говорить сейчас
Про нынешние
Беды и тревоги?*

*Володя! Вальтер!
Или как там Вас!
Хотя б
Не вспоминали Вы о бже!*

«СПРОСИТЕ МЕНЯ!»

то и в документах школьной реформы. Ведь в учебниках еще встречаются такие параграфы и формулировки (и учитель не может миновать их), которые только запутывают малышей, навязывают совершенно ненужную информацию.

В тот день Сережа Иванчиков появился в классе лишь ко второму уроку. Да еще с синяком под глазом — шел в школу, увидел на заборе кошку, погнался за ней, упал и ударился. Несильно совсем, но на синяк хватило. Людмила Ильинична ругать «пострадавшего» не стала. Видела: осознал и переживает. Но переживал Сережа недолго. Прямо среди урока протянул руку и дернул за косичку сидевшую

«МАТЕМАТИКА? ЭТО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО!»

впереди Богуславу. Богуслава Чайковская оглянулась и посмотрела строго, как и полагается одной из самых старательных учениц. Лицо Сережки расплылось от удовольствия.

— Эх, Иванчиков, ты снова! А ну-ка, к доске! Напиши нам...

Сережка написал. Класс задумался.

— А прочитать-то ты сам это сможешь?

Неподбитый Сережкин глаз радостно замигал.

— Не-а... Даже профессор не прочтет.

— Ну, вот видишь. Как же нам быть?

Сережка вздохнул, стер с доски каракули, написал задание снова. Вполне красиво и разборчиво.

— Садись, ставлю тебе «четыре». Чтобы не кривлялся. Согласен?

— Ага.

Сережка с суровым видом пошел к парте, но по дороге не удержался и щелкнул по носу Богуславу. Та

0

бычный первый класс... Теперь, когда в условиях школьной реформы первоклассником может стать любой ребенок шестилет, не вызывает недоумения и возраст его учеников. Самый обычный урок — арифметики. И задача типовая — прямо из учебника.

Оказалось, в ней и решать-то нечего, в этой задаче. Краснощекий карапуз, на секунду задумавшись, без запинки выпалил ответ. Ох, если бы на том все и закончилось! Но, согласно школьной программе, требовалось еще вслух повторить правило. Правило вычитания. Мол, объясни по-научному, как считал.

— Чтобы найти разность двух чисел, нужно из суммы... нужно из суммы... — Мудреная фраза никак не давалась мальчишке. Он с недоумением глядел на доску, словно не понимая, зачем же произносить какие-то непонятные слова, когда ответ — вот, полюбуйтесь! — уже найден.

Верные старой школьной привычке выручать попавшего в беду, мы попытались было подсказать. Прямо с задней, последней парты. Но, увы, забытое правило не давалось и нам.

Вот тут и вспомнилась хрестоматийная гусеница-сороконожка, разучившаяся ходить, когда ее однажды спросили, как же она не путается в своих многочисленных конечностях. Мы оказались в похожей ситуации, с той лишь разницей, что нам вместе с краснощеким карапузом грозила двойка по арифметике. Напряжение разрядила сама учительница. Она помогла мальчишке сформулировать злополучное правило, и он, успокоенный, сел на место.

Так состоялось наше знакомство с самым младшим классом современной школы, классом для шестилетних.

После урока мы попросили Людмилу Ильиничну Пестову, учительницу школы № 66 города Минска, несколько лет уже преподававшую в экспериментальном классе для шестилетних, а значит, педагога опытного, прокомментировать ситуацию, свидетелями которой мы только что были в ее классе.

— Начну с наблюдений в школьном буфете. Помимо того, что мы кормим шестилеток в столовой завтраками и обедами, они могут сами покупать что-нибудь, например, булочку, конфеты, стакан газировки. Соберутся у прилавка, бренчат мелочью и прикидывают, хватит ли не только самим полакомиться, но и товарищей угостить. Расчеты производятся довольно сложные: надо умножить, вычесть, разделить, снова вычесть. А ошибки здесь случаются редко. И это при том, что в первом классе мы преподаем шестилеткам лишь сложение и вычитание, учим счету лишь до ста.

Взять, к примеру, Таню Скачко из моего класса. Совсем кроха, а родители смело посылают ее в магазин за покупками, доверяют деньги и знают, что их ребенок не ошибется в расчетах. Но на уроках, даже на математике, Таня вовсе не в числе лучших. Теория дается ей трудно.

Выходит, конкретная детская практика убегает вперед школьных «теоретических» знаний.

Давно заметила, стоит мне затянуть объяснение материала хотя бы на лишнюю минуту, тут же начинают ерзать, вертеться, переговариваться друг с другом. Просто слушать уже скучно! То есть в процессе усвоения новых знаний у малышек обязательно должны участвовать и глаза и руки, да и с соседом надо обсудить только что услышанное. Поэтому урокам для шестилетних противопоказана полная тишина, когда малышки, аккуратно сложив руки на парте, напряженно смотрят в рот учителю. Поэтому так много на наших уроках игры, музыки, детского смеха.

Учатся шестилетние с интересом, вот только побыстрее бы нам избавиться от излишнего академизма в школьных программах, что, кстати, особо подчеркнут-

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

УЧЕНЬЯ С ШЕСТИ ЛЕТ

выскочила, и быть бы потасовке, не вмешайся учительница.

Людмила Ильинична утихомиривает драчуна и... садится к пианино. Под веселые звуки польки ребята пускаются в пляс на свободном пространстве классной комнаты. Сережка почти галантно протягивает Богуславе руку (не прошли даром уроки Людмилы Ильиничны) и приглашает девочку в круг танцующих.

А после уроков, когда всем классом побегут ребята во двор на прогулку, эти двое все-таки подерутся. Будут кувыркаться с ледяной горки, кидаться снегом и толкать друг друга в сугроб. А Людмила Ильинична лишь понаблюдает со стороны и не вмешается. Потому что по опыту знает: лучше до поры не вмешиваться. Пусть бегают и играют.

— Не могу осудить того ребенка, который бегаёт как угорелый на переменках.— В наш разговор вступает еще один очень серьезный специалист, Нина

Школьные перемены

em

НЕЛЕГКО БЫТЬ ПЕРВОКЛАССНИКОМ...

ФИЗКУЛЬТУРА В КЛАССЕ
ДЛЯ ШЕСТИЛЕТНИХ —
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ПРЕДМЕТОВ.

ОНИ И В ШКОЛЕ
НЕ РАССТАЮТСЯ С КУКЛАМИ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА.

Тимофеевна Лебедева, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой гигиены детей и подростков Минского медицинского института.— Скажу больше: пусть даже ребенок, который бегаёт-прыгает по школе, формально и нарушает дисциплину. И пусть даже чересчур строгие педагоги запишут ему замечание в дневник. Но, по-моему, правы будут те родители, которые не станут отчитывать своего сорванца. Потому что, двигаясь, резвясь и играя в таком серьезном учреждении, как школа, ребенок спасает свое здоровье. Да, именно спасает!

Специалисты, работающие с детьми, знают: чтобы определить, может ли малыш говорить, вовсе не обязательно слышать его речь. Достаточно попросить ребенка показать отдельно любой палец на руке. Сумеет — значит, уже способен разговаривать.

Дело в том, что центры, управляющие движением кисти ребенка и его речью, находятся в мозге по соседству и развиваются параллельно. Поэтому, выработывая у малыша культуру движений, мы одновременно влияем на развитие его интеллекта.

Что же показывают результаты обследований поступающих в школу шестилеток? Абсолютно здоровыми (с чисто медицинской точки зрения) оказались лишь тридцать процентов детей. Еще у сорока наблюдались незначительные отклонения в здоровье. И примерно тридцать процентов детей к шести (!) годам страдают какими-либо хроническими заболеваниями.

Кроме того, выяснилось, что две трети шестилеток не умеют даже правильно сидеть на стуле, а это отражается на их физическом развитии. Процент сорок ребят не имеют так называемой моторной зрелости, то есть добротных двигательных навыков. Но самое неожиданное: примерно треть мальчишек и девочек крайне редко бывают на свежем воздухе, совсем не любят гулять!

Теперь помножим приведенные выше данные на строгую дисциплину школы, на неторопливое, унылое шествование ребенка по школьным коридорам (как того требуют некоторые придирчивые педагоги) и сможем убедиться, что двигательные навыки должны

постоянно ухудшаться. А это скажется и на успеваемости и вообще на умственной деятельности.

Выход один — привить ребенку вкус, любовь к движениям, постоянное желание бегать, прыгать, играть. Задача даже проще: не надо гасить в самом детстве живительную страсть двигаться.

Набегавшись после уроков в школьном дворе или в соседнем парке и подкрепившись в столовой обедом, наши шестилетки засыпают — дневной сон им необходим.

Свернулся калачиком Сережа Иванчиков, заснула, даже забыв снять очки, Богуслава, тревожно ворочается быстроглазая Таня Скачко. Людмила Ильинична знает: нужно подойти и погладить ее по голове или просто положить руку на плечо — тогда Таня заснет. Она так и делает, а потом, обернувшись, подносит палец к губам: «Потише, пожалуйста».

Это пришли в гости к Пестовой ее бывшие ученицы, сейчас они уже в третьем классе. Пришли сюда, в спальню шестилеток, чтобы помочь Людмиле Ильиничне уложить ребят, самим подготовить уроки на завтра или просто посидеть, поговорить негромко со своей прежней учительницей о делах, о школе, о новых друзьях. Каждый день приходят они сюда в тихий час. Потому что с Людмилой Ильиничной всегда интересно. Настолько, что девочкам из третьего порой очень хочется назад, в класс для шестилеток.

Это ли не лучшая похвала для учителя!

— Чего я хочу от моих малышей? — задумалась Людмила Ильинична. — Наверное, лишь одного — чтобы они полюбили свою школу. Как добрый свой дом. Читать, писать, решать задачки они научатся в любом случае. А вот научить любить и уважать дом, где помогают тебе вырасти и окрепнуть, гораздо труднее. Жаль, что не всегда это получается. Но будем стараться...

В шестьдесят шестой школе привыкли к самым маленьким ученикам в одинаковой красно-синей форме. Перед ними расступаются, дают дорогу, опекают бережно и трогательно. Что может быть чище, бескорыстней этой заботы детей о детях!

НЕ БЕДА— ВИНА

Детский дом —
теплый дом

Владимир ЕВДОКИМОВ,
директор школы-интерната № 64
Москвы

О пять я услышал, что моей работой не удовлетворены. Причина недовольства до смешного вроде бы проста: мои воспитанники опять в числе правонарушителей. Я же вместо того, чтобы искать виноватых у себя в коллективе, ищу их на стороне. Дело это, прямо скажу, неблагодарное, но никак я не могу всю вину за случившееся взять только на себя и своих сотрудников. И совсем не потому, что боюсь наказания. Нет, дело, я уверен, совсем в другом. Нет вины здесь и моих коллег — директоров таких же, как наш, интернатов для детей, лишенных попечения родителей. Но чтобы эти мои оправдания не показались читателям голословными, давайте вместе разберемся в том, что же происходит. А для этого надо познакомиться с жизнью наших воспитанников до поступления в интернат.

Если бы то, о чем я хочу рассказать, было единственным в своем роде случаем, то я просто сохранил бы его в памяти или забыл, и все. Но с подобным приходится, увы, встречаться не раз.

Представьте себе девочку лет пятнадцати, неулыбчивую, чем-то постоянно занятую в своих раздумьях, несколько угловатую. Пытаюсь с ней заговорить. Сразу настораживается, вскинет на тебя черные глаза, чуть-чуть засветится и угаснет мгновенно. Чувствуется какая-то внутренняя резкость, до словохотливости далеко, несколько невнятных фраз, и все. Начинаю выяснять в чем дело. В интернате она недавно, прибыла вместе с братьями и сестрами, всех их пятеро. Внешне кажутся непохожими друг на друга — то ли возраст, то ли другие причины. А вот в своем внутреннем отношении к окружающему и окружающим удивительно похожи. Маленькие, но хмурые люди. Оказалось, что прибыли они в интернат благодаря настойчивости старшей из сестер, пятнадцатилетней. А необходимость в этом была давно, она буквально звучала в этой семье. Но никто ее звуков не слышал: ни родные, ни соседи, ни работники школы, где учились пятеро ребятшек из одной семьи. Отношения между родителями и детьми были настолько нетерпимыми, что дети фактически не слышали ни одного доброго родительского слова, а уж о заботе родителей о детях даже и говорить не приходится. Дело дошло до того, что, как пишут в акте обследования семьи, «дети стали падать в обморок от недоедания». И почему-то это мало кого беспокоило. Более того, не взволновал окружающих эту семью людей и тот факт, что трое ребятшек в разное время умерли в результате полного безразличия родителей к жизни своих детей. Что было бы с остальными, сейчас трудно представить, хорошо, что старшая, узнав о существовании интерната, стала добиваться отправления туда и себя, и сестренки, и братишки. Не поступи она так — всего скорее дело бы закончилось тем, что ребята прошли бы материнские «университеты» пошлости и унижения, нецензурной брани и аморального поведения, а потом и повторили их в будущих своих семьях.

Меня, как педагога, заинтересовал и еще один вопрос: «Как идет учеба у этих ребятшек?» Оказалось, что пока плохо, хотя второгодников среди них не было. Читали по слогам, писали со множеством ошибок, а математических заданий хоть не давай — с самыми элементарными справиться не могли. Да удивительно ли это? Ни родители не думали об учебе детей, ни учителя, те просто махнули рукой, считая, что толку от этих детей не добьешься.

Вспоминается наш эксперимент в прошлом учебном году. Так случилось, что в тот год к нам из разных школ Москвы поступило одновременно пятнадцать ребят в пятые — седьмые классы. Причина была одна — их отцов и матерей лишили родительских прав. Мы решили провести для этих ребят контрольные работы по русскому языку и математике по текстам предыдущих классов. Причем начали с первого класса. Годовую работу по этому классу выполнили, пусть с небольшими недочетами, и пятиклассники и семиклассники. Worse дела пошли, когда мы дали им контрольные работы по второму классу — в диктантах было у всех по 25 ошибок, задачи не решены, таблицу умножения многие не знали. В третий класс перешли только трое.

Стали выяснять причину такого ужасающего отставания. Оказывается, эти ребята из неблагополучных семей числились в школе в разряде «заднекампеечников», некоторые из них пропустили столько же уроков, сколько и посетили. Так продолжалось несколько лет. О каких же успехах можно говорить? Встал вопрос, как выправить создавшееся положение, которое осложнялось еще и тем, что многие ребята не приучены не только к учебному труду, но и к труду вообще.

Что так складывалась жизнь моих нынешних воспитанников, видели многие, но практические шаги с вмешательством в судьбу ребенка были сделаны со значительным опозданием.

И хочется спросить: «Люди, где же вы были раньше? Почему бездействовали? Почему не боролся за детство, за детей? Неужели вас беспокоит только то, что происходит в ваших семьях? Жалеете силы, бережете нервы? Разве взрослый человек может пройти мимо страданий ребенка, его горя? Не противостоит ли это?»

Подобные и множество других вопросов возникает, когда изучаешь прошлую жизнь наших воспитанников буквально с первых их шагов по земле.

Васиной матери так и не удалось вторично выйти замуж, хотя вроде бы и собой недурна и образование есть. Только вот работать она не привыкла. После окончания техникума больше думала не о работе, а об отдыхе, и постепенно некоторые ее действия пришли в противоречие с трудовым законодательством. Стали обычными ее хождения не на работу, а по работам. Да и это ей в конце концов надоело, хотя к тому времени у нее на руках был сынишка. На первых порах она перебивалась тем, что приносили гости — представители сильного пола, но постепенно дружки приходили стали реже, да и добытками они были такими же, как и она — нигде не работали, находились в постоянном запойном состоянии. Пришлось буквально перебиваться с хлеба на воду, однако и тогда на столе неизменно был алкоголь. И все это время около матери находился Вася. Постепенно и он стал превращаться в добытчика, хотя только начал ходить в школу. Начав учиться, он постепенно овладевал и воровскими навыками. Так и

жили: сын украдет, мать продаст. И так длилось до его одиннадцатилетия. Одиннадцать лет мальчик прожил в обстановке безнравственности и постепенно привык к тому, что происходило в его семье. А она становилась для него все более безразличной, чужой, его увлекла улица, и, наконец, наступил момент, когда Вася со своими друзьями стал творить такое, что пришлось вмешаться милиции. Побеспокоили и школу, где Васину семью знали плохо, а его уличные похождения мало кого занимали. А тут забеспокоились — «запахло» спецшколой.

И вот только тогда стали решать вопрос о лишении матери Васи родительских прав, что удалось сделать после длительных хлопот. Женщину выселили из Москвы, а сын ее на пороге пятого класса появился у нас.

И снова хочется задать вопрос: «Почему так поздно? Неужели мальчика надо было отправлять в интернат тогда, когда из него начал получаться маленький преступник? Почему нельзя было изъять его из этой семьи, когда он еще лежал поперек кровати?»

Знаю, если Вася совершит правонарушение сейчас, вина за это будет лежать на нашем коллективе, хотя он провел у нас только год. А таких, как Вася, в интернате десятки. Так зачем же спрашивается, доводить дело до этого? Неужели нельзя было взять ребенка из неблагополучной семьи задолго до того, как он встанет на скользкий путь правонарушений?

Проблема эта исключительно важна. Среди тех, кто причастен к ее решению, есть люди, которые говорят, что надо заставить родителей заниматься воспитанием детей. Что ж, против этого трудно возражать. Надо использовать силы общественности, школы для повышения ответственности родителей за то, в каких условиях и какими растут их дети. Но иногда этот процесс воздействия так затягивается, что дети успевают вырасти. Поэтому другие, к которым отношу и себя, говорят, что если в семье создается неблагоприятная для воспитания ребенка обстановка, он должен быть изъят из такой семьи и отдан на государственное воспитание. Да, это будет стоить больших средств, но ради благополучия наших детей, ради их будущего и будущего нашей страны это надо сделать. И пусть значительная часть средств на воспитание таких детей идет из зарплаты их горе-родителей.

Недавно на заседании исполкома райсовета довелось услышать фразу, которая буквально потрясла: в районе почти у всех стоящих на учете алкоголиков есть дети. Причем большинство детей продолжают жить в семье, где отец или мать пьют. Что же будет с этими детьми? Какими они вырастут? Ответ на эти вопросы напрашивается сам собой: из каждого ребенка, оставленного в неблагополучной обстановке, вырастет новый алкоголик или тунеядец.

Одиннадцать лет проработал я директором школы-интерната для детей, лишенных попечения родителей. Обобщая свой опыт, могу с полной уверенностью утверждать: один из путей предупреждения правонарушений несовершеннолетних — это своевременное изъятие их из неблагополучных семей.

...Позавчера Сережа П. снова сбежал из интерната и совершил мелкую кражу. Мне опять придется выслушивать неприятные замечания о своей работе. И опять сверлит, не дает покоя мысль: «Разве один я виноват во всем этом?»

Сережа поступил к нам в прошлом году в шестой класс. Тринадцать своих детских лет он прожил в семье, где царем и богом была водка, и в первую очередь ею злоупотребляла мать. Отец, не выдержав такой жизни, оставил семью. Мать после этого к двум сыновьям добавила дочку, но образ жизни своей не изменила. Сережа продолжал жить в атмосфере постоянных пьянок и спекуляции. Сережа не помнит ни одного дня, чтоб мать работала. Да и сам он посещал школу от случая к случаю, знания его практически равнялись нулю. Конечно, мальчик стал совершать мелкие кражи, и как итог — был поставлен на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. Так продолжалось несколько лет. И вот только сейчас, когда ему уже исполнилось тринадцать лет, его наконец-то определили в наш интернат. Для перевоспитания. Не поздно ли?

P. S. Когда эта статья была уже сдана в набор, довелось познакомиться с постановлением Моссовета от 29 ноября 1983 года о работе школ-интернатов. Одним из пунктов этого постановления обращено внимание районных отделов народного образования на плохое решение вопросов по своевременному выявлению и устройству детей, нуждающихся в государственном воспитании.

Это очень правильно.

(«Смена» № 13) вызвала активный читательский интерес. «Да, больше нам надо писать, рассказывать о людях, способных на добрые, бескорыстные поступки. Чтобы на них равнялась молодежь, чтобы с них брала пример, чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что в нашем обществе именно такие люди пользуются всеобщим уважением», — пишет В. Лазуркин из Альметьевска. Таков главный мотив большинства писем. Сегодня мы знакомим наших читателей с некоторыми из них.

СИЛА ДОБРОТЫ

Зачем ему это надо?

«Зачем Шibaеву это надо? — говорят. — Времени и сил давать некуда, что ли? В какое время ни заглянешь в школьный клуб мopedистов — он там...»

Иронизируют: «Ах, он же у нас энтузиаст, не от мира сего!»

Да, молодой учитель труда рижской школы № 84 энтузиаст. Но от мира сего. Несколько лет назад, когда он пришел сюда работать, превратился тихий школьный полуподвальный этаж в необыкновенно интересный мир моторов и мопедов. Заниматься к нему приходят мальчишки и из соседних школ. Он принимает всех. И трудных тоже. Кстати, когда клуб отпраздновал годовщину своего существования, восемь трудных подростков из двенадцати занимающихся в клубе были сняты с учета в милиции.

Вот если бы в каждой школе был такой учитель!

Около восьмидесяти его ребят уже выполнили нормативы спортивных разрядов, пять человек получили судейские категории, среди подопечных Шibaева — чемпионы Риги, прибалтийских республик по шоссейно-кольцевым гонкам.

Время и силы, думаю, он нашел бы куда потратить, и не занимаясь с ребятами. Но ведь он учитель, потому и работает не «от и до». И не может иначе.

Александр БРИЕДИС,
ответственный секретарь
турнира «Золотой мопед»,
Рига

Что отдашь — твое

Щедрость души. Мне кажется, эта черта с рождения заложена в каждом из нас. Не глуми ее, прислушивайся к ней, не сопротивляйся велению сердца, и ты обретишь счастье в жизни. Недаром народная мудрость гласит: «Все, что отдашь людям, твое».

Но сколько еще вокруг нас таких, у кого действительно своя рубашка ближе к телу, да и та с краю! С этим нельзя мириться. Нужен бой, борьба ежедневная, ежеминутная.

В моей душе нет места злости на тех, кто оправдывает в себе чрезмерную заботу о собственном «я». Мне жаль этих людей, хочется помочь им, ведь они обкрадывают себя...

Геннадий ЧУМБАЕВ,
Ашхабад

Право совести

В цехе топливной аппаратуры Магаданского ремонтно-механического завода случилось ЧП. Забарахлили доводочные станки. Потоком хлынул брак. Срочно созывались производственные летучки, принимались строгие решения. Но положение не исправлялось.

И тогда кто-то робко спросил:

— Может, Кольцов выручит?..

— Так он же в отпуске, — возразили, — не удобно как-то...

— Ничего, Юра поймет.

К Кольцову, не использовавшему еще и доброй половины северного отпуска, приехали прямо домой. Рассказали об обстановке. Спросили:

— Сможешь?

— Смогу, — ответил Кольцов.

Несколько суток двадцатисемилетний мастер колдовал в цехе. Потом доложил руководству, что все в порядке, и добавил, что готов работать и в оставшиеся дни отпуска, если есть необходимость.

Вот ведь как бывает: судьба цеха в какой-то момент зависела от мастерства и добросовестности одного человека. Коммунист Юрий Кольцов, кавалер золотого знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», сделал нечто большее, чем просто не допустил срыва плана. В критической ситуации он доказал, на что способен человек, который дорожит своей рабочей честью.

Разумеется, никто и никто не вправе заставлять работать в личное время, тем более если ты в отпуске. На это есть такое право у совести.

Алексей КЛИМЕНКО,
Магадан

Боль других

Мой рассказ — о молодом ученом Вальдасе Лауринавичусе, сотруднике Института биохимии Академии наук Литовской ССР. О человеке, который сам распорядился своей судьбой.

За год только в Литве делается не менее двух миллионов анализов, чтобы определить количество сахара в крови человека. Устанавливается, болен ли человек диабетом. И каждый анализ (не считая времени, необходимого для взятия крови) длится около 40 минут. Делать же этот анализ можно только в лабораториях больницы и поликлиники.

...Лет десять назад молодой ученый Юозас Кулиса и его сотрудники провели интересный эксперимент. Было установлено, что при разложении глюкозы со строго определенными ферментами в растворе образуется еле ощутимая электроэнергия. Надо было сформулировать условия, которые «организовывали» химическую реакцию, найти технологию, конструкцию эксперимента, во время которого архислабые электрические приборы уловили бы электроэнергию. Труд удался. И начался тернистый путь

от описания научной находки до создания конкретного прибора — экспресс-анализатора глюкозы «Энзалист-Г».

Экспресс-анализатор глюкозы делает анализ на сахар в течение нескольких секунд. И крови для этого надо в 4 раза меньше, чем при обычном методе. В горловину прибора из пипетки выкапывается несколько капель красной жидкости, а на шкале электронного прибора немедленно всплывают цифры, обозначающие количество сахара в крови.

Для того, чтобы на основе методики Юозаса Кулиса был создан этот прибор, потребовалось пятилетие. И занимался этим Вальдас Лауринавичус.

Он получил специальность инженера-химика в Вильнюсском государственном университете, служил в армии. Потом была аспирантура. Уже сложилась кандидатская диссертация. И тут... Тут он занялся анализатором.

— Сегодня уже ясны перспективы нашего анализатора, — рассказывает Вальдас. — Сначала нам надо закончить промышленный вариант прибора, удобный для пользования, технологичный для производства. Затем на моем участке изготовить первую опытную серию, передать технологию вильнюсскому заводу «Сигма». Ну и совершенствовать идею анализатора. Чтобы подобные приборы могли информировать не только о количестве глюкозы в крови, но и выдавать медикам всю информацию о крови. Анализаторы станут во сто крат быстрее, точнее. Приборы можно будет использовать и в операционных и дома. Для всей программы потребуются лет пять — десять.

— Но за это время...

— За это время большая наука уйдет далеко вперед. А я со своим прибором... отстану от нее. Вы об этом хотели сказать? Не случится ли так, что жизнь в науке мне придется начинать сначала? Догонять, доучиваться? А возраст уже будет солидный. Да и чувствовать себя начинающим...

Мы молчим. Что тут скажешь?

— Знаете, однажды в наш институт пришла женщина с дочерью, больной сахарным диабетом, — продолжает Вальдас. — Они знали, что у нас есть уже готовый удобный и быстрый прибор для моментального анализа крови на сахар. Они умоляли дать им один экземпляр прибора, чтобы вечером спокойно засыпать. А я не мог ни одолжить, ни подарить, ни продать наш прибор. Ит по всему Союзу-то единицы... Потом, когда они, расстроенные еще больше, ушли, я подумал: что мои личные интересы, страхи за научную карьеру в сравнении со страданиями этой матери? С ее страхом за здоровье своего ребенка!

Он продолжал:

— Действительно, на определенном этапе идея Юозаса Кулиса окажется полностью исчерпанной. А моя собственная, очень конкретная и уже почти ненаучная работа устареет... Ну, что же... Значит, моя судьба — конструировать, организовывать изготовление этого прибора, внедрять его в серию. И когда задумываюсь, почему же так получилось, почему именно я должен заниматься этим, в памяти всплывает та женщина с больной дочерью... А за ними все те, кому наш анализатор хоть как-то облегчит жизнь. А таких много. Очень много.

Да, он сознательно ушел из большой науки. Чтобы людям было легче жить. Не «в целом», не «вообще», не «когда-нибудь, в будущем», а именно сейчас благодаря его работе. Да, он видит иногда чуть снисходительные улыбки коллег: мол, производственник. Да, он понимает, что в основе его работы лежит новая, изящная, но все же чужая идея, а он только вдыхает в нее жизнь... Но он знает, ради чего все это. Ради победы над болезнью. И чтобы не терзала мысль, что ты мог помочь вот этому конкретному, страдающему человеку, но не помог. Разве может быть мысль более страшная? Более недостойная человека?

Яковас ШАДЯВИЧУС,
Вильнюс

Проверяю себя

Настоящий рабочий, по-моему, узнается и в мелочах. Например, некоторые, сделав деталь, бросают ее рядом, следующую свергу, потом еще и еще, и образуют беспорядочную гряду. Мой же наставник Бочья Куравицки всегда складывает детали по порядку, даже посмотреть приятно. Я сначала этого не замечала, как-то не обращала внимания. И вот однажды, сделав деталь, я бросила ее на цемент (вспомнить стыдно!). Он выключил станок, подобрал брошенную мною деталь (все это под моим недоумевующим взглядом), потом, осмотрев ее, поднес близко к моим глазам, и я увидел часть стертной резьбы (она стерлась от удара). «Это уже брак, понимаешь?» — сказал он и отложил мою деталь, как негодную. Для честного рабочего брак — самое страшное слово. Мой наставник — из тех, кто считает это слово просто оскорбительным.

Я сделала для себя вывод: каким бы мастерством ни обладал рабочий, если он равнодушен к тому, что делает, если у него нет ответственности и совести, грош цена его профессионализму. Такого рабочего можно сравнить с детским врачом, который не любит детей. Рабочий должен не делать, а создавать. Не я сказала это впервые, но после того, что я открыла и поняла, эти слова действительно прозвучали для меня как будто впервые, потому что теперь я вижу в них смысл и верю им.

На вопрос «Что такое рабочая совесть?» можно ответить долго, просто и по-разному. Я сознаю, что не смотрю на эту проблему так широко, как требуется: многого еще не понимаю, ведь мне только семнадцать лет. Но главное, наверное, то, что я увидела людей, обладающих такими качествами. В первую очередь это, конечно, относится к моему наставнику. Я иногда думаю: «А что было бы, если бы вместо него попался человек равнодушный? Равнодушные передались бы и мне?»

Инеза МАКАЛАТИЯ,
учащаяся ГПТУ-12,
г. Поти Грузинской ССР

КУРАНТЫ НАД ВОЛГОЙ

Евгений МАЛИНИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

труху превратились — не подобраться. Нашли все-таки выход: два тяжелых грузовика по разные стороны колокольни поставили, трос перекинули, намертво ухо колокола перехватили — и ход машинам дали. И ничего, сошел он с верхотуры. Таким же образом и в кремле его поднимали.

— Вот посмотрите, теперь здесь ему работать. — Монтажник Валерий Шаванов, раскачав било, ударил по краю колокола: мощный звук старой бронзы гулко поплыл над осенним городом, заставив многочисленных туристов задрать вверх головы — редко где теперь услышишь набат. А ребята стояли наверху и улыбались: наконец-то все «хозяйство» в ход пускается, приходите теперь, смотрите и слушайте.

И пришли люди, местные и приезжие, смотрели и радовались, когда стрелки побежали по золоченому кругу. В день пуска курантов на уникальные плоды рук углических кулибиных, в повседневной жизни имеющих дело с микроскопическими деталями и узлами, пришли посмотреть руководители всех часовых заводов страны, которые приезжали в Углич на совет директоров «Союзчаспрома». Кто-то из директоров, рассказывают, признался, что им у себя такое не осилить, а другой попросил откомандировать ребят к ним, помочь соорудить такие же часы.

Непривычный пока перезвон курантов далеко окрест растекается по глади Волги. На улице замечаешь, как многие прохожие в эти секунды сверяют ход своих часов с показаниями стрелок главных городских хранителей времени. Вознесенные на тридцатиметровую высоту кремлевской колокольни, показывают они самое точное московское время, хотя как в шутку, а отчасти и всерьез говорят здесь, что настроены «по угличскому меридиану». Так по крайней мере считают часовщики — люди самой массовой и популярной в городе профессии, которым оказалось по силам не только выпускать ежегодно миллионы миниатюрнейших женских часов, но и дать вторую жизнь премудрому башенному устройству. Четыре двухметровых в диаметре циферблата с ожившими золочеными стрелками, электрическими цепями, связанными с боевым механизмом, показывают время «по Угличу». Старинному русскому городу возвращена его достопримечательность...

Имало грозных дней помнит древний Углич, «горькую чашу испил» он за русскую землю, не однажды выходили углические полки навстречу врагам. Но едва угасали кровавые военные зори, возрождались в городе ремесла. Славился он каменщиками, оружейниками и гончарами, иконописцами и ювелирами, вел торг с дальними и ближними краями и даже чеканил собственную монету.

Нет, не только тайна гибели последнего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия осталась в наследство от давних времен: великолепные архитектурные ансамбли, «чудные велми», уникальные изделия «рукодельников всяких» и по сей день пленяют нас. И, конечно, к числу первых достопримечательностей относятся старинные городские часы.

Хитроумный механизм сработанных из кованого железа башенных курантов за два с лишним века, что украшают они колокольню кремлевского собора, сильно разрушился. Но даже и в дошедшем до нас виде часы эти являют пример ремесленного мастерства и смекалки или, выражаясь современным языком, смелого инженерного расчета и высокой рабочей квалификации наших предков, постигших секреты точной механики.

Историки науки и техники утверждают, что для ранней технической цивилизации часы были ведущим изобретением. Мы сегодня достоверно знаем,

что и на Руси были умельцы и не искали мастеров от немец. О сооруженных в 1404 году, то есть при великом князе Василии Дмитриевиче, башенных часах читаем в летописном своде: «Сеи же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные...» Значит, силен был русич не только в ратном деле, и история отечественных, в том числе и угличских, «часников» лишнее тому подтверждение.

...На башне заканчивались последние работы по отладке курантов, когда по узкой винтовой лестнице мы поднялись на самую верхотуру колокольни кремлевского собора и познакомились с бригадой Игоря Голенева.

— Дело техники, — лаконично говорит бригадир о монтаже механизма, — тем более что и опыт уже у нас есть...

О том, как опыт приобретался, рассказал заместитель главного инженера часового завода Евгений Николаевич Трошин, руководитель проекта «Куранты». В позапрошлом году были возрождены башенные часы на звоннице Спасского монастыря в Ярославле, а угличские умельцы в этой работе принимали самое живое участие. И потому за возвращение к жизни собственных курантов взялись весьма уверенно.

Главный боевой колокол решено было позаимствовать в одной из недействующих сельских церквей. Но вот загвоздка: как его снять? Вес — тонна семьсот, а деревянные перекрытия в

ВСТРЕТИЛИСЬ
ДВА ВЕКА.

«ВОТ ЭТО
РАБОТА!»

У ДРЕВНИХ ЧАСОВ
ТЕПЕРЬ
ЭЛЕКТРОННОЕ
СЕРДЦЕ.

Первое впечатление от увиденного: очень красивые игрушки для взрослых. Думаю, так сначала казалось каждому, кто раньше лично не имел прямого отношения к конструированию и строительству самодельной авиации и впервые встретился с нею только на Всесоюзном слете-конкурсе сверхлегких летательных аппаратов — «СЛА-84», который проходил в сентябре на крымском аэродроме Кара-Гоз. Пятьдесят шесть аппаратов, сработанных руками умельцев в разных концах страны и теперь выстроившихся в прокляенной солнцем степи, своим ярким карнавальным многоцветьем и разнообразием миниатюрных форм будто задались целью опровергнуть привычное представление о современной авиации. От невероятного сооружения, внешне напоминавшего ветхозаветные «этажерки» времен Можайского и братьев Райт, до эlegantного, удивительно красиво и чисто сделанного вертолета — вот широта авторских фантазий, которые с помощью металла, дерева, пластика, синтетических тканей и смол воплощались в дельтапланы, самолеты, планеры. С чем их сравнить? Обычные, сформированные аэрофлотовскими стандартами наши понятия о полете тут не подходят, настолько это иной мир, иные измерения.

Виктор Дмитриев, руководитель кружка технического творчества из Фрунзе, привез на слет самолет «Х-14». Питера «Х» обозначает на языке автора «экспериментальный». Цифра «14» — порядковый номер конструкции. Уже четырнадцать самолетов построил Дмитриев. В последнем он попытался воплотить весь свой предыдущий опыт и давнюю мечту: сделать самый легкий в мире моторный летательный аппарат. И добился-таки своего. Его голубокрылая приземистая стрекоза с мотором от кроссового мотоцикла и колесами от лыжероллеров весит менее пятидесяти килограммов, имея площадь крыльев 1,9 квадратного метра. Чертежи машины Виктор послал на отзыв известному нашему авиаконструктору, который в свое время специализировался на истребителях. Ознакомившись с проектом Дмитриева, авиаконструктор ответил категорично и кратко: летать не будет. Но «стрекоза» из Фрунзе летала! Ребята из Киргизии привезли на смотр-конкурс любительский киноролик, где зафиксированы первые шаги «Х-14» в небо.

Правда, те кинокадры видели только участники слета, многочисленные же зрители Кара-Гоза могли осмотреть этот самолет, как и большинство продемонстрировавшихся здесь аппаратов, толь-

ОТ ПЛАНЕРА ДО ЭЛЕГАНТНОГО ВЕРТОЛЕТА, ОТ ДЕЛЬТАПЛАНА ДО ЛЕГКОГО САМОЛЕТА — ТАКОВ ДИАПАЗОН РАЗРАБОТОК САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ АВИАКОНСТРУКТОРОВ.

ВОЗДУШНЫЙ

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото автора

КОРИДОР

САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ АВИАЦИИ
ПОКА ОЧЕНЬ УЗОК.
ПОЧЕМУ?

ко на земле. И вполне естественным был постоянный вопрос:

— А это летает?

Спрашивали об этом и Юозаса Валунаса из литовского города Пренай, который привез удивительный (весом всего 210 килограммов) вертолет. И братьев Александра и Геннадия Ковалевых из Эссентуков, демонстрировавших парашют-план — фантастическую конструкцию из парашюта-крыла и мотоколяски с пропеллером из сосны. И самую многочисленную на смотре (32 человека) делегацию города Куйбышева, которая показала 12 машин различного вида и назначения.

Короче, о способности летать спрашивали всех, и, когда создатель аппарата утверждал, что его изделие летает или «подлетывает», чаще всего приходилось верить на слово, ибо техническая комиссия конкурса допустила к летным испытаниям далеко не все представленное на смотр. Так что многие привезенные за тридевять земель аппараты так и не опробовали свои крылья в крымском небе, а ограничились пробежками и прокатками по крымской земле. Причем часто они использовали для этого не лошадиные силы своих моторов, а человеческие мускулы собственных хозяев и почитателей авиации.

Вот об этом и хотелось бы поговорить. Прошедший в нынешнем сентябре смотр-конкурс официально был вторым. Однако и участники и просто сведущие в вопросах самодельной авиации понимали, что этот порядковый номер не совсем соответствует историческому факту. Слово «исторический» употреблено здесь без какой бы то ни было натяжки, ибо именно со слетов любителей-планеристов, именно на этой прожитой сентябрьским солнцем крымской земле началась история советской авиации. Первый такой слет прошел в 1923 году. Второй — в 1924-м.

В первом номере за 1984 год «Смена» опубликовала интервью с генеральным конструктором, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии академиком Олегом Константиновичем Антоновым, и сейчас хотелось бы напомнить читателям предысторию этого материала. В конце 1923 года центральные газеты сообщили, что новый молодежный журнал «Смена», выход которого намечался на январь будущего года, объявляет конкурс на лучшую конструкцию планера.

Уже в восьмом и следующих двух номерах журнала «Смена» опубликовала чертежи восемнадцатилетнего О. Антонова из Саратова, сопроводив их большой статьей о состоянии планеризма в стране. Конструкции Антонова было присуждено тогда первое место, и победитель получил право участвовать во вторых Всесоюзных планерных испытаниях, которые должны были пройти в начале осени в Крыму, в районе Коктебеля, на горе Узун-Сырт.

Нынешний аэродром Кара-Гоз расположен в двадцати километрах от поселка Планерское — так теперь называется бывший Коктебель, — и как раз между ними вытянулась длинным валом гора Клементьева, ранее именовавшаяся Узун-Сыртом. Новые названия горы и поселка — память о событиях той далекой поры, когда здесь опробовали свои крылья, делали первые шаги в небо Сергей Ильюшин, Олег Антонов, Сергей Коррлев, Александр Яковлев, Михаил Тихонравов, Владимир Вахмистров, Юрий Победонцов и многие-многие другие, кто впоследствии вписал свои имена в историю советской авиации и космонавтики.

Район Коктебеля, пожалуй, как ни одно другое место, лучше всего подходил для состязаний планеристов. Однако было бы неверным только климатическим фактором объяснять то обстоятельство, что именно отсюда начала прорастать советская авиация. Важнее климата, важнее благоприятствовавших полету восходящих потоков воздуха и специфических очертаний горы, важнее всего этого был «дух Коктебеля». Рассказывая в декабре прошлого

года о том далеком времени, Олег Константинович Антонов признался мне:

— То, что когда-то в молодости я и мои товарищи прошли через Коктебель, осталось на всю жизнь не просто воспоминанием, а — как бы это правильно выразиться — частью нашей общей биографии, общим делом, которое нас сближало и в будущем. Лично мне Коктебель дал настрой на всю жизнь, я пронес его через все следующие десятилетия.

Они быстро мужали. После участия в двух-трех слетах с самодельными конструкциями они уходили в «большую» авиацию, чтобы придуманные и опробованные в самоделках технические идеи попытаться воплотить в «настоящие» летательные аппараты: самолеты, планеры или ракеты. А им на смену приходили новые участники слетов, которые старались не повторять достижений предшественников, а двигаться дальше.

Трудно понять, почему перед войной была нарушена традиция коктебельских слетов. Невозможно объяснить, отчего она не возродилась после Победы. Ведь именно война, в которой участвовали машины, сконструированные, испытанные и запущенные в производство бывшими питомцами Коктебеля, именно Победа, в которой есть немалая доля труда бывших покорителей неба над Узун-Сыртом, должны были убедить в огромной практической пользе такого мероприятия, подводившего ежегодный итог творчества самодельных конструкторов летательных аппаратов.

Однако семена, посеянные шестьдесят лет назад, не пропали, доказав удивительную жизнестойкость. Казалось бы, между поколениями конструкторов, чьи юношеские лета падали на 20—30-е годы, и нынешними существует такой огромный временной разрыв, что между ними невозможно никакая живая связь. Слишком уж велика разница в возрасте, в жизненном опыте, условиях жизни, слишком далеко, наконец, ушел уровень производства, чтобы внуки и правнуки принимали эстафету своих дедов и прадедов в таком динамичном и бурно прогрессирующем деле, как авиаконструирование. Но связующая нить, оказывается, не порвалась. И нет нужды наводить мосты взаимопонимания между поколениями... После предварительного знакомства с конструкциями оргкомитет смотр-конкурса пригласил в Крым 130 участников с сорока летательными аппаратами. На самом же деле приехало в Планерское более трехсот человек с пятьюдесятью шестью аппаратами. Разместить всех, как намечалось ранее, в опустевшем по осени пионерском лагере «Спутник», понятно, не удалось, но неунывающие мастера выжили за его территорией палаточный городок. Могут сказать: «Бархатный сезон в Коктебеле, ради него можно перетерпеть неудобства». Официально утверждаю: все эти одержимые небом люди ехали сюда не ради знаменитых пляжей. Наскоро позавтракав, они тут же отправились за двадцать верст на прокаленный солнцем Кара-Гоз и целый день там что-то винтили, подкрашивали, доделывали в своих хрупких дачицах, отвечали на вопросы придирчивых членов жюри, знакомились с работами других участников, ожидали разрешения на взлет собственных аппаратов. Измученные зноем и суетой, они возвращались в лагерь вечером. Но опять-таки не торопились к морю, которое ласково плескалось всего в полсотне шагов, а затевали друг с другом бесконечные дискуссии и обмен опытом. Говорили о способах расточки цилиндров мотоциклетных двигателей, о расчете резонансовых труб, формовке кабин из пенопласта и укреплении их стеклотканью на эпоксидке. Непосвященному их речь, пересыпанная техницизмами, показалась бы абракадаброй, но сами они понимали этот язык с полуслова. Обменивались набросками, чертежами, адресами. Слушая их, я опять вспомнил Антонова:

— В 1924 году мы жили в деревне

Изымовке, что находилась между Коктебелем и Старым Крымом. Комитет слета добыл для нас железные койки, тюфяки. Вели полукочевое существование. Сдав предварительную какую-то небольшую сумму денег, мы получали потом в день пару сваренных вкрутую яиц, полкило хлеба и килограмм винограда. Этого скромного питания вполне хватало, чтобы быть бодрыми, сытыми и здоровыми.

Люди остались теми же — одержимыми фантазерами, которые из ничего умеют сделать много. Вот ведь никто у нас специально не выпускает моторов для сверхлегких летательных аппаратов, малого веса, компактных, достаточно мощных. Но участники конкурса ухитрились решить проблему, приспособив для этого двигатели от кроссовых и гоночных мотоциклов, мотонарт «Буран», моторных лодок. Нет в продаже специальных дюралевых профилей, титановых деталей, пластиков, колес и так далее — они все равно каким-то образом достают их из утиля, приспосабливают для новой жизни отслужившее свой век старье, изопряются над ним так, что оно, обретая вторую молодость, начинает на радостях опять работать верой и правдой.

А зачем? К чему все эти ухищрения любителей, когда есть развитая авиационная промышленность, известные конструкторские бюро, опытные кадры, целые отрасли науки, занимающиеся и созданием новых материалов и расчетом прочности конструкций их летных качеств и так далее? Такие трезвые голоса слышал много раз даже я, человек, далекий от конструирования. Те же, кто им занимается непосредственно, кроме слов, ощущали на себе и дела трезво мыслящих лиц. Ведь обьют за вопросительным «Зачем?» следовало утвердительное «Запретить!».

Давайте разберемся вместе, спокойно и не торопясь. В Энциклопедическом словаре, выпущенном в 1979 году, я попытался найти слово «дельтаплан». Увы, его там нет, как не нашлось ему места и в последнем тридцатом издании Большой Советской Энциклопедии. Дельтаплан — новинка последних лет, которая еще недавно считалась всеми — и, к сожалению, до сих пор считается многими — простой забавой, игрушкой любителей пощекотать собственные нервы. А теперь дельтаплан обрел несомненно тележку, небольшой мотор с пропеллером, и оказалось, что забава способна найти применение в самых различных отраслях хозяйства. В Италии, говорят, его приспособили для... высева моркови. У нас на Чукотке его уже использовали для осмотра труднопроходимой местности геологи. С мотодельтаплана можно удобрять поля и опылать посевы дефолиантами, можно вести наблюдение за лесными массивами на случай пожарной опасности и перевозить небольшие грузы, производить аэрофотосъемку и осмотр линий электропередач, следить за передвижением автотранспорта на дорогах и оленьих стаде в тундре. С выключенным мотором этот аппарат способен бесшумно спланировать на расстояние, чуть ли не в десять раз превышающее предварительно набранную высоту. Он еще очень многое может. И что ценно: он дешев в производстве, прост в управлении, в собранном виде помещается в багажнике легкового автомобиля, для взлета ему достаточно лесной поляны, луга, трех десятков метров проселочной дороги.

Приходится удивляться, что мы так долго встречали в стыки, старались не признавать и даже не замечать самого факта существования такого удобного во всех отношениях и очень перспективного летательного аппарата. Мы заворожены сверхскоростями, сверхгрузоподъемностями и сверхдальними перелетами. Мы любим глядеться в далекие перспективы и как-то разучились смотреть под ноги, задумываться над мелочами. Это породило некий перекосяк, разрыв между спросом и предложением. Потребитель не знает, что в природе

существуют сверхлегкие летательные аппараты, и не запрашивает их; промышленность, не имея заказов, не задумывается над разработкой новых конструкций и запуском их в производство. Может быть, как раз любительские машины и заставят увидеть то, что мы до сих пор не замечали.

Но техника техникой, а главное в творчестве все-таки люди, их ум, стремление искать, умелые руки, деравращающие замысел в конкретные изделия. В этом смысле значение «СЛА-84» нельзя переоценить. Сейчас очень легко, рассматривая фотографии пятидесятишестидесятилетней давности, узнавать в загорелых мальчишках с Узун-Сырты будущих генеральных конструкторов. Заглянуть на столько же лет вперед, к сожалению, не дано. Не буду гадать. Приведу только слова одного из представителей министерства авиационной промышленности, сказанные им там, на аэродроме Кара-Гоз:

— Дали бы возможность сколотить из этих парней экспериментальное КБ, можно было бы года через два-три такой изобретательный коллектив получить!

Много интересного, оригинального и даже заслуживающего внимания промышленности было показано на «СЛА-84». Но думаю, самое существенное, что увидели здесь гости, организаторы и кураторы смотра-конкурса и даже сами участники: любительское авиационное не фантазия, оно существует, набирает сил, работает всерьез. То, что мы мало знали о нем, лишней раз доказывает высокое качество конструкций. Если нет ЧП, если нет аварий, трагедий, нет помех для официальных воздушных авиалиний — значит, создатели летательных аппаратов подходят к своему влечению достаточно ответственно. Значит, не нужно чинить помехи, а следует помочь. Организационно, материально.

Как это должно выглядеть? В двадцатье-тридцатье годы любительское авиационное курировало Всесоюзное общество друзей Воздушного Флота. В своей структуре оно имело технический комитет, дававший квалифицированное заключение о том или ином летательном аппарате, о его пригодности к безопасным полетам. Общество оказывало помощь самодельным конструкторам как советами, так и материалами. Думается, что сейчас назрела необходимость в возрождении подобного организационного центра. Разумеется, следует решить вопрос о его подчиненности, правах, обязанностях, структуре. Ясно одно, что его работа не обойдется без участия комсомольских и досоафовских организаций, а также без представительства Министерства авиационной промышленности.

Небо притягивает людей романтикой, земля — гравитационным полем. Летать человеку необходимо, падать — опасно. Нужно помочь человеку в одном и уберечь его от другого. Задача эта давно назрела. Не замечать ее уже нельзя.

И последнее. В этих заметках я часто цитировал Антонова. Для самодельных авиаконструкторов он был старшим другом, доброжелательным советчиком. За неделю до конца Антонова я разговаривал с ним по телефону, напомнил о его давней мечте построить авиетку с мотором мощностью 16 лошадиных сил. И Олег Константинович, на своем веку давший жизнь множеству транспортных и пассажирских самолетов, среди которых гигант «Антей», признался, что до сих пор не расстался с этой мечтой. Правда, сказал он, самому вряд ли уже удастся ее осуществить. Все надежды на молодых конструкторов...

Мы часто говорим об организационной, материальной помощи изобретателям, умельцам. Но забываем порой, что у каждого дела должен быть свой лидер. Таким признанным лидером был в «малой» авиации Антонов. Сейчас это почетное место вакантно. Кто займет его?

ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН

«Больше всего интересуюсь футболом, но слежу за всеми видами спорта. В последние годы в печати часто упоминается имя фигуристки Елены Батановой. У меня вопрос к Лене. Не имеет ли она отношения к Борису Батанову, известному в прошлом футболисту? Если «да», то не могла бы она рассказать о том, как начинала путь в спорте. Ведь это очень интересное явление — спортивная семья».

И. КУЗЬМИН, Ленинград».

Елена БАТАНОВА,
двукратная чемпионка мира
среди юниоров
в танцах на льду:

— Борис Алексеевич Батанов — мой отец. Но если говорить о спортивной наследственности, то я пошла в маму. Ее имя не так известно, но она была неплохой фигуристкой, а потом долгое время танцевала в «Московском балете на льду». Мама часто брала меня с собой в поездки, и все постановки этого ансамбля я с детства знала чуть ли не наизусть, это был мой мир. В четыре года я уже стояла на коньках.

Семья у нас дружная. И отец и мать очень хорошо знают, что такое большой спорт. Мне не надо ничего никому объ-

яснять, когда подолгу отсутствуешь дома, когда нервничаешь перед серьезными стартами. Это так хорошо, когда тебя понимают с полуслова. Знаю, что далеко не у всех моих товарищей такая же атмосфера в доме.

С самых первых шагов в спорте я была абсолютно самостоятельна и свободна. Занималась фигурным катанием, потому что это доставляло мне удовольствие. И сейчас, когда занятия стали уже серьезными, когда они отнимают почти все свободное время, я все равно получаю от них удовольствие. Конечно, у меня есть честолюбивые планы, без этого не было бы смысла совершенствоваться. Но я сама себе ставлю цель. Ни разу не слышала дома: «Леночка, ты должна быть первой!» В случае удаче дома будут радоваться, а если проиграю — огорчаться. Мне посочувствуют, но не больше: трагедию из поражения делать не будут.

Папа работает тренером московского «Торпедо» и иногда делает вид, что его интересует фигурное катание. Я тоже иногда делаю вид, что мне интересен футбол. Ну, а мама, как водится, нейтральна. Конечно, она знает все о моей спортивной жизни, но никогда не навязывает своих мнений, на тренировках бывает крайне редко, хотя у нее приятельские отношения с нашим прекрасным тренером и человеком Людмилой Пахомовой.

Я не загадываю, но, может быть, дальше пойду по стопам мамы и свяжу свою жизнь с балетом на льду, с ансамблем такого плана, какой сейчас организовал в Ленинграде Юрий Овчинников.

«У меня вопрос к горнолыжнику Владимиру Макееву. Чтобы пройти трассу скоростного спуска, требуется незаурядное мужество — это очевидно. Приходилось ли когда-нибудь опытному гонщику испытывать элементарное чувство страха?»

В. СТЕПАНОВ,
Южно-Сахалинск».

Владимир МАКЕЕВ,
неоднократный чемпион СССР
в скоростном спуске:

— Наверное, учишься управлять собой еще в детстве. У нас в Междуреченске горы хоть и небольшие, но все-таки горы, а не горки. И мы, мальчишки, с этих гор катались... на санках. И трасса (мы, конечно, тогда этого слова не употребляли) была та самая, примерно 1200 метров длиной, на которой я позже тренировался. Типичная горнолыжная трасса с крутыми участками и с пологими, но, в общем, скорость за длинный спуск и на санках можно было набрать неплохую. Так что было чего испугаться, но я бы ни за что не показал, что боюсь, — перед другими стыдно.

Ну, а потом, когда встал на горные лыжи, скорость была уже чем-то привычным, да и управлять лыжами куда легче, чем санками. Со временем, когда я стал специализироваться в скоростном спуске, пришлось, конечно, преодолевать психологический барьер, потому что здесь степень риска гораздо выше, чем в слаломе. Но привыкаешь, и постепенно приходит уверенность. Волнение обычно бывает связано не столько с боязнью упасть, сколько с трудностями трассы. Все время тебя ждут сюрпризы. Даже одна и та же трасса не бывает одинакова. Один день, скажем, на тренировке — снег, на другой — лед, скорости разные, приходится приспосабливаться.

Чувства страха в примитивном значении, наверное, не бывает у опытного спортсмена. Даже времени испугаться не хватает. Потому что готовишься к спуску заранее, намечаешь, как пройти трассу тактически. И когда идешь по трассе, распределяешь отрезки, где и что ты должен сделать: там, допустим, опережающий прыжок, тут еще что-то, то есть мысли заняты делом. И только когда случаются неожиданности, могут возникнуть неприятные эмоции. Например, идешь на скорости 100 или 120 километров в час и бугорок такой неприятный пропустишь, подбросит тебя как следует, метров 40—50 пролетишь, и вот, пока ты летишь, тебя охватывает чувство... не знаю, страх это или не страх, но только не очень оно приятное.

В общем, могу сказать, что я люблю ощущение скорости. Из всех других видов спорта мне, скажем, наиболее близок автомобильный. Не представляю, как заниматься горными лыжами, если не любить скорость.

«Еще свежи в памяти виртуозные прыжки в воду спортсменки из Пензы Ирины Калининой, а ее землячка Алла Лобанкина уже успела покорить нас прекрасным выступлением на турнире «Весенние ласточки». Видимо, в этом городе есть хорошая школа прыгунов в воду. Может быть, Калинина расскажет о ней».

О. АРБЕНИНА, Семипалатинск».

Ирина КАЛИНИНА,
олимпийская чемпионка:

— «Вот, Иришка, и спета твоя лебединая песня, — сказал мой тренер Борис Павлович Клинченко, когда отзвучали фанфары Московской Олимпиады. — Пора становиться тренером». А я, признаться, иначе и не думала. За долгие годы тренировок и выступлений свылась с шелестом сеток на батутах, с гулом зала, с плеском воды в бассейне. Кроме того, мечтала попробовать свои силы в работе с ребятами, и знала, что работать буду бок о бок с Борисом Павловичем, который основал нашу школу».

Семнадцать лет назад выпускник института физкультуры Клинченко, прослышав, что в Пензе ведется строительство Дворца водного спорта, приехал в наш город. Но он несколько опередил события, поскольку до открытия бассейна оставалось еще целых два года. Однако молодой тренер не опустил руки. Он собрал группу первоклашек, в которую посчастливилось попасть мне, и начал тренировки по акробатике. В небольшом зале цирковых, потому что сложно было достать спортивные. Но, как говорится, нет худа без добра: впоследствии оказалось, что цирковые батуты принесли нам большую пользу, ведь они намного мягче и, так сказать, прыгучее спортивных. С тех пор цирковые батуты — неизменный атрибут на тренировках в нашей школе».

Борис Павлович вообще горазд на выдумки. Сейчас он сконструировал детский трамплин из... легкоатлетических шестов. В нашей спортшколе две трети тренировочного времени отводится на занятия в зале. Поэтому тренеры и уделяют особое внимание оборудованию, спортивным тренажерам.

Во Дворце водного спорта занимаются двести сорок мальчишек и девочек. Каждое лето ребята вместе проводят в спортивном лагере, где отдыхают и тренируются. У нас дружный тренерский коллектив, понимаем друг друга с полуслова, с полувзгляда. С детьми стараемся не расставаться, поэтому наш рабочий день начинается в восемь утра и заканчивается в девять вечера. Может, потому и результаты налицо. Воспитанники пензенской школы постоянно занимают призовые места на соревнованиях различного ранга.

...Ранним утром я вхожу в зал, постепенно оживающий, звенящий чистыми ребячьими голосами. Солнечные зайчики играют в догонялки на металлических остовах батутот. Смотрю на малышей, резвящихся в зале, и думаю о том, что скоро и мои ученики вырастут и станут чемпионами. Нет, моя лебединая песня еще не спета.

Алексей КОРЕНЕВСКИЙ.

Фото Дмитрия ТЕТЕРИНА

**КАЖДАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В СНЕЖНУЮ —
ШАГ В НЕИЗВЕДАННОЕ.**

пещере ведет к тому, что у человека обостряются слух, обоняние, изменяются биоритмы.

На традиционное чаепитие к нам в палатку заявляются «соседи» — Сергей Решетников, скалолаз, знаток уральских пещер, и Александр Морозов, руководитель нашей экспедиции. Двадцать лет он занимается спелеологией, из них последние десять посвящены исследованиям Снежной. 365 суток — столько времени провел Морозов под землей. Теперь вся группа в сборе. Дмитрий заваривает чай. Можно, наконец, расслабиться, снять напряжение перехода...

Пещера Снежная была открыта в 1971 году. Тогда поисковая группа спелеосекции МГУ обнаружила ледник, круто уходящий под отвесную скалу. Спустившись вниз, спелеологи попали в систему колодезев, которая на глубине 160 метров вывела в огромный зал... С каждым штурмом на схеме подземного лабиринта появлялись все новые и новые участки.

Штурмы дна Снежной занимают больше месяца, а мы ограничены отпусками, студенческими каникулами. Много недель отнимает и подготовка к спуску. Промышленность не выпускает ни одного предмета специального спелеологического снаряжения, и потому мы сами клеим гидрокостюмы, шьем комбинезоны и палатки, переделываем шахтерские фонари. Доставить грузы к пещере тоже не просто: одних электрических батарей нашей экспедиции требуется 60 килограммов, а еще центнеры снаряжения, сухого горючего, продуктов. И все это должно быть упаковано в герметичные мешки, которые мы поднимаем на завалы, спускаем в колодецы, сплавляем по подземной реке, тащим по «шкуродерам» — так называются места, по которым приходится ползти, буквально обдирая бока.

Осенью прошлого года ленинградским спелеологам под руководством Владимира Демченко удалось выйти из пещеры Меженного в Снежную. Было доказано существование второго, верхнего входа в полости Снежной. Абсолютная глубина от входного колодца Меженного до дна Снежной — 1375 метров! Второе место в мире по глубине (впереди только пропасть Жан Бернар в Альпах — 1494 метра).

Цель нашей экспедиции — первопроехождение рекордного маршрута на дно системы Меженного — Снежная, поиск дальнейшего пути в донном завале. По заданию Академии наук мы должны собрать образцы пещерной флоры и фауны — в Снежной уже обнаружены новые виды бескрылых насекомых.

Штурм пещер проводился сразу через оба входа. Иванов, Тетерин и Решетников спустились в Снежную, Морозов и я — в Меженного. Через десять дней на глубине 630 метров мы встретились.

После тесноты пещеры Меженного Снежная поражает объемами. Все здесь крупнее, выше — гигантские залы, известняковые глыбы размером чуть ли не с автобус.

С глубиной набирает силу подземная река, она вбирает в себя десятки ручьев, образует озера, водопады. По глубоким участкам плывем на мешках. Пороги и перекаты обходим по стенам. Идем осторожно: проколоть подошву сапога на острых камнях ничего не стоит. Преодолена серия завалов, и мы у водопада. Десятиметровый столб воды падает в озеро Алого Паруса. По веревке спускаемся вниз прямо под ревущим потоком. Сцепляем мешки и плывем дальше. Несколько галерей, завалов, и перед нами Ревущий каскад. Белая пена ключьями бьется у его подножия. Еще переход, и мы у водопада Олимпийский. Река круто уходит в тридцатиметровый колодец, разбивается о дно зала Икс и исчезает среди

известняковых скал. Спускаемся в зал. Сильная фара едва освещает ближайшие стены. Зал Икс — самый большой в системе, длина его более двухсот метров. Поднимаю голову, пытаюсь разглядеть потолок, — луч света вязнет в темноте. Белым ярким шаром ракета взлетает над нами, и те короткие секунды, пока она горит, мы лихорадочно вертим головами, чтобы увидеть и запомнить как можно больше. Желто-белые стены, сводчатый потолок, словно стеклянные в свете ракеты струи водопада и мы, пять маленьких фигурок, на песчаном дне зала... Удар ракеты о стену — зал погружается в черноту. Молчим, потрясенные величественной картиной...

Короткий лабиринт, зал Пенелопы, и... мы на дне системы Меженного — Снежная! Главная задача экспедиции выполнена.

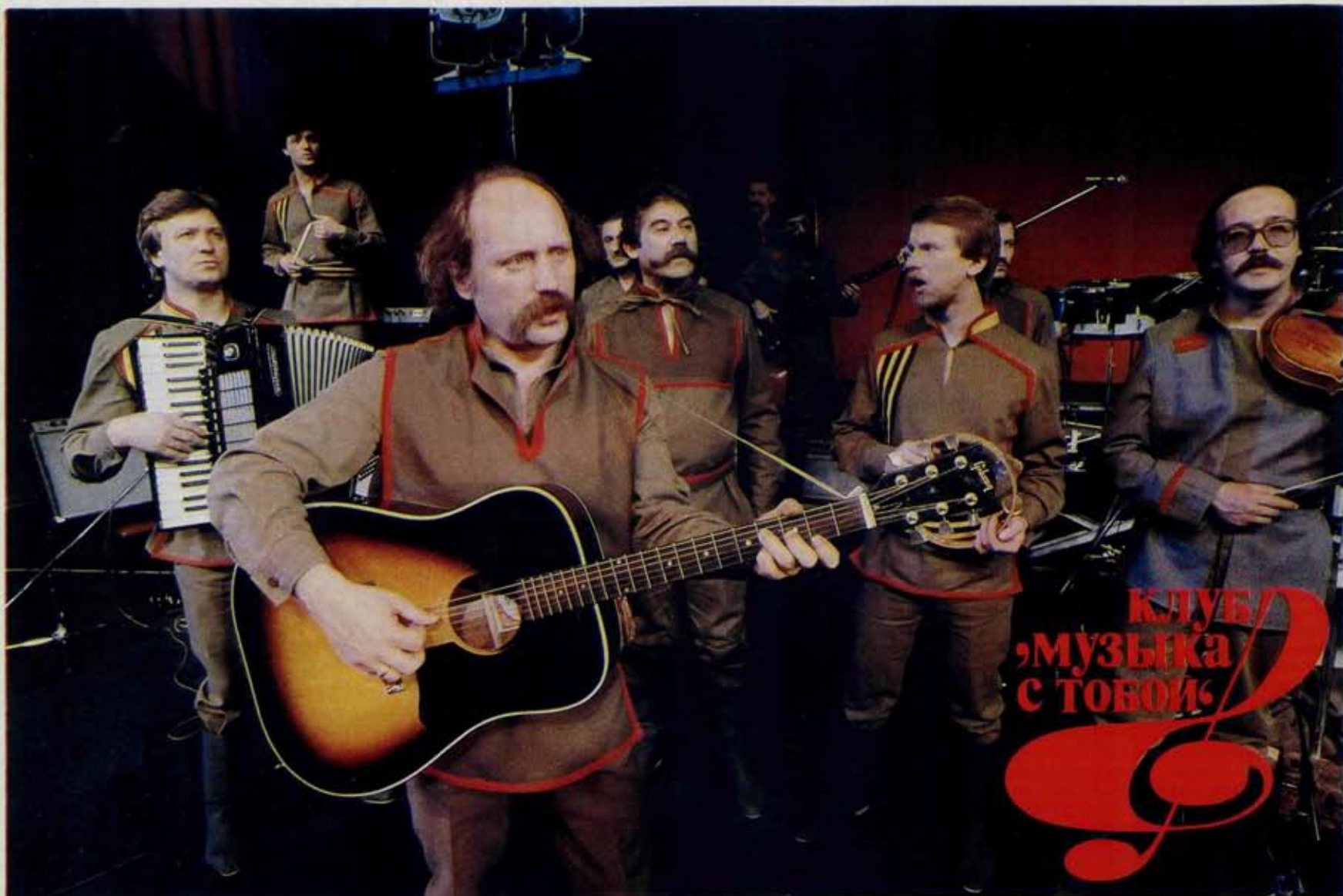
В зале Пенелопы ставим двухместную палатку. Аркадий Иванов и Александр Морозов остаются искать путь дальше (увы, счастье не улыбнулось им), а мы возвращаемся наверх. Тридцать два дня мы не видели неба, солнца, звезд. Для наших товарищей экспедиция длилась на две недели дольше. В начале марта Морозов и Иванов после сорока пяти суток пребывания под землей вышли на поверхность...

НА ГЛУБИНЕ 630 МЕТРОВ

НА ДНЕ ПРОПАСТИ

ПОД СВОДАМИ ЗАЛА ИКС.

**КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОВОЙ»**

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Павел ЯКУБОВИЧ

Ветер гонит желтую осыпь листьев по мокрому асфальту, и холодный дождь заставляет поднять воротник. В Минске осень. Но возле филармонии не чувствуется ни дождя, ни пронизывающего ветра — множество людей, собравшихся здесь, озабочены одним: не проворонить бы лишний билетик.

На потемневших от дождя афишах — «Песняры». Их новая программа называется «Через всю войну». По общему мнению, она вновь заставила любителей музыки заговорить о «феномене «Песняров»». О музыкантах, которые, кажется, так никогда и не устанут удивлять. Своими идеями, своей музыкой.

А как начиналась новая программа, услывшая уже завоевать сердца довольно-таки изощренных слушателей Москвы, Ленинграда, Минска, Керчи, Феодосии?

Три года назад в нежаркий августовский день я бродил с Владиславом Мисевичем, одним из «патриархов» «Песняров», по уютному курортному городку Нарочь. Потом мы зашли в книжный магазинчик. На полке стоял томик стихов Валентина Тараса, человека удивительной судьбы, едва ли не самого юного партизана Белоруссии, прекрасного прозаика и поэта. Мисевич просто прикипел к книжке, а потом на улице сказал:

— Надо показать Мулявину. По-моему, это то, что он ищет. Такого я ни у кого не читал.

А через месяц в моем редакционном кабинете Валентин Тарас познакомился с Владимиром Мулявиным, и, кажется, они поняли друг друга с полуслова. Мулявину нужны были стихи, написанные человеком, для которого война стала частью жизни. Потом, правда, они довольно часто спорили, порой даже довольно резко, но в тот вечер они расстались,

чрезвычайно довольные этим знакомством и воодушевленные предстоящей большой работой.

Так начиналась эта программа. ...Вновь на афишах «Песняры». «Через всю войну»...

Пожалуй, на нашей эстрадной сцене это первая столь крупная программа, обращенная к серьезнейшей теме. По своей внутренней заданности — спектакль. Работа, требующая не только мастерства инструментального и вокального, но и немалого мужества. Ведь даже самую простую музыкальную историю «Песняры» всегда рассказывали зрителям предельно честно, нисколько не лукавя, а здесь война... И нужно за полтора часа пройти вместе с песней по ее огненным дорогам и взглянуть на нее глазами людей сегодняшнего дня. В большинстве своем знающих о войне из рассказов...

Хорошо помню: когда Мулявин принялся за эту ответственную работу, как это нередко случается, информация «просочилась», и многие даже искренне любящие «Песняров» люди недоуменно пожимали плечами.

— О войне с эстрады?.. Можно, конечно, написать песни, можно растрогать слушателей памятными мотивами, все это, конечно, можно. Но это уже было и с блестящим когда-то исполнялось Утесовым, Шульженко, Бернесом. Но то были песни. А целевая программа, эстрадный спектакль?.. Нет, это невозможно.

Сейчас с улыбкой вспоминаешь о тех разговорах двухгодичной давности.

Всего полгода живет программа «Через всю войну», но уже ясно, что она стала явлением белорусского искусства и ей суждена долгая жизнь и на сцене и в людской памяти.

Нет, эти слова не должны показаться чересчур категоричными. На многих концертах я видел заплаканные глаза и просветленные лица зрителей от 18 лет до 60. Зрителей, которым посчастливилось попасть в зал и послушать новую программу. Концерты «Песняров» этого года — прекрасный комментарий к

знаменитым словам Ушинского о том, что пение соединяет тысячи сердец в одно большое сердце.

Во всем своем многомерном облике, героическом и страшном, предстает на сцене война, воплощенная в новой программе. Мужество боя, муки, голод, холод, мечта о доме, раздумья об утраченном, фронтовая или партизанская судьба, вера в будущее — вот содержание стихов, которые положил на музыку Мулявин. Художническая цель и задача композитора однозначна: через срез времен увести своих слушателей в те годы и к тем испытаниям, которые встали перед народом в тот безоблачный и кровавый рассвет 22 июня.

Да, о войне нужно говорить честно и прямо. По долгу памяти.

В своей новой программе «Песняры» восстают против «романтизации войны», сражаясь с ней великим и жизнеутверждающим пафосом реализма. Музыка Мулявина, выстрадавшая и потому очень честная, сродни беспощадной военной прозе Василя Быкова. Обнаженная, трепетная, беспощадно-правдивая и оттого вызывающая сердечное сопереживание. Через всю войну, от самых первых и потому самых страшных ее дней до салютов Дня Победы, летим мы через время и пространство вместе с песней. Образы песен зримые, в чем-то до боли знакомые, а в чем-то совершенно новые и потому потрясающие воображение.

На наших глазах у деревенского большака, усеянного густой и толстой пылью, прощается с сыном мать. Большак этот ведет в район, на призывной пункт, и ждет сына маршевая рота и ад передовой. Руки матери последний раз касаются стриженной и оттого пугающе непривычной головы сына. А мы знаем, что все это в последний раз. Ведь этот «справедку» знакомый шлях безжалостно поведет ее сына навстречу танковым колоннам Гота, навстречу смерти и бессмертию.

— Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа...

— Мне кажется, что я магнит, и я притягиваю мины...

— Бой был коротким, а потом глушили водку ледяную и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую...

Конечно, вы вспомнили стихи удивительных поэтов-фронтовиков Кульчицкого и Гудзенко. Музыка Мулявина наполнила их стихи новым смыслом и новыми красками. Для того, чтобы донести до нас правду о войне и о тех, кто подставил свою грудь пуле, летящей из той проклятой зимы 1941 года.

Это была труднейшая задача — рассказать в песнях обо всей войне, о ее героях и никому не известных тружениках боя, которых «зарыли в шар земной» и которые были просто солдатами. За полтора часа они чередой проходят перед нами — люди войны, веки войны, необычайно емко сконцентрированные в художественных образах, в неразделимой архитектуре музыки и слова. В программе звучат стихи Твардовского, Прокофьева, Купалы, Кислика, Огнецвет — поэтов, имеющих самое непосредственное отношение к тому великому времени.

Успех новой программы разделят все поровну: композитор, солисты, музыканты «Песняров», поэт Валентин Тарас, написавший сценарий программы. А главным героем новой работы белорусского ансамбля будут солдаты, партизаны и тот белоголовый Миша Каминский — «хлопчик хатынский», в память о котором, не умолкая, звенят скорбные колокола.

Но как рассказать о программе людям, не слышавшим ее? Это решительно невозможно. Можно, конечно, написать о каждой песне, но все слова будут бледными, если вспомнить о том, как под вальс из «Возвращения» плакали и медленно кружились в танце седые люди. Я видел их на пологой вершине Керченской горы Митридат, где «Песняры» пели для ветеранов войны.

Как рассказать о чувствах старой женщины, о ее глазах, когда солист Валерий Дайнеко пел о страшной судьбе Миши Каминского, которому был всего один год, который знал всего лишь два слова — «мама» и «тата» и который сгорел вместе с мамой в страшном хатынском сарае? Мне говорили потом, что эта старая женщина специально приехала в Минск, и даже строгие билтеры не стали ни о чем ее спрашивать. Она им сказала только: «Я з военной вески». И в давящей тишине зала сотни людей слышали ее тихий плач и боялись поднять на нее глаза...

Программу «Через всю войну» нужно посмотреть и послушать. Особенно молодым...

Вместе с «Песнярами» начинали многие ансамбли, и нельзя сказать, что талантливых певцов и музыкантов в них было меньше. Но где они сейчас? Когда сладеньким потоком по концертным площадкам лилось диско, они бросились догонять «Бони М», когда в моду вошли баллады, они тут же трансформировались в задумчивых менестрелей, а когда тяжелым металлом захулил рок, немедленно приняли на вооружение тяжелый и жесткий ритм. И что же? Какое-то время они находились «на слуху», занимая в доморощенных «хит-парадах» верхние строчки популярности. Но вряд ли четырнадцатилетние девочки могли служить верным барометром настоящей популярности. И вот канули в небытие вчерашние кумиры, а афиши «Песняров» сегодня заманчивы и привлекательны так же, как пятнадцать лет назад. В чем секрет успеха?

Прежде всего в верности народной песне, фольклору. Но не в том расхожем его понимании, которым любят уснастить какое-нибудь дежурное интервью некоторые «звезды» эстрады, а в истинной, на всю жизнь преданности.

Помните старый документальный фильм о том, как Мулявин и Игорь Лученок «вандрують», как говорят на Беларуси, путешествуют в поисках мелодий по озерному Полесью? С той поры прошло лет десять, но и сегодня Мулявин в поиске, и каждая новая мелодия, вышедшая из народа, ему также бесконечно дорога. И даже когда она звучит в современной аранжировке, слушатель безошибочно узнает ее, то ли знакомую с детства, то ли каким-то загадочным образом закодированную в генах.

Пятнадцать лет, как «Песняры» верны главному делу своей жизни, своей песне.

Конечно, только самый наивный романтик может предположить, что у «Песняров» было все гладко, а успехи, слава нарастали по крутой спирали. И в «Песнях» были музыканты, очень способные, кстати, музыканты, любившие, по известному выражению, не искусство в себе, а скорее себя в искусстве. Рано или поздно их дороги расходились. Порой это было весьма болезненно. Когда из ансамбля ушел знаменитый певец, даже самые фанатичные поклонники «Песняров» посчитали, что это конец. Но прошли трудные месяцы, и «Песняры» вновь вышли на большую сцену, и вновь залы взрывались овациями.

Ветер гонит мокрые листья по черному зеркалу асфальта. Но люди, собравшиеся у филармонии, не чувствуют холода. Они продолжают надеяться на маленькое чудо, на «лишний билетик». На афишах всего несколько слов. «Песняры»: «Через всю войну».

АНАТОМИЯ ДИСКОТЕКИ

О МОДНОМ УВЛЕЧЕНИИ
С БЕСПОКОЙСТВОМ И БЕЗ ВОСТОРГОВ

Виктор ИВАНОВ,
инженер,
член горкома комсомола
г. Жуковского

Дискотекой был одет в армейскую форму, фуражка надвинута на глаза. Добравшись до микрофона и включив музыку, он приказал: «Всем танцевать!» С эстрады то и дело доносились его короткие, отрывистые фразы:

— Кто там закурил?! Зал штрафуется! Дискотека закрывается раньше!.. Почему не танцуют?! Все наказываются — дискомарафон! Почему кислые лица?! Что?! Что за косые взгляды?! Наступили на ногу? Все! Хватит! Дискотека отменяется! — Голос ведущего сорвался на крик...

Разумеется, все это было лишь розыгрышем, и вечер продолжался. Дискотека «Фонограф» клуба «Дружба» города Жуковского пародировала «конкурирующие фирмы». Особенно сочно были обрисованы ведущие: вот грубоватое панибратство одного, вот англо-русский жаргон другого, а вот портрет третьего, кто не прочь получить чаевые...

Шел конкурс дискотек, проводимый в рамках традиционного молодежного фестиваля искусств. В жюри: Виктор Ермолаев, студент-вечерник философского отделения МГУ, Геннадий Крупник, режиссер-любитель, Владимир Потапов, заместитель секретаря заводской комсомольской организации, отвечавший за проведение конкурса. Автор этих строк значился в оргкомитете фестиваля как «ответственный за информацию». Перед жюри, утвержденным бюро горкома комсомола, стояла обычная задача: оценить, сравнить, выделить. Учитывалось все — от качества звучания музыки до идейно-художественного уровня всей программы. После каждого просмотра жюри собиралось с составом дискотеки и, разбирая программу по пунктам, выставляло баллы...

Колесо конкурса крутилось своим чередом. Все баллы в конце концов были расставлены, места определены, результаты конкурса утверждены бюро горкома. Все вроде бы хорошо, но оставалось ощущение, что-то не уместилось в протоколах и решениях. Некоторые открывшиеся проблемы внушали серьезное беспокойство...

Зададимся вопросом, а что вообще привлекает молодежь к дискотеке; что она ищет в ней? Спросим об этом ее почитателей... И получим почти стандартные ответы: пришел послушать музыку, потанцевать, встретиться с друзьями. Кто-то хотел бы завести здесь новых знакомых, кому-то здесь «просто интересно».

Как известно, любые человеческие качества, будь то духовные или физические, развиваются только в деятельности, в творческой деятельности. Лишь при ее наличии можно говорить о пользе или ценности того или иного культурного мероприятия. Поэтому хотим мы того или нет, но меру творчества (или сотворчества) необходимо иметь в виду как один из главных критериев нашего разговора.

Итак, что же имеем? В какие виды общения, в какие виды творческой деятельности включается молодой человек, присутствуя на дискотеке?

Начнем с танца. Чем не вид общения? К тому же, наверное, один из самых древних. И действительно, сколько можно узнать о человеке, сколько рассказать о себе всего лишь за один танец?!

Но, увы, глядя на иных танцующих, которые словно и не замечают друг друга, как-то не поворачивается

язык отнести все это к общению... Многие попросту не умеют танцевать. Создается впечатление, что это и необязательно. Достаточно выучить лишь несколько модных движений, и ты сойдешь в дискотеке за своего.

То, что плохо освоено, человек делает без удовольствия, неохотно, и потому многие предпочитают на дискотеке просто присутствовать. Из-за этого возникают проблемы. Например, на дискотеке «Сова», чтобы как-то стимулировать людей к танцу и не срывать вечер, из зала были убраны все стулья... Общий уровень нивелирует всех. Даже тех, кто владеет бальными танцами, где особенно развита культура «танцевального общения». И они вынуждены вместе со всеми «топтаться в общей толпе» (сетования одного из любителей).

Для большинства танец не более чем возможное «пригласить» или «получить приглашение». Конечно, любая возможность познакомиться нелишняя, но сводить танец лишь к этому, не значит ли обеднять себя? В общем, стать по-настоящему хранительницей культуры танца дискотека еще не способна.

Но, может быть, вне танца дискотека дает нам возможность глубокого творческого общения? Без сомнения, любая возможность встретиться с друзьями или узнать нового человека сама по себе представляет ценность. Но дискотека — лучшее ли для этого место?

При том уровне децибел, которые изрыгают современные акустические системы, общаться в зале возможно, разве что крича на ухо собеседнику... Остаются буфет, «курилка» да «столики с лимонадом», если таковые существуют... Но можно ли стихию кулуарных разговоров там отнести к разряду творческих? Единственное, что возможно, — «побить на людей». Да, не так уж «благоустроена» дискотека для общения.

Теперь обратим свои взоры на ведущего. Насколько

«ДЕТСКИЙ»

Хочу задать простой, что называется, «детский» вопрос: почему существуют песни весьма невысокого качества, с примитивной мелодией и убогими стихами? И тут же ответить: потому что находятся певцы, которые их поют. Если бы все эстрадные исполнители с полной мерой взыскательности отнеслись к своему репертуару, то на пути песенных поделок встал бы надежный заслон. К сожалению, репертуарная неразборчивость и безответственность стали нормой для многих певцов. И даже для самых популярных, самых известных. Положа руку на сердце, разве безупречен репертуар нашей признанной «звезды» Аллы Пугачевой? Обидно видеть, как певица тратит свой незаурядный талант на третьесортные вещицы. Певец выносит песню на суд многомиллионной аудитории, и с него особый спрос.

Хочется вспомнить прекрасного актера и певца Марка Бернеса. Вот уж у кого не было проходных, дешевых песенок! А как он умел ценить поэтическое слово, как его чувствовал...

Однажды я слышала по радио советские песни в исполнении С. Я. Лемешева, это было замечательно. Но как же редко бывают такие передачи! И получается, что нам, молодому поколению, не с чем сравнивать нынешнюю эстраду.

Да и самим певцам, я думаю, полезно почаще обращаться к нашей песенной классике. После встречи со стихами Исаковского или Фатьянова

плодотворны наши отношения с ним? Но прежде разберемся, с кем мы имеем дело.

У ведущего масса функций: заводила, лектор-музыковед, режиссер-постановщик и одновременно артист, наконец, просто «свой» парень. В общем, в чем ведущему не откажешь, так это в своеобразии роли. Он, что называется, един в нескольких лицах. В любом качестве он так или иначе разговаривает с залом, играет, «лицедействует». Это тоже вид творчества, и если ведущий делает все мастерски, общение с этим человеком приносит нам радость, мы получаем истинное эстетическое наслаждение.

Иногда ведущему помогают товарищи, и тогда на сцене разворачивается небольшое театрализованное представление. Но дискотека с элементами театрализации, с эстрадными номерами — явление не такое уж частое. Обычно дело не идет дальше тривиального представления очередного танцевально-музыкального номера.

Что слышим мы на дискотеке?

На поверку оказывается, что ведущий далеко не свободен в выборе мелодий. Дискотека диктует ему ряд ограничений, которые он вынужден учитывать. Прежде всего музыка должна быть танцевальной. Если она носит иной характер, то в ходе вечера наступает неловкая заминка. Следующее ограничение — музыка непременно должна быть популярной. Иначе к ведущему в лучшем случае перестанут ходить, в худшем — его освищут... И заполняют залы шлягеры. В основном импортного производства. Смысл песен для собравшихся, как правило, остается непонятен.

«Зу-зу!» «Зу-зу!» Давай «Зу-зу!» — раздаются из зала нетерпеливые крики. И ведущий послушно ставит «Зу-зу»... Такую или примерно такую картину можно было наблюдать почти на всех дискотеках. Выяснилось, что их репертуар совсем не блещет разнообразием. Он состоит в основном из полюбившихся мелодий. Их «крутят» везде, слушают по множеству раз, танцуют под них, доводя себя до взвинченного состояния... Создается впечатление, что музыка превратилась здесь в своеобразный допинг. Ведущий же напоминает не «проводника в мир прекрасного», а хозяина, к которому пришли, чтобы «поймать кайф».

Какая же роль уготована музыке на дискотеке? Не хочется грести всех под одну гребенку, но все-таки «средняя» дискотека сегодня тяготеет к той музыке, которую на Западе именуют коммерческой. К музыке, для которой «творческое постижение мира» не главное... И потому станем ли мы богаче от общения с ней, а значит, и с дискотекой — вопрос проблематичный. Каков сам дух дискотеки?

Оглядываясь, и в памяти прежде всего всплывают диссонансы. Ничего не поделаешь, ведь именно они способны испортить даже «бочку меда». Овчарка в зале... Сомнамбулические движения танцующих... Длиннющие дискотечные... Кто-то не хочет танцевать — из зала убираются стулья... Ведущий пытается вовлечь публику в разговор — напрасные потуги... «Серьезная» музыка успехом не пользуется... Сотрясают печенки децибелы «динамиков», плывет перед глазами фиолетовый дым... Дisko... Поп... Рок... Дергающиеся фигуры в мерцании стробоскопов...

ВОПРОС

станет резать ухо какой-нибудь современный разухабистый текст. Может быть, среди многочисленных музыкальных конкурсов ввести и конкурс на лучшее исполнение песен прошлых лет? Может, организовать такой конкурс на телевидении?

Снова «детский» вопрос: какими критериями руководствуются музыкальные редакторы на радио, телевидении, в издательствах? Честное слово, для меня их деятельность загадка. Они первые слушатели новых песен, причем слушатели-профессионалы. Но с их благословения порой получает право на жизнь явная халтура. Если не музыкальный редактор, то кто оградит нас от ремесленной, низкопробной продукции?

Остается надеяться на свой собственный вкус. Увы, нам, слушателям, мало помогают его развивать. Взять ту же песню. Неужели не найдется материала, чтобы пустить на телевидении цикл передач, в периодике — цикл статей об истории советской песни? Или, например, цикл о поэтах-песенниках. Да мало ли можно найти форм воспитания музыкальной культуры!

Я начала с певцов, а можно было начать и со слушателей. Если мы, любители эстрады, научимся отличать настоящее искусство от дешевых подделок под него, то сам собой прекратится ажотаж вокруг иных имен и иных песен. Давайте строже оценивать своих кумиров, тогда и они станут предьявлять к себе более строгий счет.

**Ирина КАРПОВА,
Москва**

Ведущий, «заводящий» публику... Ватная голова... Звон в ушах...

Можно сколько угодно говорить о богатых возможностях дискотек, препарировать их и исследовать, но в жизни, как это нередко бывает, все оказывается значительно проще. Люди пришли просто расслабиться. Расслабиться и получить удовольствие — вот идолы, которым, хотят того или нет, служат и организаторы дискотек и те, кто их посещает. Именно это и определяет, как правило, и дух дискотеки и ее настрой.

Конечно, официально перед дискотекой ставятся творческие задачи: формировать, воспитывать, пропагандировать... Но складывается впечатление, что все это не более чем благие пожелания. Дискотека живет по своим законам. Идя на нее, люди меньше всего расположены решать «какие-то там» творческие задачи. У них есть свой вполне определенный интерес. Дискотека же, если не хочет потерять публику, должна его удовлетворить: пришли «отвлечаться» — пожалуйста, модные мелодии — пожалуйста!

Почти характерный пример...

Городской Дворец культуры, дискотека «Семь после семи» (семь нот после семи вечера). Шел обычный дискотечный вечер, когда добрая треть зала переключилась на опасное «развлечение» — началась драка. В ход пошли даже стоящие вдоль стен кресла. Пострадали не только дерущиеся. Упали на пол выставленные здесь живописные полотна, послышался треск холстов...

На случай подобных инцидентов в другой дискотеке было введено, например, понятие «штрафное время». Подрались — вечер закончится на 15 минут раньше, закурили — еще на 10 и т. д. Когда «Фонограф» пародировал эту дискотеку, то ее ведущий предстал перед изумленной публикой облаченным в армейскую униформу... Понятным становилось и присутствие овчарки на дискотеке «Сова».

Автора могут упрекнуть: дискотека тут ни при чем, и виноваты, мол, хулиганы. Но почему они пришли именно на дискотеку? Что-то не приходилось слышать про драки, ну, например, в театрах.

Творчество мобилизует человеческую личность, придает ей целенаправленность и осмысленность. «Расслабон» же, наоборот, дезорганизует, деморализует ее, особенно если становится стержнем человеческой жизни. Последствия в этом случае зачастую бывают непредсказуемы.

Присутствуя на просмотре программы «Фонограф», по праву одной из лучших дискотек города, мы поначалу не могли понять, почему при избытке танцующих центр зала остается пустым?.. Группа дюжих парней, образовав вместе со свитой круг, оттеснила всю остальную публику к стенам. Как нам объяснили, это было что-то вроде демонстрации силы: всякого, кто «без разрешения» появится в «круге», ждали крупные неприятности. Глядя на угрюмые лица парней, неуклюже топтавшихся в подобию танца, сомневаться в обратном не приходилось.

Признаюсь, эта мрачная компания производила гораздо более сильное впечатление, чем потасовка задиристых мальчишек. Эти были трезвы, и выводить за дверь их вроде бы было не за что. Но атмосфера в зале, которую они создавали... Атмосфера была такова, что впору было уйти отсюда...

Дискотеку принято считать формой «активного» отдыха. С этим можно согласиться, если иметь в виду лишь чисто физическую нагрузку. И в самом деле, сил, затраченных на дискотечный вечер, вполне хватило бы на марафон легкоатлетический. Хотя танец для развития мускулатуры все-таки не самое лучшее средство... Если же подойти к дискотеке с «духовных позиций», то приходится констатировать: ныне это все-таки вид пассивного отдыха. Дискотека в нынешнем виде не требует «работы души». Скорее способствует душевной релаксации, от которой до душевной распухлости не так уж далеко.

Кто-то, возможно, возразит: не все же время нам пребывать в напряжении! На работе мы мобилизуем себя, а здесь, мол, можно и расслабиться, ведь должен же человек когда-то отдыхать!

Замечание это можно принять, если иметь в виду опять же лишь физическую деятельность, мускулам действительно необходим период расслабления. Но душа... Как сказал поэт, душа обязана трудиться... Да, и день, и ночь, и день, и ночь...

Бывая на дискотеке, хотел непременно получить ответ на вопрос: какое место занимает она в досуге тех, кто ее посещает?

Оказалось, что большинство из присутствующих ходит сюда постоянно. Дискотека дискотирует в их досуге, именно «завсегдатаи» заполняют в основном дискотечные залы. Есть, конечно, и такие, кто приходит сюда от случая к случаю, но не они делают погоду. Для большинства дискотека — место собраний и встреч, здесь свои разговоры, свои ценности. Это уже общество.

Вот только какое это общество?

Наблюдая за публикой, приходишь к неутешитель-

ному выводу, что здесь «поклонение» предмету принимает гипертрофированный характер. Появилось даже что-то вроде стилия диско-жизни. Появились «диско-мальчики» и «диско-девочки». Характерные отличия этого «типа» — духовная апатия и инфантилизм при непомерных порой скептицизме и самомнении... Сколько сейчас таких? Можно говорить даже о своеобразной прослойке молодых людей, страдающих на этой почве явно выраженной формой душевной дистрофии. А это уже тревожно...

Человек, как известно, един в своем проявлении, привычка к расслаблению, становясь чертой характера, приводит к снижению активности и в других сферах жизни, например, на производстве. У человека происходит смещение ценностей и порой катастрофическая для личности подмена мотивов деятельности. Он (допускаю, что это крайний случай) если и работает, то лишь затем, чтобы иметь возможность потом дотянуться до возделенной «кнопки наслаждений». Потребление культурных ценностей превращается в потребительство, мещанство перемещается в сферу духовную...

Нельзя сказать, что молодежь этого не чувствует. Подтверждение тому — изменение возрастного состава посещающих дискотеку. Если раньше сюда ходили «до 28», то сейчас появляются здесь «старше 20» вроде и неудобно. Да и так ли уж интересно то, что предлагает нам дискотека? С момента своего возникновения она практически не изменилась, средний же «уровень» молодежи заметно возрос. И то, что раньше «проходили» в 25, теперь «интересует» лишь в 18. Да и этот возраст уже не всегда удовлетворен той «пустышкой в красивой обертке», чем, по сути, является, на мой взгляд, значительная часть дискотек. Разочарование — вот чувство, которое испытывают многие, возвращаясь домой. Складывается впечатление, что молодежь вырастает из дискотеки, как вырастают дети из коротких штанишек.

...И все-таки на нее ходят. А что делать? «Старомодных» ВИА в нашем городе почти не осталось, в кафе также обособались дискотеки. Хочешь не хочешь, а девать себя куда-то надо... Ушла танцплощадка — пришла дискотека, жизнь не терпит пустоты. И уж если на древе жизни появился росток, то необходимо приложить все усилия, чтобы сделать его культурным.

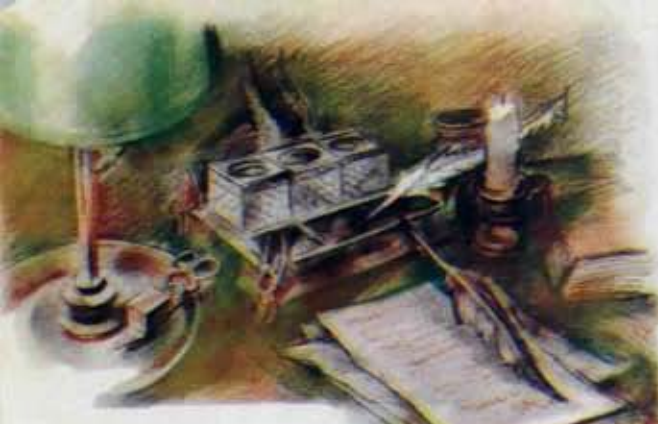
Нельзя сказать, чтобы наш горком комсомола не беспокоило существующее положение. Приблизился новый конкурс дискотек. Необходимо было покончить с их идейной и организационной самостоятельностью. Требовалось наполнить дискотеку истинно стоящим содержанием. Положение «чем бы дитя ни тешилось...» устраивать не могло. Развлечение и расслабление, прокламируемые на дискотеках, обходилось слишком дорого. На знамени дискотеки необходимо было начертать слово «творчество», лишь в этом случае люди уйдут с нее не с помятыми боками, пустой головой да звоном в ушах, а эмоционально наполненные и духовно обогащенные. Перед дискотечной требовалось поставить задачу: развить определенные стороны человеческой личности...

Стояла и более общая задача. Чтобы исключить в дальнейшем явление «дискомании», необходимо, чтобы дискотека с ее возможностями была сбалансированно включена в единую систему жизненного творчества молодежи. В систему, которая трудилась бы на желанную «гармонию» личности.

У горкома комсомола возникла идея создания совета дискотек, а после конкурса решено было провести теоретический семинар. Он одобрил создание совета дискотек. В дальнейшем именно семинар определит, кто станет представлять в горкоме комсомола интересы «дискотечного движения», он же сформирует и состав жюри на будущих конкурсах.

Без сомнения, поможет совету правильно вести работу и Всесоюзный рейд «Музыкальный быт», направленный на борьбу с низкопробной музыкой в местах массового отдыха. Естественно, и в дискотеках.

Какой станет конкретно дискотека? Чтобы знать, какой ей стать, необходимо знать, какая она есть. Не имея достаточной опоры, невозможно сделать уверенный шаг... Хочется помочь дискотеке как можно пристальнее взглянуть в себя.

Из писем Н. В. Гоголя сестрам

Гоголь — писатель, книги которого мы хорошо знаем, даже в школе проходим, но и потом, несмотря ни на что, перечитываем всю жизнь — и, как ни странно, даже те, которые нам задавали на дом, — снова и снова...

А что он был за человек? Какую жизнь прожил? Об этом нам почти ничего не известно.

Так часто бывает: самое привычное — оно же и самое незнакомое...

Лучший способ попробовать узнать человека — вслушаться в его собственные слова.

Гоголь оставил нам целых пять томов своих писем. Он был великий путешественник, почти не жил дома. Возьмет портфель с рукописями, над которыми работает, сядет в коляску — и в путь. Однажды в дорожном трактире, в шуме и гаме, написал целую главу «Мертвых душ».

Ему, как никому, нужно было уединение. Его чуткому слуху нужна была великая тишина. Не мертвая, неподвижная тишина, но отсутствие суеты (сколько он успел хлебнуть ее в Петербурге!).

В 1836 году вместе со своим другом А. С. Данилевским Гоголь поехал за границу. Он был в Гамбурге, Кельне, Майнце, Франкфурте-на-Майне, Женеве, Париже... Наконец, приехал в Италию.

Здесь он жил долго. Лучшие его книги были написаны здесь.

Одиночества требовала его работа. Но сердце-то рвалось к тем, кого он любил! И он писал им письма.

Первый отрывок — из письма, написанного, когда Николаю Васильевичу было двадцать девять лет, Анне и Елизавете — семнадцатилетняя и пятнадцатилетняя.

Николай был старшим из детей, он родился, когда их матери, Марье Ивановне, было восемнадцать лет. Через шестнадцать лет отец, Василий Афанасьевич, умер (только-только родилась самая младшая, Ольга), и Николай стал единственным мужчиной семьи.

Все это есть в его письмах. Письмах тепла, любви, заботы, беспокойства, учительства, досады, боли...

Как искренни, естественны эти письма! Как видны в них Гоголь, движения души его! Как видны в них даже и его сестры, хотя говорит здесь только он...

Последняя часть писем посвящена замужеству 18-летней Елизаветы, которая вышла за саперного офицера Владимира Ивановича Быкова. (Их старший сын, Николай, племянник Гоголя, женится потом на родной внучке А. С. Пушкина — помню, видел фотографию их дочери: она похожа и на Гоголя и на Пушкина.)

«Последнее сокровище» — написано рукою Ольги Гоголь на последнем письме брата...

Читая эти письма, мы не только видим их автора, но и берем суждения одного из самых пронзительных умов нашей земли о вещах, которые важны каждому из нас. Важны сегодня, как много лет назад.

Николай БУЛГАКОВ

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Рим. 1838-й, апреля 28 нов. ст.

Наконец я получил от вас письмо, мои милые сестрицы. Из него я узнал, что вы меня любите. Мне было приятно также заметить из этого письма вашего, что вы уже не дети, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы с вами равны совершенно. Мы можем говорить между собою обо всем и рассуждать обо всем. Конечно, лучше говорить, чем писать, сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы дал много, много за то, чтобы вас увидеть и наговориться с вами, но... мы с вами не дети, мы должны доказать, что мы имеем характер. Итак, будем писать обо всем, что ни случается с нами, что мы делали, с кем говорили и об чем говорили, все это мы будем теперь класть на бумагу и верить друг другу все малейшие тайны сердца...

Ваш брат Николай...

Письма печатаются по изданию — Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч. в 14 томах, издательство Академии наук СССР, 1937—1952 гг., тт. 11—14.

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Рим. 15 октября (ст. ст. 1838)

Я получил твое письмо, душенька моя Анет, через кн. Волконскую. При нем была маленькая приписочка от Лизы, которая поленилась написать ко мне подлиннее. Не грусти, моя милая! я приеду, я постараюсь приехать к вашему выпуску. Вы знаете, что я вас очень люблю. Я вас люблю столько, сколько вы себе не можете представить. Здоровье мое будет лучше — я в этом уверен. Но я вас прошу только не писать маминке ничего о том, что я бывал иногда немного болен. Это ее слишком огорчит. Душеньки мои, я о вас очень часто вспоминаю и хотел бы вас перецеловать много раз. Помните ли, как мы виделись с вами в этой узенькой, маленькой комнате в институте, где стоит обыкновенно фортепиано и где г. Высоцкий с нетерпением ожидал своих учениц? Я помню как теперь, как Лиза просит меня не позабыть о том, что скоро ее именины и что нужно купить орехов 4 фунта, конфетов два фунта, варенья две банки, желе банку, праников, яблок, изюму и проч. и проч.; и все это не только на словах, но даже было написано с чрезвычайною аккуратностью на записке; и все это сопровождается словами: «Да смотрите, не позабудьте, за день прежде купите и пришлите». И вслед за сим ты, Лиза, бывало, расскажешь... какой у тебя новый друг и о том, как у тебя хорошо в пультах, — в каком порядке лежат книги, тетрадки и бонбоньерки, и как ты на днях поменялась с той-то или другой. И при этом у тебя, Лиза, пальцы были в черниле, и на переднике было чернильное пятно, величиною в месяц.

Все это я помню и помню даже, как Анет была больна и лежала в лазарете, и я у вас был; и потом помню, помню еще об одном, но не хочу говорить... о, я все помню!

Я не знаю, писал ли я вам про церкви в Риме. Они очень богаты. Таких у нас нет совсем церковей. Внутри все мрамор разных цветов; целые колонны из порфира, из (голубого), из желтого камня. Живопись, архитектура — все это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что такое живопись. Вы еще не можете отличить, что хорошо, что дурно. Вы не знаете, что такое картина Рафаэля или Тициана, или Корреджия. О, как много есть того, что вы еще не видели! Впрочем, нельзя никак все видеть и знать; для

НЕ РОНЯЯ ДОС

этого не достанет нашей жизни. Мне бы теперь более всего, знаете, что желалось бы увидеть? Вы, верно, никак не догадаетесь, что бы это было такое! Мне бы хотелось теперь увидеть вас, поцеловать вас и поговорить с вами. Пишите ко мне чаще. Когда вам делается очень грустно на душе, сейчас берите в руки перо и пишите ко мне. Если на кого рассердитесь или будет вам досадно — в ту же минуту за перо и в ту же минуту расскажите мне. Пожалуйста, не думайте об том, чтобы написать мне хорошее письмо; пишите как попало. Я терпеть не могу хороших писем. Чем хуже письмо, чем больше чернильных пятен и ошибок, тем для меня лучше. Я лучше люблю такие письма. Прощайте, мои миленькие...

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Рим. 12 апреля (н. ст.) 1839.

Тебе было грустно читать мое письмо, ты плакала, моя добрая и милая Анет. Что ж делать? без грусти не бывает на этом свете. Мы все рано или поздно должны платить ей дань. Твои слезы и сожаления делают тебе честь: они показывают твое доброе сердце. Ты вся исполнена грусти при мысли о нездоровьи маминьки. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава богу, наша маминька физически совершенно здорова. Я разумел душевную и умственную болезнь; о ней была речь. Я разумел следы забот, вечных неудач и неисполнений, проведенные на ее челе, которые нечувствительно и незаметно отнимали живость и любезность ее характера и, вместо спокойного и осматрительного взгляда в хозяйстве и в распоряжениях по имению, набросили на нее рассеянность, задумчивость, которые ей много мешали в делах и были причиною, что имение наше расстроено совершенно и что она, думая поправлять, расстроивала его еще более, сама не зная этого. Конечно, имение не стоит для меня гроша в сравнении с здоровьем нашей доброй маминьки, но я почел долгом об этом написать вам, чтобы приготовить заранее вас к неприятностям, необходимым в жизни, чтобы вы более старались надеяться на самих себя, чтобы вы лучше и тверже воспитали свой характер, чтобы вы более обратили внимания на знания, нужные и необходимые в жизни, чтобы, если бы довелось вам самим заботиться о себе, чтобы вы имели достаточно твердости и духу, и сил взяться самим за труд и уметь доставить себе таким образом необходимое; чтобы вы, возложив надежду на бога, который помогает мужественным и непорочным сердцам, могли бы героически встретить все неприятное, никогда не уныть духом и не слезами, а трудом, деятельностью, твердостью и терпением переломили бы самую судьбу. Вот для чего почел я долгом не скрывать от вас ничего насчет нашего расстроенного состояния, как сильно любящий вас брат и любящий вас любовью глубже

той, которую обыкновенно любит брат сестру. Я вас люблю любовью брата, отца и матери вместе, не наружными признаками нежности вы измеряйте мою любовь. Нет, она погружена во глубине моей души. Она блюдет и думает над вашей будущою судьбою и много бы хотела пожертвовать и отдать вам, и верно бы сделала для вас более, если бы не мое несчастное здоровье. Итак, как любящий вас таким образом брат, я почел долгом написать вам такое письмо, которое заставило вас задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны проглотить ее: она несет вам здоровье...

...Итак, ты можешь видеть теперь ясно, в чем дело. Не об маминьке шла речь, но об вас; не об маминьке я заботился, но об вас. Маминька счастлива, когда мы счастливы. Для этого она живет. И поверьте, что кто любит истинно и глубоко, тот любовь не в том поставляет, чтоб глядеть в глаза и целовать в ручки. Кто любит сильно, тот согласится и на жертвование, и на удаление, тот согласится долго не видеть предмет привязанности своей, если только от этого зависит счастье.

...Вы еще молоды, еще не знаете света. Как много значит для вас первый шаг, первое знакомство и первое обращение по выходе из института! Маминька наша имеет редкое сердце, но она слаба характером, она легко может быть обманута... Она готова за вас отдать последнюю каплю жизни, пожертвовать всем для вашего счастья, но она не спасет вас от могущих случиться бед. Вот почему я все это пишу к вам, чтоб вы возлагали надежду, во-первых, на бога, а во-вторых, на себя; чтоб вы воспитывали заранее свой характер, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были ласковы, умеренны, услужливы, никогда бы не ссорились с вашими приятельницами, но старались всеми силами поддерживать раз сделанное знакомство, а главное — чтобы имели власть над самими собою, и если заметите, что у вас кипит в душе и что-то похоже на злость или на неудовольствие, старайтесь тотчас дать ему остыть, займитесь чем-нибудь другим, чтобы в это время не думать и не помышлять о нем, и потом вы будете довольны сами собою. Еще любите друг друга. Вы сестры, вы еще более, чем сестры. Вы товарищи от ранних лет вашей жизни: ваше воспитание шло вместе. Мне очень было грустно видеть, что вы часто между собою ссорились. Мое сердце страдало, видя это. Ради бога, я вас

прошу об этом, чтобы этого не было. Когда вам захочется или придет на ум поссориться, вообразите тотчас меня печального, больного, смотрящего на вас с невыразимым чувством грусти...

Прощайте, мои миленькие, мои много-много любимые мною сестры. Да, чуть было не позабыл: пришлите мне в письме вашем две тоненькие ниточки, чтобы одна из этих ниточек была длиною в рост Лизин, а другая в Анет. Смотрите только не ошибитесь и положите их в письмо. Для чего мне это нужно, я вам скажу после. Еще раз целую вас миллион раз.

Е. В. ГОГОЛЬ

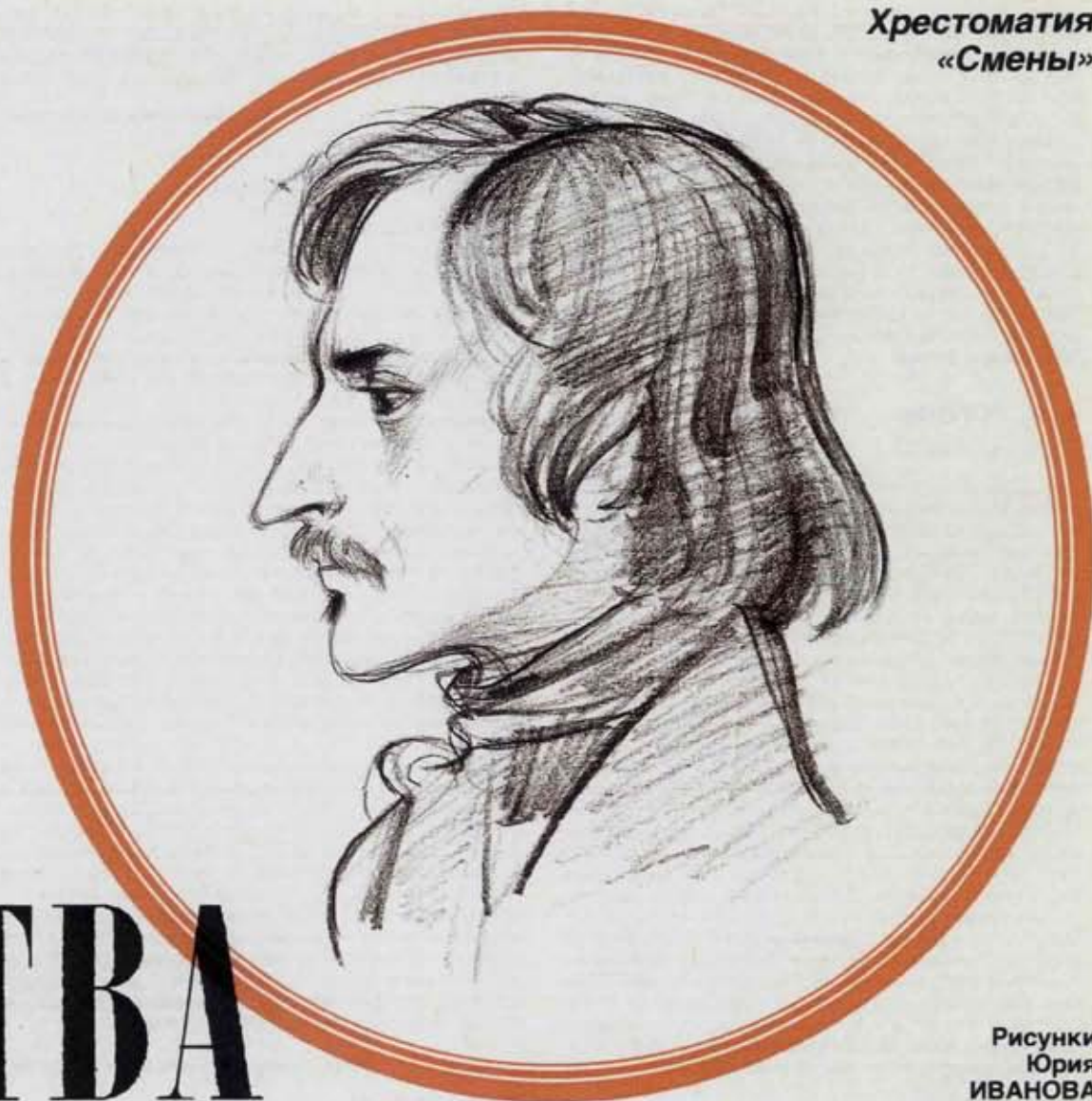
Венеция (?) 1840. Август 10 (н. ст. Вена)

Я получил два письма твоих. Наконец ты умница! Письма довольно длинные и обстоятельно в них описано все, что следует и что мне приятно знать. Вот тебе за это поцелуй! Лови его на «воздухе» или пожалуй приставай щеку к этой строчке: это будет значить, что я тебя поцеловал. Жду теперь с нетерпением твоего описания деревни и как ты разливаешь чай и варишь варенье. Об этом всем подробно: сколько именно раз позабыла завернуть кран у самовара и напустила на скатерть горячей воды и сколько раз после варенья приходила за обед с сахарными усами на губах, все без исключения. А я тебе за это хоть пожалуй теперь же прочту два-три нравоучения. 1-е, у тебя есть странная причуда бояться всего нового, всего, что еще незнакомо. Ты уже вперед говоришь, что это верно будет неприятно, верно скучно, не испытывая и не узнавая. Тебя непременно нужно на все подталкивать сзади. Ты уже о деревне даже стала говорить, что там будет скучно, тогда как и кончик носа твоего еще не был в деревне. А между тем я знаю, что тебе теперь в деревне весело как нельзя более. Занятый много, и ты верно будешь слишком жалеть о том, что нужно наконец возвратиться в город. И так ты о всем: помнишь, как ты боялась в первый раз ехать к Прасковье Ивановне. Чем же кончилось? Ты теперь влюблена в Прасковью Ивановну. Ты грустишь, что не знаешь как выразить свои чувства, ты говоришь с восторгом о Софье Николаевне и Надежде Карловне, и все письмо твое наполнено упреками себе самой и жалобами на свою застенчивость, которая препятствует тебе показать им всю себя. Итак, вот тебе заключение: как только Прасковья Ивановна будет что-нибудь тебе предлагать новое: занятие или поездку, или что-нибудь, или хоть даже я, если тебе что-нибудь предложу или захочу для тебя, то ты вперед хохочи и покрепче...

Теперь 2-е наставление, за которое ты должна меня расцеловать, так оно приятно будет тебе и полезно. Знаешь ли каким образом победить свою застенчивость и выразить чувство любви, которую так сильно чувствуешь не только к

несравненной Прасковье Ивановне, а за нею вслед к Над(ежде) Карл(овне) и Ольге Николаевне (чему, впрочем, я не удивляюсь, потому что ангелы на то созданы, чтоб их любили). Знаешь ли каким образом доказать это? Надежда Карловна права, когда думает, что все, что ты говоришь, на словах только. Словами точно не доказывается любовь. Ты должна это доказать на деле. Ты теперь в деревне и, стало быть, почти хозяйка. Они все заняты своим делом, и им иногда некогда думать о себе. Ты должна всячески замечать, что кому из них нравится, и постараться в ту же минуту им это приготовить. Встать пораньше и сделать все покамест они еще спят. Например, если кто из них любит цветы, ты должна набрать свежих цветов, другой ягод, и тому подобное... словом, все, что им нравится, и замечать всякую минуту, что из них кто любит или чего недостает кому-нибудь из них, и тотчас же постараться им это сделать, если можно, сюрпризом; тогда они увидят, что наконец ты их точно любишь и ты увидишь, как это будет приятно. Потому что нет на свете ничего так приятного, как исполнение желания тех, которых любишь и даже просто доставить наслаждение кому бы то ни было.— Ну, видишь, какое приятное наставление! Поцелуй же меня! оботри свои губы.

За этим сей час будет следовать тебе сильный выговор. Я только что получил письмо от маминьки. Что ты наделала? Маминька чуть не плачет. Письмо ее исполнено самого беспокойного волнения. Зачем ты написала, что ты упала с дрожек, что у тебя болит с тех пор грудь, что ты скучаешь ужасно... Ты должна всячески успокаивать маминьку, а ты ей пишешь такие письма. Ты об этом всем должна бы написать мне, а не маминьке. У маминьки и так много горя и так слишком печально ее существование, а ты растравляешь его еще. Она утешала себя тем, что хотя одно дитя счастливо, а ты ей подобными глупостями разрываешь ее душу. Она при своей мнительности может подумать, что у тебя просто чахотка. Ну что если она сделается больною от этого? Сестра Анет тоже не могла читать равнодушно письма твоего, и письмо ее ко мне исполнено непритворной горести и участия к тебе. Все ее письмо доказывает, что она тебя истинно любит. Я до сих пор изумляюсь твоему поступку. Где же твой ум девался? Ты поступила точь-в-точь как десятилетняя девчонка. Сейчас же поправь свою ошибку и напиши письма к

Рисунки
Юрия
ИВАНОВА

ТОИНСТВА

маминьке и сестре самые утешительные. Но почему ты мне не написала об этом, какого рода письмо ты написала к маминьке? Стало быть, ты от меня скрываешь многое, стало быть, ты меня не любишь. Потому что, кто скрывает хоть что-нибудь, хоть самую безделицу, тот кончен(ой), тот уже не любит. Мне смешно показалось, когда я читал в письме твоем, что ты меня любишь так, как я себе не могу вообразить. Нет, ты никогда не можешь меня так любить, как я тебя люблю. До этого слишком тебе далеко. Если бы ты меня любила сильно, то ты бы мое всякое малейшее желание, всякое наставление, которое я говорю тебе, считала бы святым и исполнить его для тебя было бы уже такое наслаждение, что и выразить нельзя. Но довольно! Поцелуй меня, мой ангел! оботри сахар на губах своих! Благодарю тебя за то, что молилась за мое здоровье и поручала молиться другим. Оно точно было плохо, и я захворал было не на шутку. Но теперь, благодаря бога, начал поправляться. Прощай! Поцелуй за меня несколько раз ручку Прасковьи Ивановны и передай мой самый искренний поклон Софье Николаевне. Надежде Карловне тоже... Не позабудь также передать от меня поклон Вариньке... Она так интересна и так мила. Душа в ней светится насквозь. Смотри же, не позабудь! Опиши мне всю свою жизнь начиная от малейших подробностей, если тебе в самом деле приятно писать ко мне.

Твой брат Н....

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

(Октябрь 1843 — май 1844)

Хоть одна только Лиза написала ко мне, но я пишу вам обоим. Лиза пишет, что письма ко мне не пишутся такие длинные и так охотно, как прежде. Я этому верю, но знаю также и то, что вы будете писать ко мне письма еще длиннее, чем прежде. Это произойдет само собою тогда, когда вы будете больше меня любить. А для того, чтобы вам научиться более любить меня — вот вам дорога: старайтесь отыскивать в себе как можно более недостатков, недостатки эти вы должны прежде хорошенько выбрать, а потом постараться от них отвязаться. Если вам трудно будет отстать от чего или пересилить себя в чем-либо, советуйтесь со мной, я человек опытный; мне тоже было весьма трудно отставать от многого и пересилить себя во многом; немало еще и теперь предстоит работы и борьбы с собою — и потому я могу вам подать иногда очень нужный совет. Вы пишете, что разъезжаете и веселитесь — в добрый час! Но помните, что придется по месяцам просиживать дома, умеете не скучать и тогда. Не мудрость веселиться, когда вокруг вас весело. Но уметь веселиться, когда вокруг все скучно, вот настоящая мудрость человека. Большое мое письмо не сделало на вас того впечатления,

какого я ожидал, но во всяком случае вы должны помнить о нем. Везде, у кого бы вам ни случилось прожить, старайтесь прожить это время более в трудах и занятиях, чем в увеселениях. Обратите тотчас взгляд вокруг себя и старайтесь заметить, чем вы можете быть полезны хозяевам дома. Старайтесь, чтоб везде, где бы ни случилось вам прожить, осталось о вас самое приятное воспоминание и чтобы по отъезде вашем все до последнего в доме сожалело о вас. Вносите с собою всюду примирение, храни вас бог даже от тени какой-нибудь ссоры с кем бы то ни было, хотя бы вам даже и нанесена была явная обида; напротив, если заметите где-нибудь несогласие, старайтесь всячески примирить обе стороны. Когда же возвратитесь домой к себе, давайте всякой раз самой себе отчет во всем, рассматривайте себя пристально, чтобы узнать, что приобрели вы себе от пребывания в таком-то доме. Мы для того и окружены обществом, чтобы стараться у всякого что-нибудь украсть для нашего собственного характера. Если в ком-либо заметите какое-нибудь особенно хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе. В единенную свободную минуту старайтесь иногда припоминать себя в прежнем виде, то есть как вы были назад тому два, три года, сравнивайте тогдашнюю себя с нынешнею и старайтесь узнать, чем именно вы сделались умней прежнего. Вот для чего советовал я вам тогда писать журнал; вы не послушали совета, потому что не поняли цели, для чего это делается, как не понимаете и доньше цели многого того, что мне случалось вам говорить. Конечно, в том человек не виноват, что не понял; но виноват сильно и даст великий ответ... за то, что не стремился, не напрягал всех сил, не хотел понять, а махнувши рукою сказал: «Это мне непонятно», да и концы в воду. Припомните, что вам уже теперь понятно много из того, что прежде казалось совсем непонятно или незначительно; стало быть, можно достигнуть того, чтобы понять. Можно достигнуть до всего, если только стремиться к тому. Смотрите: не зевайте! Я употребляю все усилия, чтобы быть лучше; старайтесь и вы также. Нужно, чтобы мы были похожи друг на друга, потому что между похожими только друг на друга может существовать прямая дружба и любовь. Я хочу вас любить всею душою, но дурно, если вы сами будете употреблять все старания, чтобы оттолкнуть меня от вас и чтобы я не любил вас. Затем прощайте и не забывайте слов моих.

Н. Гоголь.

О. В. ГОГОЛЬ

Неаполь. Января 20 (н. ст. 1847)

...Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее... А для этого подвиги

тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя. Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невозвратно свою душу — и нет человека, который подвинулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которою горит к нам божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет. Узнай только душу человека, войди только хорошенько в его обстоятельства жизни, рассмотри только его, не торопись, — и ты увидишь, что можно помочь душе его, и облобызает он потом руку, его спасшую. Ты уже начала делать некоторые приуготовления к тому: ты не пренебрегла моими словами и просьбами расспрашивать всякого человека и узнавать его. Ты будешь отныне еще больше это делать и через то еще больше познакомишься с душой человека вообще, стало быть, придешь в силы помогать самой душе его. Нет из нас никого такого, кто бы мог сказать: я не могу или я не в силах помочь...

О. В. ГОГОЛЬ

(Около 4 марта н. ст. 1847. Неаполь)

...Никакими толками и замечаниями не следует пренебрегать, особенно дурными: они заставляют нас все-таки лишний раз на себя оглянуться. Сначала кажется неправда, а как вмотришься получше, увидишь, что дыма без огня не бывает, на дне лежит и правда...

Е. В. ГОГОЛЬ

(6 апреля н. ст. 1847. Неаполь)

...Воспитанье производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитает себя тот, который воспитывает других. Уже достаточно присутствовать только в обществе воспитанных и добросердечных людей, чтобы от них нечувствительно набраться и себе самому того же. Я поместил тебя к Прасковье Ивановне совсем не затем, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сделаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми, тогда как если бы ты осталась тогда в доме, ты бы еще более раздражилась в характере от беспрестанных ссор и споров с сестрой. Но, живя там и видя перед собой беспрестанно светлое, исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лице своем больше светлости и спокойствия. Так достаточно даже и немного времени проработать в той комнате, где приуготовляются ароматы, чтобы пахнуть потом

и самой. Итак, будь светла и добра, как Прасковья Ивановна; умей только привязать к себе воспитанник своих так, чтобы они любили тебя без памяти, и они воспитаются сами собою. Тебя же бог не обидел умом, а потому ты еще более можешь сделать, если только наполнишь свой ум таким запасом, который будет пригоден в рассказы детям. Чего нельзя передать тому, кто нас любит? Чего не примет от нас тот, кто нас любит? Путем любви можно все передать человеку... От упреков моих не приходи в сокрушение: ты видишь — я сегодня попрекну, завтра похвалю. Таков уж человек; в нем пребывает рядом одно с другим: и то, что достойно похвалы, и то, что достойно порицания. Хотя я тебе каюсь гораздо совершеннее тебя, но во мне также пребывают они рядом, а потому я не смущаюсь ни от какого упрека, но благодарю за него, потому что он заставляет меня постороже взглянуть на себя. Но покамест довольно. Обними за меня обеих сестер... Пиши чаще и больше.

Тв(ой) б(рат)

А. В. ГОГОЛЬ

(Около 12 декабря н. ст. 1847. Неаполь)

От Шевырева¹ ты получишь несколько книг, которые ты должна будешь прочесть вместе с племянником, потому что они собственно для него. Но я бы хотел, чтобы ты их прочитала тоже. Они могут и тебя несколько навести на то, что именно нужно знать тому, кто бы захотел бы истинно честно служить земле своей. Тебе это нужно, чтобы уметь внушить своему племяннику желание любить Россию и желанье знать ее. Прочитай особенно книгу самого Шевырева «Чтения русской словесности». Они тебя введут глубже в этот предмет, чем племянника, потому что он еще дитя, и ты будешь потом в силах истолковать ему многое, чего он сам не поймет. Старайся также внушить ему, что на всяком месте можно исполнять свято долг свой, и нет в мире места, которое бы можно назвать было презренным. Всякое место может быть благоустроено, если будет на него благородный человек... Проси его слушать повнимательнее преподавателей, чтобы пересказать потом тебе, уверь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. Тебе это удастся, я знаю. Тогда тебе лучше откроется, что он такое и к чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тот, кто *желает* учиться и быть полезным земле своей, тот сумеет научиться и у профессора не очень умного, а кто не имеет этого *желанья*, тот не научится ничему и у наименьшего учителя. Чтобы он не научился не радеть и о самой науке из-за того только, что учитель не совсем хорош. Но чтобы чувствовал, что тогда еще больше нужно *работать* самому, когда учитель не так хорош. Но довольно. Напиши обо всем, что тебе придет в ум по поводу этого письма.

Е. В. ГОГОЛЬ

(Март — апрель 1850. Москва)

Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грабочку и сама своими руками разведешь для меня хоть репы на соус. Ты жалешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью, это не наше дело... наше дело любить. Только мне кажется, любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. Стало быть, размысли об этом, моя добрая и временами весьма неглупая сестра, не в тебе ли самой причина. Над собой нужно бодрствовать ежeminутно. Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая черствость, такое озлобление, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нем для любви. И натура наша делается только раздражительная, но не любящая...

М. И., А. В., Е. В. и О. В. ГОГОЛЬ

Одесса. 1851. 4 марта

...Мы глядим беспрестанно на то, что скажут люди. Оттого и беспокойно у нас в душе, и имение в расстройстве, и издержки за издержками, и голова идет кругом от хлопот, и раскаянье гложет при виде, как на всяком шагу делается нами опрометчивая издержка, тогда как деньги нужны были на гораздо нужнейшее. Например, и в теперешнем письме вы говорите, что деньги употреблены на шубу. — лучше бы употребить на посуду... и кое-что нужнейшее для хозяйства. А что было виной? Старшая сестра моя по своей обычной опрометчивости имела неблагоразумие шепнуть вам: «Люди будут говорить: вы похожи на просительницу». И этих слов было достаточно. Вот что значит слово: люди! Позабыты вдруг все соображения, отнялось предвиденье в даль, взоры на будущее, что всякую минуту нужно ожидать повести, требования от казны и проч. и проч. О, пусть погибнет эта обманчивая, заводящая человека в бездну и в погибель философия: *соображаться с тем, что скажут люди!* Пора нам приняться наконец за главное дело и, бросив всякие наружные украшения, каких требуют люди, позаботиться не в шутку об украшении душ... А вам особенно совету, мои

¹ С. П. Шевырев (1806—1864) — поэт, критик, историк и теоретик искусства, публицист, профессор Московского университета, академик. Друг Н. В. Гоголя.

сестры, читать в это время наиболее такие книги, которые обличают и поражают душу, никак ее не щадя, но выказывая всю некрасоту ее. У всех просите себе обличенья и указания всех ваших недостатков. А сами всех прощайте, в том числе и меня.

Ваш весь Н. Гоголь...

А. В. ГОГОЛЬ

(После 22 мая 1851. Полтава)

Любезная сестра Анна!

Во всем божея воля; ничего не совершается без воли божьей. Так говорят — одни потому, что в этом убеждены, другие потому, что слышат, как это говорят другие... Но все, однако ж, не знаю, правы ли были бы вместе с сестрой, уладивши это дело в секрете, без предварительного совещанья с матерью или хоть даже и со мною. Уверенность в благоразумии своих поступков вредит нам много даже и в малых вещах, а дело нынешнее очень важно, так что, признаюсь, я не могу понять, отчего ты предалась такому восторгу. Я здесь не вижу, чему еще радоваться: ни он, ни она не имеют ничего. Конечно, бедность еще бы не беда, если бы сестра моя Елисавета была причтена к деятельной, трудолюбивой жизни, если бы она умела терпеть, переносить, если бы наконец имела ту безоблачную, ясную ровность характера, с которою человек счастливи везде, куда бы его ни бросила судьба, но при наименьшем этого... что ни говори — страшно. Конечно, я могу утешаться тем, что ни в счастье, ни в несчастье сестры я не виноват: совета моего не спрашивали, но тем не менее сердце мое болит, я не могу предаться радости, не видя залогов будущего счастья. Он всем нам мало известен. В два-три раза, в которые я его видел, я могу только сказать, что я не заметил в нем ничего дурного; вы не судьи: какой же жених не будет стараться показаться своей хорошей стороной тем, у которых заискивает? — И так, в будущем покуда потьма и неизвестность! А как вспомню при этом, сколько у Лизы всяких мелких капризов, которые и хорошего человека обратят к ней своей дурной стороной, сердце скорбит пуще... Зная, что счастливые супружества бываю уделом только тех, над которыми почивало неотлучное благословенье родителей, которые не огорчали их ни поперечным словом, ни поперечным поступком, я должен вас молить, чтобы хоть в продолжении месяца или двух недель глядеть на мать свою, как на святую, исполняя малейшие ее желанья, не прекословля ей ни в малейшей безделушке, чтобы получить истинное растроганно-признательное благословенье, исполненное слез за детей своих, тогда я бы не боялся ни за какое бы ни было супружество...

Твой любящий тебя брат Николай.

Е. В. ГОГОЛЬ

(После 22 мая 1851. Полтава)

Любезная сестра Елисавета!

Письмо твое меня смutilo... Шаг твой страшен: он ведет тебя либо к счастью, либо в пропасть. Впереди все неизвестно; известно только то, что половина несчастья от нас самих... Рассмотрим строго всю свою жизнь. Ни в чем себя не оправдывая, но лучше обвини во всем. Много есть в нас таких качеств и свойств, которыми наносим мы неприятности и вред другому и которые, покуда еще не связана с нами судьба другого, сами по себе еще не так важны, но в супружестве бываю причиной полного несчастья обоих. Вспомни сама, что не было человека, с которым бы ты не поссорилась, и не было приятельницы, с которою бы, пожив несколько времени вместе, не произошло между вами какой-нибудь размолвки, — а ведь с мужем нужно прожить весь век. Не почитай ничтожными вещами все эти, по-видимому, мелкие капризы и упорства, старайся от них всеми силами избавиться за благо-временно, теперь же, потому что (они) бываю причиной охлаждений друг к другу, страданий непрерывных и наконец вечных разрывов. Ты в радости — я дрожу за тебя. Одна мысль о том, как тебе трудно сделаться хорошей женой, которая вся должна быть одно послушанье и небесная кротость, вводит страх неизъяснимый в мою душу, особенно, когда помыслию о том, что тебе даже неизвестна эта добродетель, что ты не слушала меня ни в чем, что я тебе советовал для твоей же пользы, и что в то время, когда сестры твои по мере сил старались исполнить хотя десятую долю моих советов, тебя никакими убеждениями и просьбами нельзя было заставить даже попробовать своих сил. Как вспомню это — не могу не бояться, не могу радоваться счастью, которого я еще не вижу...

Твой от всей души желающий тебе счастья брат
Н. Г.

Е. В. ГОГОЛЬ

Москва. Июля 14 (1851)

Милая сестра моя Елисавета! Письмецо твое с известием об обручении получил. От всей души желаю, чтобы супружество ваше было счастливо *вплне*... Пожалуйста, уговаривай всех в доме не делать никаких сборов и приготовлений к твоей свадьбе. Они будут для тебя, по доброте своей, лезть изо всех сил и жертвовать всем, чтобы накопить тебе всякого тряпья, но всякий сундук будет тебе в тягость: ты — женщина походная, твой муж военный, у которого квартира не должна быть велика, а потому не следует стеснять ее и загромождать жениным дряггом. Толкуй, пожалуйста, всем это. Я видел и графинь, выходивших замуж за военных и у которых, кроме узелка и небольшой штатилки, ничего не было. В этом

случае можешь не послушать старшей сестры, которая несколько заражена страстью ко всему парадному. Приду-мать какую(-то) кофь-карету — это, пожалуй, было бы даже вроде великодушного движенья со стороны того, кто бы сам купил ее на свои деньги. Но делать предписанье мне, не сообразя, есть ли какая-нибудь на это возможность, не рассудивши притом, что в один месяц не делается никакой экипаж, и который (и не беретса) мастер здесь в Москве сделать (иначе как) в год... Грустно бывает, когда с опрометчивостью соединяется еще и безболезность к положенью близкого человека. Друг мой сестра! Неужели ты думаешь, что я пожалел бы помочь тебе? Но войди в мое положение: говорю тебе, что если я умру, то не на что будет, может быть, похоронить меня, вот какого рода мои обстоятельства. Я думал было, приехавши в Москву, поправить житейские дела свои, но встретил препятствия на всяком шагу. Денежные обстоятельства мои плохи. Да и признаюсь, полная бедность гораздо лучше средственного состояния. В средственном состоянии приходят на ум всякие замашки свыше состояния; и кофь-карета, и досада на то, что не в силах ее сделать, и мало ли чего на каждом шагу. А когда беден, тогда говоришь: «я этого не могу» — и спокоен. Милая сестра моя, любви бедность, тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат. Истину говорю тебе и чем дале живу, тем более ее чувствую. Недаром бог не хочет, чтобы иные люди были богаты: трудно богатою спастись. Скажи тебе все это, буду, однако ж, всячески стараться достать хоть сколько-нибудь денег, чтобы купить для вас маленькую поддержанную колясочку, иногда они достаются дешево, и если будет возможность и средства, приеду, может быть, в ней сам, но ничего не могу обещать наверно, как бы ни жалелось мне обнять тебя лично, поздравить и пожелать всякого добра, добра истинного, прекрасного, а не ложного и обманчивого, за которым так гонятся люди.

Твой весь брат Николай...

А. В. и Е. В. ГОГОЛЬ

Москва. Июль (1851).

О суете вы хлопчете, сестры. Никто ничего от вас не требует — так давай самим задавать себе и выдумывать хлопоты! Жених — человек неглупый: просит и молит о том только, чтобы ничего не готовить, так давай самим. Не спорю, что хорошо бы и то и другое, да если нет, так что тут хлопотать? На нет и суда нет. Тут хоть тресни, а из ничего и сварить ничего. Тут как пусть себе ни досадует сестра Анна (которая любит вперед почитать план, не спросив с карманом, а потом выходить из себя, когда план не выходит, как ей хочется) — не даст бог возможности, ничего не сделаешь. А мой совет — свадьбу поскорей да и без всяких приглашений и затей: обыкновенный обед в семье, как делается это и между теми, которые нас гораздо побогаче, — да и все тут. А какой-нибудь щербетные-соседке, любящей потолковать о приданом, сказать, что это не все, что обещал, мол, брат выслать белья и всего из Москвы через месяц — и ни слова больше. Хотел бы очень приехать если не к свадьбе, то через недели две после свадьбы — но плохи мои обстоятельства... Но наше дело — покорность, а не ропот... Даже и самое лицо светлеет, когда в душе обитает покорность, точно так же, как безобразно свирепеет оно, когда бес нетерпеливый колеблет душу... Молитесь обо мне: я сильно изнемог и устал от всего.

Любящий ваш брат Николай Г....

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ

Завещаю доходы от изданий сочинений моих, какие ни выйдут по смерти моей, в собственность моей матери и сестрам моим на условии делиться с бедными пополам. Как бы ни нуждались они сами, но да помнят вечно, что есть на свете такие, которые нуждаются еще более их. Из бедных же должны они помогать только таким, которые возмужают желание искреннее переменить жизнь и сделаться лучшими, для чего им следует подробно входить в обстоятельства и положение каждого бедняка и помогать не прежде, как совершенно его узнавши; деньги эти приобретены не без труда, а потому и не должны быть брошены на воздух... По кончине моей никто из них уже не имеет права принадлежать себе, но всем тоскующим, страдающим и претерпевающим какое-нибудь жизненное горе. Чтобы дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обиталище помещика; чтобы всякий, кто ни привезжал, был ими принят как родной и сердцу близкий человек, чтобы радушно и родственно расспросили они его обо всех обстоятельствах его жизни, дабы узнать, не понадобится ли в чем ему помочь или же, по крайней мере, дабы уметь ободрить и освежить его, чтобы никто из их деревни не уезжал сколько-нибудь не утешенным. Если же путник простого звания привикнул к нищенской жизни и ему неловко почему-либо поместиться в помещичьем доме, то чтобы он отведен был к зажиточному и лучшему крестьянину на деревне, который был бы притом жизни примерной и умел бы помогать собрату умным советом, чтобы и он расспросил своего гостя так же радушно обо всех его обстоятельствах, ободрил, освежил и снабдил разумным напутствием, донося потом обо всем владельцам, дабы и они могли, с своей стороны, прибавить к тому свой совет или вспомоществование, как и что найдут приличным, чтобы таким образом никто из их деревни не уезжал и не уходил сколько-нибудь не утешенным.

(1845)

Сонет доступен только мастерам,
А нам—
чапушки иль чего попроче,
Нам—соловьи банальные и роци,
Хмельных ветров напевы по утрам...
А если мы устали от зарниц?
А если нам, крылатым, неба мало!
А если мы трезвы, как стая птиц,
И нам той высоты недоставало?!
Неведомы нам тайные пути,
Мы знаем, как в историю войти.
На каждый век у нас свои пароли.
«Без страха и сомнения вперед,
Работайте, а слава вас найдет!»—
Учили нас в литературной школе.

2

Учили нас в литературной школе,
А мы порой над мыслью не вольны,
И сердце, словно лодка на приколе,—
Ни бурь ему житейских, ни волны!
Теперь друзей, как говорят, не густо...
Ах, годы, годы—вешняя вода!
Забывчивость прощительна тогда,
Когда она не подменяет чувства.
Как превратит
слова немые в крики?
Ни память не поможет нам, ни книги,
Когда приходит творчеству пора.
Есть у искусства лишь одна основа,
И звук пустой
сам превратится в слово,
Но если кровью он течет с пера!..

3

Но если кровью он течет с пера,
То станет Чувством,
станет светом вечным
Твой долгий взгляд,
чужим и быстротечным
Мгновением показавшийся сперва.
Живым испепеляющим огнем,
Моим страданием,
ненавистью, страстью —
Стремленьем к Истине,
порывом к счастью,—
Весь мир огромный отразится в нем.
Души тяжелый занавес закрыт,
Но кто-то там без устали твердит
Былой судьбы заученные роли...
Я не хочу!..
Мне нет пути назад!..
И светит мне моей любимой взгляд,
Освобождая от великой боли!

4

Освобождая от великой боли,
Пришли герои—
«Быть или не быть?»
Мне вместе с ними
мыслить и любить,
И не ищу я в жизни большей доли.
Гляжу на их падения и выси
И погружаюсь в глубину веков.
Но отчего у них твой терпкий слог,
Твои глаза, движения и мысли?
В искусстве есть невидимые грани.
Переступи! И станет миф реален...
Ты грань прошел—и кончена игра!
Художник,
не страшись того предела!
В своем стремленьи
Землю переделай
Как не рискнуть?
Чуть дальше, чем вчера!..

5

Как не рискнуть!
Чуть дальше, чем вчера,
Явился белый лебедь
в поле чистом
И подарил нам два больших крыла,
Оставив их на травах серебристых.
Два на двоих!
Нам мало по крылу!..
Кому-то надо
на Земле остаться...
— Лети, любимый!..
Мне ли сомневаться...
Ты не взлетишь, я все равно умру.
Что я тебе оставил, кроме ран?
Любой поэт, по существу, тиран.

МОМЕНТА

ВЕНОК СОНЕТОВ

В душе открытой
есть свои заставы.
— Люби меня!..—
просил я об одном.
И полетел. И на небе седьмом
Вкусил я унижения и славы!..

6

Вкусил я унижения и славы.
Поверь, что это было нелегко,
От униженья к славе далеко,
Я думал,
годы ждут здесь переправы!
Какая ослепительная ложь!
Они близки до головокруженья.
Без солнца
не созреет в поле рожь.
Рожь золотая—солнца отраженья.
Быть гордым
иль пойти на компромисс?..
Взбираться вверх
иль опускаться вниз?..
Не все ль равно?..
И, может, люди правы,
Что я потерял для себя и всех...
Я знал улыбки лживые и смех,
Теперь они явились для расправы!

7

Теперь они явились для расправы,
Презрев пустую суетность мою.
И нет на них ни слова, ни управы,
Но я и сам себя за то виню!
Средь небылиц моих и всяких былей
Я часто путал милых имена,
Но лишь одну тебя назвал любимой,
Любимой пронесу сквозь времена!
Тебе спасибо, что все это свято.
Что ты меня любила больше брата.
Жду счастья, как удара топора!..
Сбежались люди,
и сомкнулись фланги...
(Но кто это стоит—
палач иль ангел?..)
И громогласно требуют:—Пора!

8

И громогласно требуют:—Пора!
Сойди в долину, где свежо и дико.
Надень ружье, возьми с собою Дика,
Здесь до зари стучат перепела!
Вновь тяжелы российские поля!
Не торопись
палить в лису нулевкой,
А растворясь в природе
дымкой легкой,

Рисунок Игоря СУСЛОВА

Вдруг ощути,
что ты и есть Земля!..
И коль дано прожить мне
много жизней,
Лишь этот край
мне называть Отчиной!
Граница—в сердце!..
На земле—черта!..
С годами мы и опытней и строже,
Но ничего нет Родины дороже!
Душа моя, я знаю, не черства!

9

Душа моя, я знаю, не черства.
Ты отзовешься на любые крики.
И ты болишь, когда кричат безлико:
Пиши цветы, а Родину оставь!
Мне говорил,
вперя взгляд невинно,
Профессор
(с позволения сказать!),
Что Родину любить теперь наивно,
Но он хотел бы
все ж меня читать!..
Эх, критик!..
Землепашец без сохи!..
Хоть раз бы прочитать твои стихи,
Ведь ты о наших
говоришь искусно!..
Что б значил ты
без звонких причиндал?
Какую песню ты народу дал?
Я презираю праздное искусство!..

10

Я презираю праздное искусство
Людей высоких, словно фейерверк,
Искусства свет
в них уж давно померк.
Гляжу им в души—
там темно и пусто!
Скребются мыши по углам души,
Им кажется, что налепают муз.
Какие их соединяют узы
С неотвратимым и святым:—Пиши!
Как я устал от суетной игры
Седой литературной детворы,
Их правоты дешевой, как капуста!
Им проповедовать до немоты,
Марая белый лист до черноты
И стискивая голову до хруста!..

11

И, стискивая голову до хруста,
Я сам глядел за острый оком
Хребтов Тувы и сопок Златоуста—
Искал я слово, схожее с огнем!..

Я думал,
в слове все богатство века,
Что мы бессмертье
в слове познаем,
А не хватало просто человека,
Явившегося в обличье твоём!
Ты здесь со мною,
и не знаю, где ты!..
Но мы с тобой
друг другом обогреты.
Пусть ни реки меж нами,
ни моста!..
Что есть борьба!..
Что—разума свеченье?..
Не отвечай!..
Ведь нет у слов значенья,—
Ищу не слова—жажду естества!

12

Ищу не слова—жажду естества
Борьбы, Любви и Самоутвержденья!
Что без поступков наши убежденья!
Есть формула, но нету вещества!
В поступке—жизнь!..
И потому я снова
Твержу—критерий истины лишь он.
Смешон не тот, кого лишили слова,
А тот, который действия лишен!
Я ошибался много раз, но разве
Перо не наказание, а праздник,
Когда душа, как белый лист, чиста?!
В одном уверен, если я не струшу,
Коль пронесу непримиримой душу,—
Поэт тогда достигнет мастерства!

13

Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда забудет все слова и строки
Учителей и ласковых и строгих,
Свою песней зазвенит с листа!..
Когда, не помня вековых обид,
Весь мир простит,
как следует поэтам,
Даст имена свои чужим предметам
И все народы враз усыновит!..
Берущиеся праздню за перо,
О, как обжечься можно об него!
Предостеречь вас должно,
как ни грустно...
Вас клонит к поэтической гульбе,
Но человек открывает мир в себе,
Когда постигнет
в совершенстве Чувство!

14

Когда постигнет
в совершенстве Чувство,
Он остановит времени разбег.
И каждый миг свой проживет,
как век.
Есть Родина—
так будет и искусство!
Я не устану всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, любимая и мать!..
Проселками, ольхою, снегириями
Я пользовался, словно словарями.
Листал снега и доверял ветрам.
Еще не знаю, что мне скажут люди,
Но ловкий критик
вновь меня осудит—
Сонет доступен только мастерам.

15

«Сонет доступен
только мастерам»,—
Учили нас в литературной школе.
Но если кровью он течет с пера,
Освобождая от великой боли,—
Как не рискнуть!..
Чуть дальше, чем вчера,
Вкусил я унижения и славы.
Теперь они явились для расправы
И громогласно требуют:—Пора!
Душа моя, я знаю, не черства.
Я презираю праздное искусство.
И, стискивая голову до хруста,
Ищу не слово—жажду естества.
Поэт тогда достигнет мастерства,
Когда постигнет
в совершенстве Чувство!..

Петр НОВИКОВ,
специальный
корреспондент «Смены».
Фото автора

ПУШКИНСКИЙ СЮЖЕТ В СВЕРДЛОВСКЕ

Однажды вечером, вернувшись с работы, слесарь-сборщик Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске Константин Иванович Шанцев загляделся на игру шестилетней дочери. Полина собрала своих кукол в кружок и читала им стихи, поочередно предлагая затем сделать то же самое каждой из «слушательниц».

— Во что играешь, Полюшка?
— В тетю Лину, папа,— последовал ответ.
И тогда Шанцев вспомнил, что недавно Поля ходила на очередной пушкинский вечер к тете Лине... Пушкин есть Пушкин. Любят его и большие и

маленькие, каждый по-своему, но обязательно преданно и взволнованно. Но чтобы дети, которых не обманешь ложной искренностью, играли в любителей изящной словесности?! Захотелось взглянуть на легендарную тетю Лину.

...Тетя Лина— инженер одного из свердловских заводов Эвелина Владимировна Проскуракова — оказалась очень приятным, сдержанно-корректным человеком, матерью двоих уже взрослых детей. Это к ней, к Эвелине Владимировне, восемь лет назад пришли в назначенный день первые приглашенные — товарищи по работе, объединенные любовью к пушкинским стихам и к личности поэта.

— ...Кто она такая, эта Натали?— шел спор на

ОДНА ЛЮБОВЬ ОБЪЕДИНЯЕТ ЭТИХ СТОЛЬ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ — ЛЮБОВЬ К ПОЭЗИИ ПУШКИНА.

одном из вечеров, специально посвященном трагической и счастливой любви поэта.— Злой гений Пушкина или же ангел истинного чувства?

Люди разных профессий и возрастов воспринимали личные проблемы Гончаровой и Пушкина как свои, сегодняшние.

Возможно, в таких вот спорах и не откроется новая для пушкинистов-профессионалов истина, но обязательно прорастут любовь, сострадание. «Пушкин— это учитель наш, врач,— говорил в одном из своих выступлений директор музея в Михайловском С. С. Гейченко.— Любимой может всегда прийти к Пушкину и сказать: «Александр Сергеевич, что-то не так у меня, боль...» И Пушкин всегда поможет».

А открытие для себя или ближнего своего Поэта, разве это так уж мало?

Благодаря подвижничеству Эвелины Владимировны десятки людей приобщились к пушкинской поэзии. Многие из них узнали про клуб «Муза» из передачи местного телевидения «Заветная полка». Причем телевизионщики проводили о вечерах Проскураковой тоже случайно. Очередная передача предполагалась из квартиры одного свердловского любителя отечественной словесности, рьяного собирателя всевозможных пушкинских реликвий. В его-то архиве и обнаружили эlegantный самодельный билет-приглашение на очередной поэтический вечер.

Собираются они в коммунальной квартире у Проскураковой, в двух ее комнатках, общей площадью чуть больше двадцати метров. Бывают пять, двенадцать, семнадцать, а то и все двадцать человек. С Пушкиным встречаются здесь, как говорится, «при любой погоде». Собираются не по календарному случаю, а когда большинство любящих поэзию Пушкина свободны от повседневных забот. В этом году, как известно, праздновалось 185-летие со дня рождения поэта. Естественно, «Муза» не могла пройти мимо столь знаменательного события и посвятила ему отдельный вечер. Предмет же для разговора в обычные, неофициальные вечера может предложить любой желающий.

Здесь беседуют об адресатах пушкинской лирики, о пушкинском Петербурге, о годах странствий поэта, о «суровом декабре» 1825-го, о лицейстах... Если есть желание рисовать на мотивы ученого кота, золотой рыбки— этим обычно увлекаются пушкинисты до тринадцати лет,— рисуй! Быть может, удастся заработать памятный приз. Рассказы о паломничестве в пушкинские места чередуются с демонстрацией слайдов. Звучит музыка. Периодически оформляются книжная выставка, где выставляются литературные новинки о поэте.

Под разговор пьют чай с самодельными пирогами. Я пробовал «Лицейский» и «Арап Петра Великого» — очень вкусно! Под чай вручают призы вечера — за активность, за точность прихода, за то, что пришел в первый раз, за... В общем, количество и наименование призов — величины непостоянные и колеблются в зависимости от конкретных обстоятельств.

Собственно, пирогами, открытками, значками и другими недорогими сувенирами и исчерпывается «материальная база» «Музы». Не считая, конечно, личной коллекции пушкинских реликвий, которую Эвелина Владимировна предоставила в полное распоряжение своих гостей. Ну, а наслаждение, полученное от хороших стихов и выступления товарища, душевный подъем от вечера, проведенного с единомышленниками, — разве это не самый важный приз!

Есть еще у «Музы» нечто вроде «подушной книги». Здесь оставляют свои автографы все, кто пришел. И за восемь лет в этой книге накопилось немало интересной информации о свердловских пушкинолюбцах и их верности предмету своей любви. Шестилетняя Полина Шанцева, например, давно уже расписывается самостоятельно. Последнее время к Эвелине Владимировне приходят семьями: папа, мама, сын или дочь.

Конструктор. Патентовед. Школьник. Инженер. Слесарь-сборщик. Комплектовщица. Преподаватель литературы. Хормейстер. Директор школы. Музыкальный руководитель детского сада. Библиотекарь. Пенсионер...

Трогательно бережет Эвелина Владимировна ту атмосферу любви и согласия, которая неизменно царит на вечерах в двух ее тесных комнатках. Ведь бывает, что апробированная методика часто мертвым грузом сваливается на едва окрепший росток нового дела и губит его шаблонными установками... Будем надеяться, что с «Музой» этого не случится.

...Я спросил у президента «Музы», на сколько же еще вечеров хватит энтузиастам пушкинской жизни.

— Как на сколько? — искренне удивилась Эвелина Владимировна.— Это же Пушкин!
Мне стало неловко.

ИГРАЕМ В СПЯЩИХ

В половине двенадцатого Симаков высадил меня у автозаправочной станции на въезде в город.

— Ну-ну, не вешай нос, лейтенант,— сказал он напоследок.— Ты сделал все, что мог, даже больше. Закончим дело, благодарность тебе объявим по управлению.

Это было слабое утешение, и, глядя на удалявшиеся габаритные огоньки «Москвича», я старался умерить чувство досады, которое оставил во мне наш разговор.

Как ни лестно слышать похвалу, факт остается фактом — с нынешнего дня меня отстраняли от дальнейшего выполнения задания. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Я опустился на лавку, вкопанную у остановки, и в ожидании рейсового автобуса стал перебирать подробности нашего трехчасового свидания, хотя в моем положении это уже не имело никакого значения. С тем же успехом я мог считать проносящиеся мимо автомобили или деревья, стоящие по ту сторону шоссе,—результат был бы тот же самый. Но, видно, слишком велика была сила инерции, слишком глубоко завяз я в этой истории, чтобы вот так, разом, выйти из игры. Думать не мог мне запретить даже Симаков.

Поначалу все шло гладко.

Мы окружили по улицам, потом Симаков вывел машину на шоссе и погнал ее по направлению к аэропорту. Скорость была приличная, и я помалкивал.

На одном из поворотов мы притормозили и свернули к железнодорожному переезду. «Москвич» подбросило на ухабах, качнуло из стороны в сторону, и под колесами зашуршала галька.

В полной темноте мы проехали еще с полсотни метров. Остановились. Симаков заглушил двигатель.

Секунду-другую в ушах еще стоял дорожный гул, потом наступила тишина. Симаков достал свой «Беломорканал», по привычке потарахтел спичками и закурил, пувств по кабине синеватый табачный дым.

— Ну выкладывай, Сопрыкин. Что нового?— Он повернулся влолборота и приготовился слушать.

Я начал с того, чем закончил в прошлый раз,—с анонимных писем, которые отдала мне Нина. Затем описал посещение парикмахерской и участие в субботнике.

— Это еще зачем?— нахмурился он.

Чтобы не пускаться в длинные объяснения, я слегка подтрунировал действительность:

— Гулял по набережной, случайно столкнулся с Ниной, ну и...

Поверил он или нет, не знаю, но последовал кивок, означавший, что я могу продолжать.

Посещение магазина и обнаруженная в почтовом ящике записка вызвали у него интерес. Когда с уточняющими вопросами было покончено, Симаков спросил:

— Записка у тебя с собой?

— С собой.— Я передал ему послание Стаса.— Там должны быть отпечатки мои и Нины.

— Ясно.— Взявшись за уголки, он развернул бумагу и поднес ее к лампочке. Прочитав, так же аккуратно сложил и спрятал в целлофановый кулек.— Дальше?

О моих приготовлениях к свиданию в «Страусе» слушал молча, но стоило перейти к самому свиданию, остановил:

— Погоди, Володя. Давно хочу спросить: что за отношения у тебя с этой девушкой?

— Нормальные отношения.— Я почувствовал, как мои щеки меняют цвет на кумачово-красный.

Ответ явно не удовлетворил Симакова. Надо было что-то говорить, но слов, как назло, не было, и с отчаяния я ляпнул первое, что пришло на ум:

— Между прочим, ваша газета, Игорь Петрович, за сегодняшнее число.

— Какая газета?

Я понимал, что сморозил глупость, однако отступать было поздно.

— В которую продукты завернуть.

— При чем тут газета?— удивился он.

— При том, что не могла ваша супруга утром завернуть в нее бутерброды. «Вечерка» выходит во второй половине дня, после пяти...

Он тщательно затянул окурки и только после этого сказал:

— Насчет газеты ты прав. Продукты я у ребят конфисковал, когда к тебе собирался, думал, голодный ты. Но к нашему разговору это никакого отношения не имеет. Так что, Сопрыкин, зря ты мне зубы заговариваешь. Я тебя о чем спрашиваю?

По опыту наших телефонных собеседований я догадался, что сейчас последует вспышка, и тушить ее мне было нечем.

— Это что ж получается?!— начал Симаков на нижних регистрах.— Нина отдала тебе письма. Нина рассказала тебе о муже. Нину ты случайно встретил на набережной. Она же представила в твое распоряжение магнитофон, мало того, согласилась позвонить в бар спустя полчаса после того, как ты туда заявись.— Оборвав на высокой ноте перечень обличающих меня улик, он закончил в прежней тональности.— Ты вообще улавливаешь разницу между личными делами и служебными?

Удар был, что называется, не в бровь, а в глаз.

— Ты понимаешь, что ставил под удар не только себя, ее, но и все дело в целом?

Я кивнул, вперившись в резиновый коврик под ногами.

— Ты что, сказал ей, кто ты?

— Нет, товарищ подполковник, этого не было...

— И на том спасибо,— буркнул он. Опять повторился ритуал с коробком.— Она знала, зачем ты идешь в бар?

— Знала,— выдавил я.

— Послал бог помощничков...— Он проворчал еще что-то, чего я, к счастью, не расслышал.— Ну давай повествоуй, герой, не по слову же из тебя вытязгивать.

Делать нечего, я отступил на три дня назад и при полном безмолвии Симакова вспомнил все: и сидящую на приступках девушку, и книгу, и свою болезнь, вспомнил вчерашнюю грозу, ночной разговор в беседе и записку. Завершив круг, вернулся к отправной точке, то есть к половине пятого, когда, уложив в сумку магнитофон и кассеты, мы с Ниной обсудили последние детали перед тем, как мне отправляться в «Страус».

— Стало быть, так,— после продолжительной паузы произнес он.— Если я правильно понял, ты ей полностью доверяешь?

Самое трудное осталось позади. Признание далось нелегко, зато теперь мне нечего было скрывать.

— Доверяю, Игорь Петрович.

Он вздохнул.

— В общем, распекать я тебя не буду. По многим причинам. Во-первых, и свою вину здесь вижу: не предостерег, не учел, что опыта у тебя маловато. Да и смысла теперь нет: сделанного не воротить.— Он покрутил в руках погасшую папироску и ткнул ее в пепельницу.— Что касается Нины, тебе повезло. Выводы делать рановато, но, кажется, она девушка хорошая и в этом деле не замешана. Если, конечно, не считать, что ты ее в помощницы к себе определил...

Улыбку свою оставь. Повторяю: поведения твоего не одобряю. В силу личных обстоятельств ты давал неполную, а следовательно, искаженную информацию. Не будь это первое твое задание, мы бы иначе разговаривали. В другой раз...

— Другого раза не будет, Игорь Петрович.

Он посмотрел на меня долгим, испытывающим взглядом, будто решая сложное уравнение, где искомым был я, игроком — Нина, а за знаком равенства — чистое место, которое ему предстояло заполнить.

— Боюсь, Володя, не все так просто, как ты думаешь,— глухо сказал он, и я ясно почувствовал, что ему известно что-то, в чем он пока не уверен и что имеет ко мне самое прямое отношение. Поколебавшись, он решил, что напрасно затронул эту тему.— По-

ждем до завтра. Мне и самому еще не все ясно.— И подвел черту под этой частью разговора.— Продолжим, время не ждет. Что там у тебя с записью получилось?

Лучше б он меня выругал. Нина к делу непричастна — он сам сказал это. Что же тут неясного? И почему надо ждать до завтра?

Я извлек из сумки магнитофон, вставил кассету и перемотал пленку.

Прослушивание заняло полчаса — ровно столько, сколько длилась запись в «Страусе».

В том месте, где Стас упомянул об английском замке, Симаков попросил остановить пленку.

— Любопытно,— сказал он, задумчиво поглаживая подбородок.— Стас не сомневается, что ты помогал Кузнецову. По-моему, он не стал бы тебе врать насчет замка, как считаешь?

— По-моему, тоже.

Симаков делал первые шаги на пути, который я успел пройти от начала и до конца. Это приятно щекотало самолюбие. Соблазн показать ему лежавшую в заднем кармане брешь схему был велик, но никакие силы не заставили бы меня выложить этот свой трофей раньше времени.

— Разрешите вопрос, Игорь Петрович?

— Да,— автоматически отозвался Симаков. Он все еще плутал в дебрях гостиницы, отыскивая среди сотен замков тот единственный, который я нашел двумя часами раньше.

— Стас где-нибудь работает?

— Работает. В порту, на буксире. Сейчас оформляет документы в заграничье.

— В заграничье?!

— А ты думал, для чего он валюту копит?— Симаков поднял кулек и присоединил кассету к записке, положенной туда раньше.

— Когда говоришь, Стас предъявил свой ультиматум?

— Не знаю, Игорь Петрович. Скорее всего в сентябре.

— Из чего ты это заключил?

— Он только число назвал, пятнадцатое, а месяц упустил. Так говорят, когда срок не выходит за пределы одного месяца.

— Возможно,— согласился он.— Получается, у Кузнецова было время — неделя или даже больше. Мог продать что-нибудь из вещей или занять.

— Зачем ему занимать?— возразил я.— Просто Стас ускорил события. Кузнецов давно задумал воспользоваться его идеей, да не решался, а после предупреждения нашел себе другого напарника и сам хапнул деньги.

Симаков реагировал неожиданно бурно:

— Что же он раньше не хапнул?! Чего ждал? Возможностей у него, по-твоему, не было? Он же не один год работал в «Лотосе», если б захотел, без всяких напарников выручку бы похитил. Что молчишь?

— Мне это как-то в голову не приходило,— признался я.

— Зря не приходило. Кузнецов считался хорошим работником. Это что-нибудь да значит... Ладно, Сопрыкин, давай дальше.

В предельно сжатой форме я рассказал о том, чем окончились наши переговоры со Стасом, о машине Витька и об эпизоде в Якорном. При этом умышленно избегал каких-либо комментариев. Хотелось, чтобы картина была предельно объективной.

Я вышел из машины. С моря тянул ветерок. Поднялась небольшая волна. В темноте, у самого берега, узкой белой полоской вскипала пена.

Свернув полотенца, я вернулся в машину.

— Итак, что мы имеем?— Загибая пальцы, Симаков пункт за пунктом перечислил основные моменты из моего доклада:— Записка Стаса — встреча в «Страусе» — валюта — английский замок — вмятина на машине бармена — попытка наезда в Якорном переулке. Я ничего не пропустил?

Пришла пора предъявить главный свой трофей. Я достал из кармана схему.

— Кроме вот этого, Игорь Петрович.

Получилось несколько театрально. Он посмотрел сперва на меня, потом на листок, взял его, поднес к свету и тут же удивленно вскинул на меня глаза, как бы спрашивая, что это я ему подsunул. Потом наклонился и с минуту разглядывал мои каракули.

Когда он выпрямился, я впервые увидел, как улыбается мой начальник.

— Ох и пижон же ты, Сопрыкин, ох пижон! Замок-то как открыл?!

За первым последовал еще добрый десяток вопросов, после чего я не отказал себе в удовольствии сделать общий вывод:

— Их было двое, теперь это установлено точно. Элементарный расчет показывает, что Кузнецову кто-то помогал.

— Да, брат, это тебе не кража с пляжа. Преступник сделал все, чтобы создать видимость, будто Кузнецов действовал в одиночку. Этим и устраивал его план Стаса. Твой дружок из «Страуса» тоже надеялся, что

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

после случившегося все подозрения падают на Сергея, потому и хотел, чтобы тот скрылся, уехал из города, прихватив в виде компенсации половину выручки. То же самое делает и реальный преступник. Он приводит план в исполнение и пытается выдать Кузнецова за грабителя-одиночку. Ему это выгодно — стоит убрать Сергея, и все нити разом обрываются.

— Но это глупо. Неужто он всерьез рассчитывает, что мы остановимся на одной версии?

— Никогда не берись судить за других, исходя из своего собственного опыта. Двух одинаковых людей не бывает, каждый рассуждает в меру своих, а не твоих способностей. — Отпустив шпильку, он не ограничился ею и еще раз прошелся в мой адрес: — Ну, а предполагать мы можем все что угодно, никому от этого не холодно и не жарко. Ведь двое в гостинице — это пока тоже всего лишь предположение. Не хочу тебя огорчать, но, видно, преступник понимает это лучше, чем ты. — Усмехнувшись, он добавил: — Это тебе за газету.

— Пусть так, — согласился я. — И все-таки не понимаю, зачем вы будете нападать на меня, к чему этот спектакль в Якорном?

— Ну, Якорный — это закономерно. С момента прихода на Приморскую ты действовал почти в открытую, на виду и таким образом заставил противника себя обнаружить. Возможно, он догадывается, кто ты, а может, принимает за настоящего знакомого Кузнецова, эдакого авантюриста, который прослышал об ограблении и тоже присоединился к поискам пропавших сокровищ. И в том и в другом случае его беспокоят твои встречи с людьми из «Страуса»...

Симаков, снимая усталость, протер лицо ладонями и замолчал. Последние минут десять меня не покидало ощущение, что его мысли заняты еще чем-то, помимо нашего разговора.

— На чем я остановился? — спросил он.

— Вы сказали, что преступника тревожат мои контакты с людьми из «Страуса».

— Не тревожат — пугают. Особенно с Герасимовым. Встречу на толчке еще можно принять за случайность, но он приходит к тебе на Приморскую, ведет тебя в бар, оттуда на «тропу», к Стасу, а вечером вы снова встречаетесь в баре. Герасимов погибает под колесами автомашины. Однако тебя это не останавливает. Сегодня ты опять идешь в бар и проводишь там около двух часов. Как результат — машина в Якорном... Короче, будь я агентом «Госстраха», не выдать бы тебе, Сопрыкин, страхового полиса. У этого молодчика железная хватка...

— Обидно. Если б не туман, мы бы уже знали его имя.

— Разве дело только в этом?! — откликнулся Симаков.

— А в чем же еще? — удивился я.

Он не ответил, взял с сиденья часы и надел их на руку.

— И все же жаль, что я не смог разглядеть, кто сидел за баранкой.

Симаков неопределенно хмыкнул и обронил громко:

— Мы это знаем.

Мне показалось, что я ослышался, хотя привыкший к ночным шорохам слух уже не воспринимал ни шума моря, ни трескотни кузнечиков и цикад.

— Что знаете?

— Мы знаем, кто сидел за баранкой, — повторил он с прежним бесстрастным выражением. — Мы засекали его, когда он сворачивал из переулка на бульвар; сразу после того, как пытался тебя сбить. Ребятам удалось сфотографировать и машину и водителя.

Вот оно что!

Выходит, пока я шастал по задворкам гостиницы и упражнялся в картографии, операция благополучно завершена? Да, но к чему в таком случае весь предыдущий разговор? Зачем было расспрашивать,

делать вид, что это важно и нужно, если вот уже несколько часов как известно имя убийцы?!

— Противник решил на крайние меры, — продолжал Симаков ровным, я бы сказал, чересчур ровным тоном. — Остановить его может только твоя бездельность, твоя полная пассивность. А посему, Володя, с завтрашнего дня, а точнее, с этой минуты, ты освобождаешься от дальнейшего выполнения задания.

Если он поставил себе целью окончательно сбить меня с толку, то добился своего: мысли замескали, как стекляшки в калейдоскопе. Значит, преступник не арестован? Ускользнул? Или Симаков хочет протестировать его связи? Если так, то чем вызвана моя отставка? Соображениями безопасности? Но я же сейчас в самом выгодном положении, это надо использовать...

— Но, товарищ подполковник, какая необходимость... — заикнулся было я, но он не дал мне досказать:

— Ты свою миссию выполнил, и выполнил успешно.

— Я не о том, я хотел сказать...

— Знаю, что ты хотел сказать. — В его голосе прорезались резкие нотки. — Повторяю: с сегодняшнего дня ты выходишь из игры. Все, точка.

Он включил зажигание, развернул машину и уверенно погнался ее через кустарник по одному ему ведомой дороге.

До самого шоссе мы ехали молча, и лишь когда вышли на трассу, он заговорил подчеркнуто сухо, показывая тем самым, что время беседы по душам и на равных истекло:

— Приказы, лейтенант, не обсуждаются. Они выполняются. Это азбучная истина, и, надеюсь, мне не придется ее повторять...

Вступление не сулило ничего хорошего, и продолжение было выдержано в том же духе. Он припомнил мне и Нину, и вчерашний невывод на связь, и мою чрезмерную склонность к самостоятельности. Перебрав все большие и малые грехи, окончил:

— В розыске многое строится на индивидуальной работе, но труд у нас коллективный. Он требует дисциплины. Чем раньше ты это усвоишь, тем лучше.

Мы проехали мимо придорожного кафе.

Под легкой пластиковой крышей на ярко освещенном пятачке танцевало несколько пар. Они пронеслись как мираж, как плоское изображение на экране кинотеатра, в котором только что выключили свет. За поворотом нас снова обступила тьма.

— А теперь слушай и запоминай, Сопрыкин. Сегодня с твоей помощью мы вышли на преступника. Но, к сожалению, этого недостаточно. Остался невыясненным ряд важных вопросов. Нам нужно время: может, несколько часов, может, сутки, думаю, что не больше. Обстановка такова, что в течение завтрашнего дня ты должен оставаться на Приморской, но при этом категорически запрещаю тебе проявлять какую бы то ни было активность. Никаких контактов по твоей инициативе, никаких идей, никаких самовольных действий и инициатив. Ты понял?

— Понял.

Симаков сменил передачу, будто мой ответ снял ограничения в скорости.

— Что приуныл? Удивляешься, почему не говорю, кто сидел в машине? — спросил он и сам же ответил: — Я так думаю, что лучше тебе этого не знать. Иногда человека выдает случайно брошенный

взгляд, одно неосторожное слово, а после сегодняшнего инцидента преступник будет особенно внимателен. Нам нельзя рисковать.

Мне нечего было противопоставить его логике, и все же я возразил:

— Ну, а если я сам узнаю его имя, что тогда?

— Вряд ли у тебя это получится, — спокойно парировал он. — У тебя слишком мало исходных данных. — Последние слова он произнес не так официально, как прежде. — Учти, от того, насколько естественно ты будешь держаться, зависит многое, если не все. О деле постарайся забыть. Выброси его из головы. Завтра у тебя выходной. Ты абсолютно свободен. Отдыхай, купайся, загорай...

— Ясно, — сказал я не слишком бодро для человека, которому перепал внеочередной выходной день.

После серии полученных щелчков я ушел в себя, как черепаха под панцирь, и не испытывал ни малейшего желания высовываться наружу.

В стороне от дороги показались огни автозаправочной станции.

— Здесь я тебя высажу, — сказал Симаков, съезжая на обочину. — Доберешься городским транспортом. — И по установившейся традиции спросил: — Вопросы имеются?

— Имеются.

— Слушаю.

— А связь, Игорь Петрович? — схитрил я. — Как будем поддерживать связь?

Но он лишил меня и этой последней надежды.

— Никак и ни под каким видом. Ты абсолютно свободен. — Он протянул руку. — Ни пуха тебе, Сопрыкин. До завтра.

— До завтра, — ответил я без особого энтузиазма.

— Ну-ну, не вешай нос, лейтенант. Ты сделал все, что мог, даже больше. — И уже когда я открывал дверцу, добавил: — Закончим дело, благодарность тебе объявим по управлению.

4

Я был свободен. Абсолютно, как выразился мой начальник. Единственное, что мне запрещалось, — вмешиваться в события. Но разве я виноват, что именно этого мне хотелось больше всего?

Впрочем, запреты запретами, а события развивались по своим непредсказуемым законам, и никакие аргументы не могли в них что-либо изменить.

Стоило мне сойти с автобуса на ближайшей к «Лотосу» остановке и пересечь бульвар, как на самом углу Приморской я увидел такси, номерной знак которого показался мне смутно знакомым.

Я взял чуть левее, подошел к машине со стороны багажника и заглянул внутрь. Впереди, припав головой к рулевому колесу, сидел Шахматов. Я узнал его по густой шапке вьющихся волос, широкому, но по росту размаху плеч и куртке с рекламой «Мальборо» на спине — в ней он был в среду у кинотеатра «Стерео», в ней я видел его вчера у гостиницы.

Признаться, я с трудом подавил желание составить ему компанию. А что: открыть дверцу, сесть в машину и предложить совместную автопрогулку по городу-курорту. Заодно поинтересоваться, что он здесь выноживает.

Пожалуй, я бы так и сделал. Если б не инструкция. Отдыхать, купаться, загорать — вот весь мой репертуар на ближайшие сутки. Душеспасительные беседы с таксистами в него не входили.

Делать нечего: бросив последний взгляд внутрь кабины, я обошел машину и медленно поплелся вдоль улицы, втайне надеясь, что, заметив меня, Тoffик проявит свою знаменитую активность.

Увы, этого не произошло. Наверно, он тоже действовал по инструкции. А может, сказались врожденное любопытство: на подступах к дому меня поджидал еще один «почитатель». У «Канцтоваров», шлифуя асфальт, прогуливался Витек.

Моя популярность росла не по дням, а по часам. Конечно, никто не сомневался, что после переговоров в баре меня будут опекать с особым усердием, и все же появление на Приморской сразу двух визитеров настораживало.

«Что ни говори, а костюмы у него высший класс, — отметил я про себя, глядя на приближавшуюся поджарую фигуру в плотно облегавшем шелковом пиджаке и с неизменной бабочкой на шее.

— Салют, — выплывнув жевательную резинку, приветствовал меня Витек.

— Салют, — ответил я.

В последний раз мы расстались не очень-то дружелюбно, и, очевидно, памятуя об этом, он приступил прямо к делу.

— Я принес, — сказал он.

— Что принес? — не понял я.

— Список. — Он сунул мне в ладонь скатанную в шарик бумажку. — Здесь все, кто был в баре. Они тебя интересовали.

— Меня интересовали не все, — поправил я.

Передав список, Витек явно испытал облегчение и обрел светскую непринужденность:

— Знаю, что не все. Но того кадра я действительно никогда раньше не видел. Ей-богу. Это ж шпана. Я

такую шуштуру на нюх не переношу. А насчет списка не сомневайся, все записаны.

Я, когда милицию вызывал, заодно боссу звякнул. Так, мол, и так, загнулся наш толстячок. Он как услышал, что и ты у меня был, сразу и попросил взять на заметку свидетелей. Он ведь уверен, что это твоя работа, с Герасем... Витек посчитал эту тему слишком деликатной и перешел на более безопасные материи: — Там и фамилии есть и адреса. Я, конечно, не сам — слышал, когда их милиция опрашивала...

«Осечка» — Я посмотрел на бумажный ком в своей ладони. — Выходит, у наших такой список давно имеется».

— ...Так что зря ты ко мне прицепился, — продолжал Витек. — Из бара, кроме вас двоих, никто не выходил. А потом Герася с улицы занесли.

— Он еще живой был?

— Куда там — мертвей не бывает.

Я, не разворачивая, отбросил бумажный шарик, и он откатился в кусты. Витек присел и, поиская, выудил его обратно.

Воспользовавшись моментом, я повернулся спиной к изгороди с тем расчетом, чтобы держать под присмотром машину Тофика, но опоздал. На месте, где она только что стояла, было уже пусто.

— Возьми, ты обронил, — сказал бармен.

— Оставь себе. — Я тщательно выискивал среди припаркованных к тротуару автомобилей зеленый огонек такси. Тофик либо уехал, «передав» меня на попечение бармена, либо отогнал машину за угол, а сам спрятался где-то поблизости, у гостиницы. Черт с ним, пускай прячется. Хоть на крыше. С сегодняшнего дня я в эти игры не играю.

— Значит, не требуется? Ну, как знаешь. Я для дела старался.

Этого он мог не говорить. Дубликат списка появился на свет не ради моих красивых глаз, это я понимал. Понимал и то, что бармен старался для дела. Только вот для какого?

— О'кей. — Как видно, Витька не очень огорчил мой отказ. — Будем считать вопрос закрытым. Но это не все. У меня к тебе предложение, Вальдемар. Очень важное.

Нас никто не слышал, и все-таки я предупредил для очистки совести:

— Не теряй времени. С делами покончено, хватит с меня твоего босса.

— Знаю, все знаю, — не смутился он. — Я, если хочешь знать, самый нужный сейчас для тебя человек.

— Это почему?

— Потому что помочь хочу. Затем и пришел.

Ну не Витек, а воплощенная добродетель!

— И чего же ты хочешь, помощник?

— Есть маленький бизнес, — доверительно сообщил он.

О господи, снова бизнес! С некоторым пор при одном этом слове у меня начинало сводить скулы.

— Я же сказал, делами не занимаюсь, — повторил я опять же для очистки совести.

Витек укоризненно скривил губы:

— Я тебя полтора часа жду. Сменщика специально вызвал, бар на негр оставил...

Вопрос о том, оставил ли он сменщика вчера, чтобы сразу вслед за Герасем выскочить во двор и завести машину, так и вертелся у меня на языке, но я воздержался.

— Ладно, говори, чего надо. — Я решил применить жесткий прессинг по заимствованному у Стаса методу: — В твоём распоряжении пять минут, ни секундой больше. Я спать хочу.

Витек встрепенулся. Это был именно тот язык, к которому он привык.

— Значит, так — Он зыркнул по сторонам и, удостоверившись, что поблизости никого нет, зачастил: — Боссу позарез нужна валюта. Срочно и в неограниченном количестве. Он гребет ее под себя всеми конечностями. На этом мы и сыграем. Если ты возьмешься толкнуть ему мою монету, мы сдерем с него семь шкур. Он берет по любой цене, усек?

— Не очень.

— Да что тут непонятного! Я продаю, он покупает, и ты не в убытке.

Нет, видно, не выйдет из меня бизнесмен. Не так давно я сам предлагал Шахмамедову похожую сделку, но там посредник был необходим, а зачем он Витьку?

Спрашивать было неудобно да и без надобности — изложив суть, Витек в прежнем ускоренном темпе перешел к деталям:

— У нас с ним свои счёты. Босс не знает, что у меня есть валюта. И потом я свой, мне он никогда не даст настоящей цены, а у тебя возьмет. Он тебе верит. — Чуть помедлив, бармен пустил в ход тяжёлую артиллерию: — Ты просил достать «Грюндиг». Так вот, если провернем это дельце, я отдам тебе его даром. И пару кассет в придачу...

Ого! Я невольно вспомнил, как он переливал в бутылку содержимое моей невыпитой рюмки. Такой своего не упустит. На сколько же он рассчитывает надуть своего любимого босса, если только мой

процент со сделки исчисляется четырехзначной цифрой?!

— ...Пойми, дело верное, — поощряемый моим молчанием, продолжал Витек. — Прибыль гарантирована, как в швейцарском банке. Это я тебе обещаю. Если согласишься, двойное удовольствие получишь: пару кусков в карман положишь, и сволочь эту прижмем... Ты не думай, я его уважаю, но всему есть предел. Таким налогом обложил, хоть вой. Он и тебя обобрал, я же все слышал. Неужели не обидно?.. Порядочки завел, диктатор хренов... Под страхом держит, двигает, точно пешками... Ну ничего, мы ему покажем.

В этой речи все было фальшивым, от начала и до конца. Все, кроме злости. Она была неподдельной. Настолько неподдельной, что я уже не сомневался, что предлагаемая сделка — такая же приманка, как и список. Верней, не приманка, а фикция, с помощью которой он пытается прикрыть подлинную цель, ради которой затеял дело с куплей-продажей валюты.

Слуга всех господ, в разное время служивший и Кузнецову, и Герасю, и Стасу, на самом деле он не служил никому. Я сознательно избегал обобщений, но факты налицо: Кузнецова нет, Герася тоже, как видно, дошла очередь и до Стаса. В общих чертах я уже догадывался, чего добивается этот тихий, услужливый и, быть может, самый опасный тип в их страусиной компании, хотя до конца проникнуть в тайники его хищного мозга мне едва ли дано.

— Ну что, годится? — спросил он.

— Сначала ответь мне на два вопроса.

Очевидно, он опасался, что я буду торговаться, и с напускной бодростью согласился:

— О чем разговор. Конечно, Вальдемар.

— Зачем Стасу столько валюты?

— А ты не знаешь? Туда собирается. — Он кивнул почему-то вверх. — Чемоданчики с двойным дном приготовил. Визы ждет, скотина. Ничего, дождется.

Угроза, прозвучавшая в последних словах, подтверждала мою догадку, и я даже пожалел, что здесь нет Стаса — то-то была бы потеха!

— А ты чего теряешься? Валюта есть, пиджак вон шелковый, хоть сейчас в Гонолулу доллары сшибать.

— Нашел дурака, — не поддержал мою шутку Витек. — Там таких, как я, своих хватает. — И не без злорадства добавил: — Пусть босс едет, может, со своим оксфордским произношением пособие по безработице выхлопочет, а мне и здесь неплохо.

Его рассуждения лишней раз убеждали, что потолок, который он себе отмерил, был несравненно выше, чем у хозяина, которому он служил.

— Хорошо. Вопрос второй: сколько у тебя валюты?

— На пятнадцать тысяч, — без запинки ответил бармен. — Все, что у меня есть. Загонишь дорожку, разницу оставишь себе.

Я оторопел. Если б Витек сказал, что у него миллион, я удивился бы меньше.

— Так что, согласен? — занервничал он.

— Подумать надо.

— Ты что, ничего не понял?! — возмутился он. — Некогда думать, он же со дня на день разрешение получит, ищи тогда ветра в поле. Не темни, Вальдемар. — В его голосе появились просительные нотки. — Какая тебе разница, это же беспроектное дело. Может, тебе два куска мало, так скажи прямо.

Что ж, придется сказать прямо. Он сам напросился.

— Значит, ты даешь мне валюту?

— Ну да!

— Я продаю ее Стасу, отдаю выручку тебе и по-быстрому сматываю удочки, правильно? А потом — при таможенном осмотре, например, — твой босс горит синим пламенем вместе со своими чемоданчиками, верно?.. Нет, ты тут ни при чем. Ты просто стоишь среди провожающих и смотришь, как его уводят под белы руки. Ну и заодно подсчитываешь выручку, конечно...

— Чего несешь? Чего несешь? — слабо возразил Витек, покрываясь красными пятнами.

— Когда все уляжется, — продолжал я, — ты спокойно занимаешь его место и прибираешь дело к своим рукам. Оно, конечно, неплохо задумано, только я в этой комбинации лишний. Своди свои счёты сам. — Я подмигнул. — Привет, босс!

Даром я старался — самолюбие у этого типа полностью отсутствовало.

— Смотри, времени в обрез. Подумай до завтра. О'кей? — И, махнув рукой, он потопал к стоявшей у тротуара машине.

Вполне возможно, к той, что была сегодня в переулке. По крайней мере сумма, которую он назвал, в точности сходилась со стоимостью похищенной из «Лотоса» валюты.

Глава 7

1

Пошел пятый день моего пребывания на Приморской.

Пятый и, судя по всему, последний. Сегодня истекал назначенный Стасом срок. Симаков тоже надевал

ся уложиться в одни сутки. Лично для меня этот день обещал стать едва ли не самым тягостным из всех предыдущих.

Имя преступника было известно, но я его не знал. Мои товарищи в поте лица работали над сбором доказательств, я же был обречен на бездействие. У меня имелась информация, но не имелось разрешения передать ее по назначению.

Взвесив свои урезанные до минимума возможности, я пришел к печальному выводу, что единственная польза, которую могу принести, — это аккуратно фиксировать факты, с тем чтобы включить их потом в рапорт, который независимо от обстоятельств должен буду представить высокому начальству.

Решение далось без труда, но оно было принято, и я, не откладывая, приступил к делу. Правда, за изменением письменных принадлежностей пришлось ограничиться мысленными заметками.

00 часов 10 минут. На углу улицы Приморской и Курортного бульвара мною замечено такси марки «ГАЗ-24», номерной знак 34-80. За рулем находился Т. Шахмамедов. Вскоре после моего появления он уехал.

00 часов 12 минут. У поворота к дому встретил Витьку (фамилия мне неизвестна). Он вступил в разговор и предложил мне от своего имени продать Стасу (фамилия мне неизвестна) принадлежащую ему валюту на сумму 15 тысяч рублей. В качестве вознаграждения был обещан магнитофон марки «Грюндиг» стоимостью 1,5 тысячи рублей.

00 часов 27 минут. Бармен уехал на автомашине марки «Жигули» синего цвета, номерной знак 75-16 (ранее на бампере с правой стороны мною обнаружена вмятина неизвестного происхождения).

Так началась суббота, четвертое октября.

Я много бы отдал, чтобы знать, как будет выглядеть заключительная строка моего отчета!

«Ну и темень!» — думал я, почти вслепую пробираясь по дорожке к дому.

Если кому-то еще не расхотелось испытать на прочность мою черепную коробку, ему представлялась прямо-таки идеальная возможность: кругом ни души, темень и время самое что ни на есть подходящее — половина первого ночи.

Но я поднялся на крыльцо и дернул за ручку двери. Она не поддавалась.

Я пошарил под лежавшим на пороге ковриком. Ключ был там.

Я открыл дверь, осмотрел обе комнаты и кухню. Так и есть — никого. На спинке кресла, напротив телевизора, — ситцевый халат, под креслом тапки, на журнальном столике раскрытая книга и будильник с вытянувшимися в вертикальную линию стрелками.

Я мысленно дополнил свой рапорт новой записью: 00 часов 30 минут. В доме по улице Приморской никого нет.

Я запер дверь и отправился в беседу.

Незаметно мысли вернули меня на восемь часов назад, к моменту, когда видел Нину в последний раз. Это было за несколько минут до встречи со Стасом, в квартале от «Страуса». Там мы и расстались. На случай, если беседа затянется и мне понадобится время, чтобы сменить пленку, я дал ей телефон бара и попросил позвонить туда трижды с промежутками в полчаса. Первый раз она позвонила в половине шестого. Получается, что остальные два звонка пришлось на шесть и половину седьмого, когда меня там уже не было. Я пытался представить, что она делала потом, после семи, однако дальше кресла у телевизора и раскрытой книги фантазия не срабатывала. Почему она не дождалась меня? Что заставило ее выйти из дома?

Кроме самой Нины, об этом знал, пожалуй, только Симаков, но мне-то от этого не легче. Он много чего знал, да мало что говорил.

Я заново перебрал подробности нашего с ним разговора и удивился, как много в нем темных мест, намеков, неясностей, которые раньше прошли мимо моего внимания.

Взять те же снимки. Он сказал, что им удалось сфотографировать и машину и того, кто в ней сидел. Кто же? По-видимому, я знаю этого человека, иначе не имело смысла скрывать от меня его имя. Но в том-то и дело, что я не имел возможности проверить алиби ни одного из своих новых знакомых. Любой из них мог находиться в машине. Любой! Страшно подумать, кого только не подозревал я за минувшие четыре дня! И Стаса, и Герася, и Вадима, и Тофика. Теперь к ним прибавился еще и Витек.

Названная им сумма совпадала со стоимостью похищенной валюты. Чем не улика? Допустим, он пронюхал о пресловутом плане и ему удалось добиться того, чего не смог добиться Стас: найти общий язык с Кузнецовым. Дальше все разыгралось как по нотам: заручившись согласием, он подогнал машину с тыльной стороны гостиницы, проник в бухгалтерию, впустил туда Сергея и вместе с ним смылся в неизвестном направлении, а спустя сутки убрал сообщника. Логично? Вполне.

Ну, а если отбросить улику? Если это и не улика вовсе, а случайность наподобие тех, на каких строились прежние мои гипотезы?..

Я поставил магнитофон на колени и хотел послушать «Арсенал», но в темноте, видимо, включил концовку — мелодия оборвалась. Я решил, что заело пленку, но катушки вертятся исправно.

Внезапно в динамике раздался щелчок, и чей-то незнакомый голос произнес с вопросительной интонацией:

«Посмотри, я правильно поставил на паузу?»

«Твоя машина, ты и разбирайся», — слышалось в ответ.

Я буквально ошарашен от неожиданности.

«Тут миллион кнопок... Эта, что ли?»

Тембр резко изменился на более высокий.

«Кстати, ты принес Хендрикса? Я просил».

«Мало ли чего ты просишь!»

Голос, подавший последнюю реплику, был мне знаком.

«Приличные люди, между прочим, за записи с пласта наличными платят, а не обещаниями».

Это был Витек! Я мысленно взмолился, чтобы тот, кого услышал первым, как можно дольше не нажимал клавишу «пауза». Впрочем, бармен как-то проговорился, что подслунал Кузнецову не совсем исправный магнитофон.

«Ты же в курсе, я на мели. Но я отдам. И тебе и ему».

«Слышали, знаем.— Витек явно чувствовал себя хозяином положения.— За твою «отдачу» фирменный пласт не купишь. Тебе не в «Спринт» играть надо, а машинку для печатанья гознаков завести. Тогда и с долгами расплатишься».

Второй голос принадлежал Сергею — теперь в этом не было никаких сомнений!

«Так что — займешь ты мне или нет?»

«Опять заладил. Ну откуда у меня такие деньги?»

«Не зажимай. Для тебя это не сумма».

«А ты мне их давал? Это когда чужие, не сумма. Собери-ка ты лучше барахлишко и снеси в комок».

«А в чем ходить буду? В трусах?»

«Мне-то что, хоть и в трусах. Иностранцы вон ходят».

«Ну займи, будь человеком. Два дня осталось!»

«Нет. И не проси».

«Ну почему? Раньше давал!»

«Я-то давал, а вот чтоб ты возвращал, не припомню».

«Да не заводись ты!».

«А ты не успокаивай. Я-то в порядке. О себе побеспокойся. Думаешь, не знаю, как ты к нам относишься? Спекулянты, фарца, за два цента мать родную продадут. Только поздно хватились. На себя посмотри, сам-то чем лучше? На какие шиши живешь? На заработанные? Как бы не так. На наши и живешь. На мои да на Стасовы. А как до дела доходит — нос воротит. Нет, Кузя, хватит — посидел на чужой шее. Брать научился, учишь и отдавать».

«Да пойми ты, не с чего мне отдавать. Не с чего!»

«Как это не с чего? А в мешках чего сдаешь? Макароны? Из «Лотоса» тысяч по двадцать, небось, каждый вечер возят! Разжевали тебе, в рот положили, а ты и глотать не желаешь».

«Не могу я».

«Что, совесть не позволяет?»

«Считай, что совесть».

«Оригинальная она у тебя. Шмотки в долг, значит, позволяешь, а как платить, нет ее? Ладно, пошел я. Только учти: долги с тебя все равно сдерем. Не Стас, так я выжму. Имей в виду...»

00 часов 49 минут. В результате прослушивания кассеты, принадлежавшей покойному, на стороне помеченной цифрой 1, мной обнаружена запись беседы между Кузнецовым и Витьком.

Я наскоро прокрутил оставшуюся часть пленки, но больше ничего интересного не нашел. Я вновь перевернул кассету и несколько раз прослушал запись.

Из разговора следовало, что: 1) Сергей встречался с Витьком за два дня до срока, отпущенного ему для принятия решения, то есть 13 сентября; 2) Кузнецов просил занять деньги и получил отказ; 3) Тогда и стали склонять Кузнецова принять предложение Стаса.

Насколько полезны эти сведения и как они стыкуются с теми, что сообщил мне Симаков, я обмозговать не успел.

На дорожке слышались шаги, потом неразборчивое восклицание и мужской голос:

«...рассуди, раз его нет ни в больнице, ни в милиции. Вспомни, как ты вчера психовала...»

Они остановились прямо напротив беседки. Сквозь путаницу виноградных листьев я увидел Вадима.

«Поздно уже. Ты езжай, а я подожду», — сказала Нина.

— Куда езжай? Могу я тебя в таком состоянии одну оставить? Он хотя бы наемкнул, куда идет?

— Нет, ты уже спрашивал.

Надо было выручать Нину: я втавил ее в эту историю, мне и выкручиваться. Я подхватил сумку и вышел из своего укрытия.

— Ну вот, кто ж так делает, старик! — Вадим кинулся навстречу: — Мы из-за тебя полгорода исколесили. Ты бы для разнообразия предупредил, что ли! — Он хлопнул меня по плечу. — Вчера до полуночи пропадал, сегодня...

— Дело у меня было. Тип один магнитофон обещал достать, потом на переговорный ходил матери звонить.

— Это не Стас тебе магнитофон обещал? — спросил Вадим.

— Он самый. — Я старался не смотреть туда, где стояла Нина, догадываясь, какого рода чувства она сейчас испытывает. — Ты его знаешь?

— Конечно. Дешевка твой Стас. — Вадим сказал это без всякой злости, отчего его слова прозвучали особенно веско. — Дешевка и шизик. Торгаш копейный. Знаешь, как его фамилия?

— Нет, он как-то не представлялся.

— Маквейчук.

— Ну и что? Обыкновенная фамилия.

— То-то и оно. Как раз это его и не устраивает. Твой дружок спит и видит заграничный паспорт и чтоб в нем на английский лад значилось — Макковой. И непременно с двумя «к». Свихнулся на этой почве. Все никак не выберет, что лучше: мистер, сеньор или месье. Шизик, — повторил он. — Не связывался бы ты с ним. — Вадим взглянул на Нину и заторопился: — Ну, ребята, вы тут разбирайтесь, а я отчаливаю. Не забыли — завтра открытие фестиваля. Придете?

Я не рискнул ответить за обоих, но вопрос был задан, и это была вынуждена сделать Нина.

— Придем, — сказала она сухо.

Я понял, что помилован, и с легким сердцем пошел проводить Вадима.

— Ну будь, старик, — сказал он, усаживаясь в свою «Каравеллу». — А с магнитофоном не чуди. Магазинов тебе мало? Если что, я помогу. Подберем подходящий.

Я помог ему поместить костыли на заднее сиденье, и «Каравелла» тронулась с места.

Еще с минуту я обзирал окрестности, но ничего достойного быть отраженным в рапоре не приметил. Разве что швейцара, мирно клевавшего носом у входа в гостиницу, да бесшумно мигавший над его головой магический кубик.

Не стану описывать своего возвращения — это тоже не для отчета. Скажу только, что Нины во дворе уже не было, а когда я, взбежав по ступенькам, переступил порог, на моей шее сплелись две женские руки. И еще скажу, что именно в ту секунду впервые почувствовал себя по-настоящему свободным. Мне даже показалось, что это ощущение не покинет меня никогда.

2

Проснулся я поздно, но никаких угрызений совести по этому поводу не испытывал.

За окном вовсю светило солнце, пели птицы, и мир представлялся до удивления простым и понятным. Я стал думать о будущем. Нужно ли говорить, что оно виделось мне исключительно в розовых тонах и не иначе как под аккомпанемент знаменитого марша Мендельсона, хотя, признаться, это не самое любимое мое произведение, уж больно оно помпезное.

Само собой, при первой же возможности мы уедем из этого дома, переберемся в гостинку с душем, двухконфорной плитой и видом на... Собственно, не так уж важно, куда выйдут окна нашего будущего жилища — на море, горы или на пальмовую рощу, важно, чтобы тамашный пейзаж не портили подонки типа Стаса и его подручных. Сейчас само их существование казалось нелепым и противоестественным.

А может, их действительно нет? Может, я и впрямь видел сон — дурной сон, за которым, как водится, наступило пробуждение?

Еще немного, и я бы окончательно поверил, что так оно и есть, но тут взгляд случайно упал на висевшую у двери сумку. Внутри лежал магнитофон и кассета, и, как ни грустно было расставаться с мечтой о всеобщей гармонии, пришлось срочно опускаться на грешную землю.

Там, на улице, нас наверняка уже поджидали люди, в существовании которых я имел глупость усомниться. Они, конечно, не сон и не плод воображения. Им наплевать на все, что дорого мне. Нине, девочкам, с

которыми она спорит на комсомольских собраниях, людям, живущим здесь и приезжающим сюда на отдых. У них свои проблемы, у этих джентльменов из «Страуса». Я и раньше встречался с ними, хотя до сих пор как-то не принимал всерьез. В подъездах и закутках магазинов они выглядят в общем-то безобидно: ну, мелкий спекулянт, ну, сдерет лишку, зато достанет нужную вещь — дело вроде житейское. Но, видно, таково свойство дармового рубля: погна за ним рано или поздно приводит к насилию.

Понадобилось пройти весь путь от «сходняка» до гостиничного холла, чтобы очевидной стала связь между «маленьким бизнесом» и двумя убийствами. Смерть Кузнецова была прямым и, пожалуй, закономерным итогом отношений, которые связывали его с компанией из «Страуса». Так же, как и смерть Гераса.

Симаков сказал, что у меня слишком мало исходных данных. Наверно, он прав. Я не знал, кто ждал Кузнецова за дверью бухгалтерии, кто пришел с ним на пляж, кто сидел за рулем автомашины. Но у меня скопилось изрядная информация о самом Кузнецове. Это был уже не тот безликий манекен, с которым я повстречался однажды вечером.

Кто же он? Преступник? Или потерпевший? О чем думал и чего хотел? Что любил и что ненавидел?

Вопросы остались прежние. Иными были ответы. Одно время я считал, что он стал жертвой хорошо организованного преступления. Потом ударился в другую крайность, решив, что мы имеем дело с преступником-одиночкой. И лишь теперь начал понимать, что истина находится где-то посередине.

Не случайно при всей несхожести отношения к покойному все, что мало-мальски знал Сергея, подчеркивали его увлечение тряпками. Конечно, сами по себе вещи не могут быть опасными, но в данном случае правильной, наверно, говорить не об увлечении, а о болезненной страсти, в которую со временем переросло у него нормальное и вполне понятное желание красиво и модно одеться.

Несколько дней назад в разговоре со мной Вадим по пальцам перечислил интересы Сергея: жена, музыка, одежда. Тогда я так и не решил для себя, много это или мало. Теперь знаю — мало! Можно любить музыку, тряпки, можно играть в «Спринт», но нельзя втиснуть мир в эти узкие рамки: рано или поздно жизнь все равно их ломает, и тогда обнаружится, что ты не готов принять ее такой, какая она есть, со всем ее хорошим и плохим, простым и сложным.

Жена, музыка, одежда. Наверно, так было не всегда. Став владельцем крупной суммы, скромный работник общепита и сам не заметил, как постепенно изменялась его жизнь. Нет, преступником он еще не стал, но первый шаг был уже сделан. Он стал покупателем. Не просто покупателем, а покупателем-партнером, покупателем-соучастником!

Сколько человек в этой страусиной компании? Пять? Десять? Она явно малочисленна и не продержалась бы и часа без тех самых добровольных партнеров и соучастников, для кого одежда давно перестала быть одеждой, а мерилком всех ценностей земных стали штаны с блямбой на заднице, кожаное пальто или магнитофон.

И все-таки что произошло вечером пятнадцатого сентября? Что заставило его изменить маршрут и свернуть в заранее открытую дверь бухгалтерии?

При всех недостатках и слабостях были в характере Сергея черты, отличавшие его от остальной страусиной братии. Надолго бы их хватило — неведомо. Со временем он мог превратиться в исправного «посредника» или «диспетчера», но так вышло, что судьба устроила ему испытание, определив совершенно точный час и место, как будто нарочно хотела проверить эти его качества на прочность.

Передо мной в сотый, наверно, раз встал гостиничный вестибюль, шеренга игровых автоматов, лестница, ведущая в ресторан.

По ней Кузнецов поднялся вверх и свернул влево, в проход между каменными вазонами и перегородкой. Перед ним был отрезок длиной пять-шесть метров — отрезок, на котором он оставался практически невидимым...

Чутье подсказывало, что я как никогда близок к разгадке. Не хватало какой-то мелочи, которая поставила бы все на свои места. Досадней всего, что я понятия не имел, где искать эту самую мелочь: в «Лотосе», в таксопарке или на пляже санатория имени Буденного. Зря я туда не съездил, авось что и выискал бы. Ну ничего, мое время не истекло. До открытия фестиваля — а других мероприятий на сегодня не намечалось — оставалось десять часов.

Я посмотрел на часы. Они показывали половину одиннадцатого.

Окончание следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.10.84. Подписано к печати 31.10.84. А 12876. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2985. Заказ № 3725. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги третьего задания

Вот и закончился Конкурс кроссвордистов-84. Тысячи читателей «Смены» приобщились к увлекательной игре, узнали, как не просто составить по-настоящему интересный кроссворд.

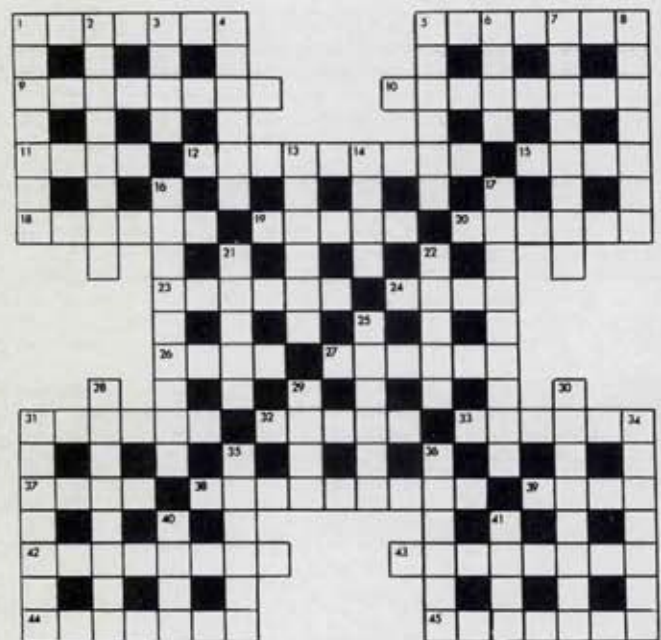
«Не знаю, окажусь ли в числе победителей, — написал М. Старобинец, чей кроссворд жюри признало лучшим, — но, выполняя задания, постигаю много для себя нового и интересного».

Многие читатели написали, что им жаль расставаться с конкурсом. Как мы уже сообщили, в будущем году Конкурс кроссвордистов будет продолжен.

Итак, итоги третьего задания. После анализа всех кроссвордов, в которых ни в чем не нарушены условия, напечатанные в № 14 «Смены», жюри признало лучшим публикуемый в этом номере кроссворд читателя **М. Старобинца** из г. Горького. Он удостоен Почетного диплома «Смены». Жюри выставило высокие оценки также пяти другим участникам соревнования. Это **Г. Афонина** из Киева, **А. Данилин** из Люберец Московской области, **Б. Додатко** из Читы, **А. Коркин** из Новоалтайска и **Г. Митрошкин** из Петропавловска-Камчатского. Все они отмечены Почетным дипломом «Смены», и каждый получит книгу «Верное сердце», изданную к 60-летию журнала.

Почетного диплома удостоены, кроме того, читатели **А. Кашенко** из Кишинева, **Ю. Новокрещенов** из Москвы, **В. Саванец** из Краматорска Донецкой области, **Л. Сект** из Харькова и **А. Юдников** из Кирово-Чепецка Кировской области.

Поздравляем победителя и призеров, благодарим всех участников. До новых встреч!

По горизонтали:

1. Старший тренер одной из футбольных московских команд высшей лиги.
5. Американская игра с мячом.
9. Самый древний комплексный вид спорта.
10. Литовец, мастер забрасывать мяч в корзину, игрок сборной СССР 1947—1954 годов.
11. Часть футбольного матча.
12. Игра с использованием корзины из-под персиков, аналог ацтекской игры тлачтли.
15. Югославский баядерочник, серебряный призер XXIII Олимпийских игр.
18. Игра с деревянными шарами и особым молотком.
19. Исландская борьба, входившая в показательную программу V Олимпийских игр.
20. Древние грузинские скачки подростков.
23. Грузинская конноспортивная игра с шарфом.
24. Руководитель советской экспедиции «Эверест-82».
26. Тройка французских яхтсменов, чемпионы V Олимпийских игр.
27. Азербайджанская игра, упоминаемая в поэме Низами «Хосров и Ширин».
31. Часть шлаг, ралеры.
32. Игра с мячом и клюшками, возникшая в средневековой Дании.
33. Подвижная фигурная мишень для пулевой стрельбы.
37. Продольный брус на днище спортивных судов.
38. Тип спортивных гонок.
39. Английский гроссмейстер.
42. Альпинист.
43. Род физкультуры, доступный малышу раньше, чем он научится ходить.
44. Скачки на неоседланной лошади, распространенные в Тушети, районе Грузии.
45. Вид спорта, обязательный у воинов.

По вертикали:

1. Футбольная команда высшей лиги, десятикратный чемпион СССР.
2. Самая массовая в мире спортивная игра.
3. Точное календарное время спортивного соревнования.
4. Финский борец, победитель IV Олимпийских игр.
5. Спортивная олимпийская снасть.
6. Узбекские конные состязания с тушей козла.
7. Кубинский спортсмен, участник турнира «Дружба-84» в тройном прыжке.
8. Популярная в Европе конная игра с рыжим хвостом пушного зверя.
13. Советский лыжник, чемпион VII Белой Олимпиады.
14. Армянские шашки.
16. Древнегреческое олимпийское пятиборье.
17. Игра, возникшая на английском курорте, вариант старинной японской игры ойбане.
21. Хевсурское фехтование на шашках со щитами.
22. Казахские скачки, на которых джигиты выявляют достоинства лошадей.
25. Древний вид спорта, официально принятый в России в 1885 году.
28. Игра, страстное увлечение В. Маяковского.
29. Конноспортивная игра с мячом и клюшками, правила которой разработали персы.
30. Финская конькобежка, чемпионка мира 1951 года.
31. Греческий штангист, чемпион III Олимпийских игр.
34. Первая олимпийская чемпионка в истории латвийского спорта.
35. Европейская и латиноамериканская игра с ракетками и мячом на резиновой нити.
36. Головокружительный лыжный спорт.
40. Грузинские конные скачки.
41. Расстояние между кистями рук штангиста на грифе поднятой штанги.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ГРОССМЕЙСТЕР КОМПОЗИЦИИ

Когда в 1972 году было учреждено звание гроссмейстер по шахматной композиции, еще до установления спортивных норм оно было присвоено honoris causa четверем выдающимся композиторам мира. В их числе был **Лев Ильич Лошинский** (1913—1976).

Общее число опубликованных Лошинским композиций сравнительно невелико — около пятисот но его творческие и спортивные успехи исключительно высоки. Каждая третья композиция приносила ему победу в соревнованиях. Особенно значительны его достижения в области стратегической трехходовки — здесь не было ему равных. Участвуя в 9 чемпионатах СССР по трехходовкам, он ни разу не уступил первенства. И по другим разделам композиции Лошинский 5 раз становился чемпионом страны.

Лошинский был непревзойденным мастером рекордных задач. Virtuозная техника позволяла ему осуществлять самые сложные замыслы и облекать их в соответствующую художественную форму. Убежденный приверженец стратегической школы, Лошинский оставил нам в наследство образцы и других школ и стилей.

Конкурс в Швеции, 1930
I—II почетный отзыв

1. Сb3! — цугцванг. 1. ... Лb7, Сb7 2. Лс6, Ле7×, 1. ... Лg7, Сg7 2. Фe5, Ф:f7×, 1. ... Сf6, f6 2. Фg4,

Мат в 2 хода

Фe4×. Рекордный замысел — три перекрытия Гримшоу — в изящном оформлении!

Юбилейный конкурс, 1968
I приз

Мат в 3 хода

1. Ле5? b2!, 1. Сe5? Cd5! Решает 1. Ле3 с угрозой 2. С:f4+. 1. ... Лf1×, а на 2. ... Сd5 следует 3. Л:f5×. 1. ... f3 2. Се5!, и если 2. ... b2, то 3. Сf6×. Гармоничная задача на тему Новотного. Впечатление цельности замысла усиливается тем, что ладья и слон белых, осуществляющие тематическое перекрытие, сами затем матуют по линии действия аналогичных фигур черных.

«Шахматная Москва», 1964
I приз

Мат в 6 ходов

1. Кd7 g1Ф 2. Сc7 a1Ф 3. Cf3 d1Ф 4. Лd4 Фa4:d4, Фd:d4 5. С:d5+, Кf4+ Ф:d5, Ф:f4 6. Кf4, С:d5×, 4. ... Фa1:d4, Фg:d4 5. Кc5+, Ле5+ Ф:c5, Ф:e5 6. Ле5, Кc5×. Остроумная и оригинальная трактовка темы Плахутты. Белые дают возможность черным получить четырех ферзей, а затем жертвой ладьи вызывают их взаимное перекрытие.

ШАШКИ-83

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

В шашечном конкурсе 1983 года приняли участие несколько тысяч человек и 50 команд. Класс игры наших читателей значительно вырос, и для определения победителей были даны дополнительные задания. Победители указали и на недостатки в композициях начинающих авторов.

В командном зачете победителями стали: команда радиофизического факультета Харьковского госуниверситета (капитан С. Мезенин), команда средней школы № 130 г. Одессы (капитан В. Ткаченко), команда треста Оргтехстрой г. Сыктывкара (капитан В. Садиков), команда шашечно-шахматного клуба «Темп» г. Калининграда Московской области (капитан В. Цыганков).

Команды-победительницы награждаются дипломами журнала «Смена» и книгами.

Среди соревновавшихся в личном зачете 300 участников выполнили норму второго спортивного разряда, а 987 — третьего.

Победители в личном зачете: А. М. Абашин, В. П. Аргунов, А. А. Ботьяновский, А. Г. Бондаренко, В. Н. Бадьгин, О. И. Бурдин, Л. В. Вожаков, Г. И. Власов, С. Ю. Губочкин, А. В. Головань, Г. А. Голонцов, А. Г.-О. Гусейнов, А. А. Гомин, А. И. Григорьев, М. И. Гришин, И. М. Жгулёв, М. И. Зборовский, В. М. Зиновьев, Э. С. Измайлов, Г. Д. Ельцин, А. Н. Калынюк, В. М. Ключников, В. А. Куприянов, В. Н. Кузнецов, А. А. Куршанов, В. М. Каржавин, С. Н. Куроплатов, В. М. Крючков, С. С. Коновалов, А. Я. Катюха, П. П. Котляров, В. В. Кочетков, В. В. Колбин, Д. А. Камчицкий, Г. Д. Кононов, Н. В. Катурин, В. П. Ларкин, А. А. Макаров, Г. Г. Мжаванадзе, С. В. Мезенин, А. В. Ноткин, В. И. Неверко, Ю. И. Носа-

люк, В. Я. Никитин, В. В. Осин, В. К. Панченко, Е. Н. Панченко, В. В. Павлихин, Е. В. Паслен, П. Н. Пидлисний, М. Б. Певцов, А. П. Райков, Г. А. Розман, А. П. Рубцов, А. Б. Рябов, А. И. Рябов, А. С. Садовский, П. П. Санин, Ю. М. Спиричев, С. А. Стариков, Т. А. Сапега, Ю. А. Степанов, И. М. Сулягин, Л. В. Суский, В. Г. Семенов, В. Скрыпкар, С. А. Федоров, В. Ф. Фомичев, В. П. Холодов, А. И. Храмов, В. И. Чиркунов, С. К. Черных, Б. Н. Чердинченко, В. В. Чаплин, В. В. Черная, Л. В. Черная, В. А. Шабанов, С. Н. Шаббаев, С. Л. Шкодин, М. Б. Шор.

Все победители награждаются дипломами журнала «Смена» и книгами.

К сведению участников конкурса «Шашки-83». Те, кому необходимы справки о выполнении разряда, должны направить в редакцию открытку с четким указанием фамилии, имени, отчества и адреса.

До новых встреч в 1985 году!

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

2. Юнак.
4. Вкус.
10. Сталагнат.
11. Фермопилы.
12. Цинциннати.
14. Молланелес.
15. Есаул.
16. Хлоратор.
17. Березняк.
19. Эллин.
20. Луидор.
24. Сказка.
25. Рисорджименто.
28. Златовратский.
32. Рубини.
33. Жеруха.
35. Уткин.
37. Тулумбас.
38. Циклоида.
39. Флуер.
41. Зачинатель.
42. Таралунька.
43. Диксиленд.
44. Гранатник.
45. Ница.
46. Язык.

По вертикали:

1. Коллиматор.
2. Юргенсон.
3. «Аванте!».
5. Крезол.
6. Сомалиец.
7. Попенченко.
8. Стендовик.
9. Альпинизм.
13. Исследователь.
14. Муниципалитет.
16. Холл.
18. Краб.
21. Рыбли.
22. Шорты.
23. Перст.
24. Стриж.
26. Грот.
27. Оболончик.
28. «Знаменосцы».
29. Йеллуостон.
30. Будильник.
31. Ваза.
34. Нафталин.
36. Лишайник.
39. Фланец.
40. Разрез.

**МАСТЕР-ГОНЧАР
ВЯЧЕСЛАВ РЫСЦОВ.**

Гончар — редкая в наши дни профессия. Тем радостней встреча с мастером-гончаром, хранителем старинных народных традиций и в то же время современным художником, сумевшим привнести в традиционные формы и пластику гончарных изделий, и дух нашего времени. Вячеслав Рысцов — именно такой художник, сочетающий в своем творчестве необычайную цельность образного мышления народного мастера и ищущий все более сложные эмоциональные формы самовыражения.

Рысцов — гончар потомственный. В древней Ахтырке, что на реке Ворскле, близ гоголевской Диканьки и Опшны — старинного центра украинской керамики, живет дед Вячеслава, Василий Афанасьевич Коробка. Он-то и обучил внука своему ремеслу. А внук, казалось бы, не проявлял особого рвения к гончарному делу и поступил в Харьковский государственный университет имени А. М. Горького на отделение украинского языка и литературы. Но судьбе все-таки было угодно вернуть все на «круги своя»: каникулы Вячеслав проводил в Ахтырке, помогал деду, а у

**ДЕКОРАТИВНОЕ
БЛЮДО
«ХАРЬКОВ МОЙ».**

**ТАКАЯ ПОСУДА
УКРАСИТ ЛЮБОЙ СТОЛ.**

себя, в Харькове, поставил гончарный круг, сложил «печку» и стал делать горшки — «тыквы», «горнятки», «макитры», «гличики» — все то, что делал дед.

Гончарные изделия Вячеслава сразу стали популярными, и не только потому, что украинские хозяйки, мастерицы приготовления «смачных страв», стремятся запастись необходимой гончарной посудой, но и потому, что керамика Рысцова отличается особой теплотой и красотой. Посуда его уютная, домашняя и очень

удобная. Вячеслав редко прибегает к лепному декору, тактично и осторожно орнаментирует свои изделия, сохраняя чистоту силуэта и округлость кувшинов и горшков: посуда ведь обиходная, ежедневная и не пристало ей выпячиваться, мешать хозяйкам причудами лепных деталей.

Рысцов применяет различные приемы декорирования — глазурь, роспись ангобами и цветными пигментами, лепку. И все-таки чаще всего он обращается к

**«КАЗАК ПЫЛЫШ» И «КАЗАК ИЛЬКО».
СЕРИЯ ДЕКОРАТИВНЫХ ГОРШКОВ «УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ».**

РЕМЕСЛО ГОНЧАРНОЕ

**МАКИТРА
ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ТЕСТА.**

терракоте. Гончар умело находит то единственное решение, которое естественно и ненарочито связывает материал, форму и декор изделия, следуя неопровержимой логике истинно народного представления о красоте и пользе вещей.

Он еще и поэт. Когда читает свои стихи, заворачивает, околдовывает украинская мова, и кажется, что динамику стихам его задает рабочий бег гончарного круга. Мотивы литературной украинской классики звучат в керамических работах Рысцова: напольной вазе «Сватание на Гончаровке», серии декоративных горшков «Украинские казаки», скульптурных композициях «Казаки кашу едят» и «Троистые музыки»...

Вячеслав Рысцов закрывал свою выставку в Звездном городке. Зал Дома космонавтов, где была развернута экспозиция, напоминал украинский хутор: цвели знойные подсолнухи, на покосившемся плетне распластался затейливый рущничок, а на кольях грели бока, прожаривались кринки. И было полное ощущение звенящего малоросийского лета...

Галина ЧЕРНОВА

**УКРАИНСКИЙ БОРЩ
В ЭТОМ ГОРШОЧКЕ
КАЖЕТСЯ ЕЩЕ ВКУСНЕЕ.**

**СКУЛЬПТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
«ТРОИСТЫЕ МУЗЫКИ».**

